

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ,
СОВЕРШАЕМЫЕ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

**Сборник научных трудов
Международной конференции
(4 декабря 2020 г.)**

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
2020

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2020
ISBN 978-5-9694-0912-5

ББК 67.408.1

П73

Рецензенты:

профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор **Т. В. Пинкевич**;
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент **Н. Ш. Козаев**

Составители *А. А. Чугунов, Н. Л. Денисов*

П73 Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях судопроизводства : сборник научных трудов Международной конференции, 4 декабря 2020 г. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 170 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CUP 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-0912-5

Сборник включает статьи по материалам Международной конференции «Преступления против правосудия, совершаемые на досудебных стадиях судопроизводства», состоявшейся 4 декабря 2020 г. в дистанционном режиме.

Статьи посвящены проблемам применения норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые против правосудия, норм уголовно-процессуального закона и криминалистических методик, применяемых при расследования подобных преступлений. Сборник также включает статьи о проблемах дифференциации ответственности за подобные преступления и их квалификации.

Предназначен для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов учебных заведений МВД России, практических работников правоохранительных органов, адвокатов.

ББК 67.408.1

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CUP 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

Номер государственной регистрации
обязательного федерального экземпляра электронного издания – 0000000000

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Лосева О. С.*
Компьютерная верстка *Лосева О. С.*

Подписано к изданию 25.12.2020
Объем издания: 1 637 Кб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-0912-5

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.ru>; e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Гаврилов Б. Я.</i> Проблемы законодательного регулирования провокации преступления	7
<i>Рагулин А. В.</i> Законопроект о введении уголовной ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности нуждается в принятии	11
<i>Зателетин О. К.</i> Вопросы уголовной ответственности военнослужащих за побег с гауптвахты	19
<i>Денисова А. В.</i> Часть 3 ст. 299 УК РФ и иные уголовно-правовые меры защиты прав субъектов предпринимательской деятельности	24
<i>Нгуен Нгок Ха</i> Ответственность за принуждение к даче показаний в уголовном праве Вьетнама	28
<i>Жилкин М. Г., Доценко Е. А.</i> Вопросы формирования единого статистического учета преступлений на потребительском рынке	31
<i>Боровиков В. Б., Боровикова В. В.</i> Об уголовно-правовой политике в сфере борьбы с должностными преступлениями	36
<i>Кирюхин А. Б.</i> Семейно-бытовое насилие или просто насилие?	40
<i>Азаренкова Е. А., Осипов В. А.</i> Отграничение фальсификации доказательств по уголовному делу от служебного подлога	45
<i>Чугунов А. А., Хлебницына Е. А.</i> К вопросу об уголовной ответственности за провокацию взятки	50
<i>Габдрахманов Р. Л.</i> Квалификация преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ	56
<i>Денисенко М. В.</i> Некоторые вопросы назначения наказания за преступления против правосудия.....	62
<i>Жеребченко А. В., Абызова Е. Р.</i> Истоки и этапы установления уголовной ответственности за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей в отечественном законодательстве	67

<i>Карпова Н. А., Журавлева Г. В.</i> О некоторых проблемах уголовно-правовой регламентации ответственности за принуждение к даче показаний	73
<i>Кужиков В. Н., Калининская Я. С.</i> Коррупционные преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства	77
<i>Жеребченко А. В., Абызова Е. Р.</i> К вопросу об уголовной ответственности за должностные преступления	80
<i>Старых С. М., Калининская Я. С.</i> Актуальные проблемы правоприменительной практики в отношении преступлений, предусматривающих ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела	84
<i>Азаренкова Е. А., Карпушкин А. В.</i> Отдельные вопросы квалификации фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности.....	88
<i>Густова Э. В., Куликова М. А.</i> Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями (на примере сотрудников ОВД при расследовании уголовных дел)	93
<i>Раненкова Е. А.</i> Значение установления обстоятельств личности обвиняемого по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков.....	97
<i>Теткин Д. В., Пудовкин А. А.</i> Особенности тактики подготовки и проведения допроса по преступлениям против правосудия	104
<i>Раненкова Е. А., Попов А. Ю.</i> Совершенствование механизма противодействия вовлечения несовершеннолетних в криминальные субкультуры	108
<i>Мурадян С. В.</i> Уголовно-правовая характеристика злостного уклонения лица от отбывания ограничения свободы по ч. 1 ст. 314 УК РФ	114
<i>Корниенкова М. Р.</i> К вопросу о моменте окончания дачи взятки.....	119
<i>Азизов Р. А.</i> Институт освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации и Республике Таджикистан: сравнительные аспекты	122

Абдрахимова Э. О.

Фальсификация доказательств

по уголовным делам на стадии досудебного разбирательства..... 126

Поляков В. Ю.

Значение установления места преступления для правильной

квалификации общественно опасных деяний в сфере безопасности

дорожного движения (обзор судебной практики) 130

Горяева А. Ю.

Уголовная ответственность за хищение денежных средств

с банковских карт сотрудниками банков 135

Ивлева А. А.

Особенности установления наличия либо отсутствия признаков

состава доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ)..... 139

Суверов С. Е.

Примирение с потерпевшим как фиктивное основание, используемое

при незаконном освобождении от уголовной ответственности..... 145

Хоанг Ван Луан

Социальная обусловленность уголовной ответственности

за несообщение о преступлении в законодательстве

Социалистической Республики Вьетнам..... 150

Чефранов К. А.

О вопросе уголовной ответственности медицинского работника

после получения отказа пациента на медицинское вмешательство 154

Величко Ф. М.

Ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам,

нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом,

подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние,

как объект уголовно-правового исследования 158

Семочкина А. А.

О некоторых вопросах квалификации должностных преступлений

и преступлений коррупционной направленности..... 161

Сизова В. Н.

К вопросу о законодательном закреплении

категории уголовного проступка в контексте упрощения

процессуальных правил досудебного производства 165

*Гаврилов Б. Я.¹,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Среди представителей научного сообщества и практиков сегодня не прекращаются споры о понятии и значении провокации преступления, которые с каждым годом приобретают все большую актуальность, что обусловлено отсутствием, в первую очередь, единства мнений и оценок в вопросе определения уголовно-правового значения провокации преступления как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Влияют на такое положение не только вопросы законодательного определения провокации преступления и его признаков, но и их непосредственного использования при проведении оперативно-разыскных мероприятий, а также уголовной ответственности за совершение подобного рода уголовно наказуемых деяний. Из чего можно судить, что перечень связанных с понятием провокации преступления проблем остается достаточно значительным.

Говоря о понятие провокации преступления, автор отмечает, что данную категорию противоправной деятельности законодатель предусмотрел в ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно розыскной деятельности» [7] (далее – Федеральный закон «Об ОРД»), запрещающей «подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных деяний». Однако данное законодательное установление по запрету под страхом уголовного наказания совершения отдельных действий должностными лицами органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, с правовой точки зрения представляется недостаточно корректным.

Более того, законодатель, установив в ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» перечень из 15 оперативно-разыскных мероприятий, в которых граница между законным оперативно-разыскным мероприятием и провокацией преступления нередко является весьма условной, не предусмотрел уголовной ответственности за провокационную деятельность лиц, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности. При этом, следует учитывать, что осуществление сотрудниками правоохранительных органов в борьбе с преступностью провокационных действий нередко наносит больший вред охраняемым законом общественных отношений, чем многие из самих этих преступлений [3].

Включение в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 304 «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» и внесение затем в данную норму изменений Федеральными законом от

¹ © Гаврилов Б. Я., 2020.

23.04.2018 № 99-ФЗ [8] породило за собой весьма существенные сложности, в первую очередь, в правоприменительной практике и одновременно способствовало неопределенности указанной уголовно – правовой категории в науке уголовного права, поскольку спровоцировать, по нашему мнению, можно фактически любое умышленное преступление [1].

Тем самым, сегодня фактически за рамками уголовно-правового воздействия остается провокационная деятельность лиц, уполномоченных на проведение оперативно-разыскной деятельности.

Вопрос установления уголовно-правового значения провокации преступления, определение его сущности и признаков, а также установления ответственности за провокационную деятельность лиц, уполномоченных на проведение оперативно-разыскных мероприятий, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Более того, с данными проблемными вопросами сталкиваются не только сотрудники оперативно-разыскных подразделений, но и следователи, прокуроры, адвокаты, судьи при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, возбужденных по материалам оперативных разработок. Тем самым, общая неопределенность в этом вопросе негативно влияет на указанную правоприменительную практику, единообразие, законность и обоснованность принятия должностными лицами правоохранительных органов решений, а судом – на законность и обоснованность приговора.

Более того, определение уголовно-правового значения провокации преступления, установление ответственности за совершение подобного рода действий являются актуальной проблемой не только отечественного, но и международного права. Так, Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ), рассматривая провокацию преступления как структурную проблему, неоднократно указывал на ее распространенность в деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, например дело Ваньяна против Российской Федерации [5] и необходимость совершенствования законодательной базы в целях недопущения подобного рода правонарушений [6].

На проблему провокации в деятельности оперативных подразделений МВД России обращает внимание и руководство министерства, что подчеркивает актуальность излагаемой в настоящей статье проблемы [2].

Так, ежегодно руководителям (начальникам) подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов МВД России на региональном уровне, организаций и подразделений системы МВД России направляются для исполнения в пределах компетенции протоколы совещаний по данному вопросу у статс-секретаря – заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации [4].

В 2019 г. руководство МВД России, в числе прочих нарушений оперативно-розыскного законодательства, обратило внимание и на проблему провокации преступления, указав, что допущенные нарушения явились следствием отсутствия в российском законодательстве четкой и предсказуемой процедуры санкционирования независимым органом (например, прокуратурой или судом) проведения таких оперативно-разыскных мероприятий, как проверочная закупка (п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД») и оперативный эксперимент (п. 14

данной статье), согласие на производство которых сегодня дает руководитель правоохранительного органа, по указанию которого как раз и проводятся оперативно-разыскные мероприятия.

Одновременно, Главное управление собственной безопасности МВД России ежегодно обобщает поступившие от структурных подразделений, территориальных органов, организаций системы МВД России о фактах указанных нарушений закона со стороны сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, и вносит предложения по разработке дополнительных мер реагирования на них, в том числе и нарушений, выявленных по линии ЕСПЧ.

Руководство МВД России таким образом признает провокацию при проведении оперативно-разыскных мероприятий неправомерным актом поведения должностных лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, что свидетельствует об относительной распространенности таких деяний, в том числе и как отмечено выше по причине сохраняющихся нерешенных законодательных проблем.

Таким образом, провокационная деятельность лиц, уполномоченных на проведение оперативно-разыскных мероприятий, причиняет существенный вред правам и свободам отдельных граждан, общественным отношениям и интересам правосудия.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности и особой значимости данной проблемы в современных условиях и, соответственно, о целесообразности ее исследования на уровне научных исследований и внесения соответствующих предложений в органы законодательной власти.

Библиографический список

1. Гаврилов, Б. Я. Разграничение оперативно-разыскных мероприятий и провокации преступления, как одна из концептуальных проблем предварительного следствия. Материалы второго вузовского научно-практического семинара «Современные тенденции управления расследованием преступлений» Ч. 1 / Б. Я. Гаврилов. – М. : Академия управления МВД России, 2007.

2. Гаврилов, Б. Я. О разграничении оперативно-разыскных мероприятий и провокации (фальсификации) преступления (с учетом решения Европейского Суда по правам человека) / Б. Я. Гаврилов // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. – 2006. – № 3.

3. Мастерков, А. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности : автореф. дис... канд. юрид. науки / А. А. Мастерков. – Владивосток, 2000.

4. Протокол совещания у статс-секретаря – заместителя министра внутренних дел Российской Федерации от 05.04.2019 (документ не опубликовывался).

5. РосЕвроСуд. Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г. Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a-2/postanovlenie-espch-vanyan-protiv-rossii> (дата обращения: 11.12.2020).

6. Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект) Council of Europe, European Court of Human Rights, 2014.

7. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 11.12.2020).

8. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296450/ (дата обращения: 11.12.2020).

Рагулин А. В.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

ЗАКОНОПРОЕКТ О ВВЕДЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОСПРЕЯТСТВОВАНИЕ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НУЖДАЕТСЯ В ПРИНЯТИИ

Планируемая в рамках реализации Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи работа по объединению российских юристов на базе адвокатуры требует, чтобы при подготовке нормативных правовых решений в российское законодательство были имплементированы лучшие мировые практики и традиционные решения в сфере правового регулирования оказания юридической помощи. К этим практикам и решениям, среди прочих, следует отнести обеспечение невмешательства в законную профессиональную деятельность адвоката, что предполагает эффективную защиту от незаконных посягательств на личность, собственность и профессиональную деятельность адвоката со стороны государства.

1 сентября 2020 г. Министерством юстиции Российской Федерации к общественному обсуждению представлен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части установления дополнительных гарантий реализации принципа состязательности сторон) [4, 12, 27].

Основные идеи, заложенные в проект закона, разрабатывались и формулировались в ходе многолетних исследований и научно-практических мероприятий, а основным инициатором разработки предложений выступила Гильдия российских адвокатов и лично Президент ГРА Г. Б. Мирзоев.

Впервые как единая совокупность предложений основные идеи законопроекта были опубликованы в рамках научных работ [14], а затем публично обсуждены диссертационным советом Российского университета дружбы народов в рамках защиты диссертации А. В. Рагулина на соискание ученой степени доктора юридических наук в 2015 г. [19] Впоследствии предложения проходили дальнейшее обсуждение и доработку в рамках научно-практической деятельности Гильдии российских адвокатов [2] и рабочей группы «Развитие адвокатуры» Общероссийского гражданского форума под руководством А. В. Рагулина и В. В. Клювганта [6, 7, 8, 9, 10].

Рабочей группой в рамках подготовки проекта отмечалось, что надлежащее обеспечение гарантированного в ст. 48 Конституции Российской Федерации права каждого на квалифицированную юридическую помощь возможно лишь тогда, когда уполномоченное Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» на ее оказание лицо – адвокат, как

¹ © Рагулин А. В., 2020.

независимый профессиональный советник по правовым вопросам, имеет реальную возможность осуществить реализацию всех предоставленных ему законодательством профессиональных прав и полномочий без какого-либо незаконного и необоснованного воспрепятствования его профессиональной деятельности со стороны кого бы то ни было [13, с. 136–143; 16, с. 7–11].

Обеспечению невмешательства в деятельность адвоката-защитника призваны служить положения ч. 1 ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которой вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются, а также содержание ст. 16 «Основных Положений о роли юристов», «Рекомендациях Комитета министров Совета Европы о свободе осуществления профессии адвоката», постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П и определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

Однако анализ результатов научных исследований и материалов современной правоприменительной практики показывает, что в нарушение данных нормативных установлений нередко осуществляется вмешательство в деятельность адвоката в целях воспрепятствования осуществлению его профессиональных полномочий, предусмотренных федеральным законом. Это, в частности, выражается в таких действиях, как:

- уговоры, подкуп, высказывание угроз в отношении адвоката с целью, чтобы он отказался от ведения дела или принятия каких-либо процессуальных решений либо совершения каких-либо действий в рамках выполнения поручения на оказание юридической помощи;
- вызов адвоката для «беседы» или как свидетеля на допрос по делу доверителя или иному делу, связанному с делом доверителя общими участниками или одними и теми же обстоятельствами;
- досмотры и обыски адвоката при входе в помещения государственных органов;
- незаконное проведение оперативно-разыскных мероприятий в отношении адвоката;
- незаконное и (или) необоснованное возбуждение уголовного дела или дела об административном правонарушении в отношении адвоката;
- проведение обыска в жилище адвоката или помещении адвокатского образования без предварительного получения решения суда либо в отсутствие законных оснований и без соблюдения специальных гарантий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом;
- недопуск адвоката к доверителю, находящемуся в месте принудительного содержания;
- незаконное и (или) немотивированное отстранение адвоката от ведения дела;

– отказ в удовлетворении обоснованных и мотивированных ходатайств, адвоката, в удовлетворении которых, согласно требованиям законодательства, не может быть отказано;

– несообщение о принятых по делу процессуальных решениях и (или) непредставление документов, оформляющих процессуальные решения;

– игнорирование жалоб на действия (бездействие) должностных лиц, поступающих от адвокатов, немотивированный отказ в удовлетворении жалоб на судебные решения;

– оговор (клевета) в отношении адвоката, унижение его достоинства;

– месть адвокату за осуществление профессиональной деятельности различными способами в т. ч. путем убийства, нанесения телесных повреждений, уничтожения или повреждения имущества в отношении самого адвоката, родных и близких ему лиц [1; 3, с. 57–65; 5, с. 10–16; 11, с. 16–20; 18, с. 136–143; 21, с. 11–20; 25].

В то же время анализ положений законодательства показывает, что уголовно-правовая охрана адвоката как лица, оказывающего квалифицированную юридическую помощь, в настоящее время осуществляется лишь в случаях посягательства на жизнь адвоката (ст. 295 УК РФ) или угрозы убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении этого лица (чч. 2, 3 и 4 ст. 296 УК РФ). При этом данные нормы, исходя из их содержания, применимы только для уголовно-правовой охраны адвоката, участвующего в качестве защитника при производстве по уголовному делу, в то время как адвокат принимает участие в уголовном судопроизводстве не только в качестве защитника, но и в качестве представителя потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, адвоката свидетеля, а также оказывает доверителям профессиональную юридическую помощь в иных видах судопроизводства и в рамках представительства в иных органах власти и управления.

Также в положениях УК РФ установлена ответственность за неуважение, оскорбление (ст. 297 УК РФ) и клевету (ст. 298.1 УК РФ) в отношении ряда лиц, в т. ч. и в отношении адвоката как участника судебного разбирательства, в то время как адвокатская деятельность не ограничивается лишь данным видом юридической помощи доверителю.

Таким образом, в настоящее время значительная часть действий, посягающих на интересы правосудия посредством посягательства на адвоката как на участника процесса отправления правосудия, является не наказуемыми, а положения ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» остаются не подкрепленными действенными санкциями, способными обеспечить предупреждение совершения деяний, представляющих собой воспрепятствование адвокатской деятельности, обладающих высокой степенью общественной опасности.

В связи с этим не обеспечиваются ни превенция, ни действенное наказание лиц, совершающих деяния, посягающие на деятельность адвоката как участника процесса отправления правосудия, даже в случае, если в результате их совершения причиняется существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства.

Между тем, в современной российской системе уголовного судопроизводства адвокаты выступают в качестве равноправных участников уголовного судопроизводства со следователями, дознавателями и прокурорами, хотя и с различными полномочиями. В связи с этим все данные лица должны иметь равные гарантии неприкосновенности и личной безопасности при осуществлении профессиональной деятельности, и значит, уголовно-правовая охрана профессиональных прав адвоката от преступных посягательств со стороны кого бы то ни было должна быть обеспечена на таком же уровне, как и у иных участников судопроизводства [13, с. 136–143; 17, с. 61–67].

Поэтому существование в УК РФ уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вмешательство в какой-либо форме и воспрепятствование деятельности суда, прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ст. 294 УК РФ), при отсутствии ответственности за вмешательство в профессиональную деятельность адвоката и воспрепятствование этой деятельности, является существенным пробелом в уголовно-правовом регулировании. При этом адвокат является субъектом уголовной ответственности как за совершение общеуголовных преступлений, так и преступлений против правосудия, и эти нормы используются в отношении адвокатов в правоприменительной практике.

Наряду с этим, в УК РФ установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению либо к отказу от распространения информации (ст. 144 УК РФ). При этом очевидно, что по своему конституционно-правовому значению право на информацию (ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации) и гарантии свободы средств массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации) вряд ли являются более важными благами, чем право человека и гражданина на получение квалифицированной юридической помощи (ст. 48 Конституции Российской Федерации) и гарантии независимости адвокатов (ст. 18 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), в то время как адвокаты, в отличие от журналистов, в настоящее время имеют меньшую степень уголовно-правовой защиты.

Следует отметить, что воспрепятствование профессиональной деятельности адвоката посягает не только на права конкретного адвоката и опосредованно на права его доверителя, но и на интересы правосудия, на конституционное право на квалифицированную юридическую помощь. При этом очевидно, что возможность получения квалифицированной юридической помощи является одним из основополагающих прав человека и гражданина и одновременно важнейшей гарантией соблюдения целого ряда иных прав и свобод. Отсутствие у адвоката возможности эффективно использовать предоставленные ему законом профессиональные права влечет невозможность реализации права на квалифицированную юридическую помощь.

К настоящему времени в ряде государств бывшего СССР и дальнего зарубежья уже установлена уголовная ответственность за вмешательство в деятельность адвоката. К этим государствам относятся: Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Литва, Республика Украина, Румыния, Республика Македония, Босния и Герцеговина, Испания, Норвегия, Турция, Алжир, Судан

[15, с. 189–212; 20]. При этом в упомянутых выше, а также ряде других государств, существуют схожие со ст.ст. 295, 296, 297, 298.1 УК РФ нормы, обеспечивающие правовую охрану от посягательств на жизнь, здоровье и имущество адвоката как участника судопроизводства.

На основании приведенных выше положений рабочей группой ОГФ было предложено ввести уголовную ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в адвокатскую деятельность в целях воспрепятствования осуществлению профессиональных полномочий адвоката, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства [22, 23, 24, 28].

В качестве квалифицирующих признаков предложено установить совершение того же деяния группой лиц по предварительному сговору либо лицом с использованием своего служебного положения, а в качестве особо квалифицирующих признаков – те же деяния, совершенные с применением насилия (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 295 и 296 УК РФ).

Предложено также ввести административную ответственность за вмешательство в адвокатскую деятельность в целях воспрепятствования исполнению профессиональных полномочий адвоката, в том числе неправомерный отказ в предоставлении адвокату в связи с поступившим от него адвокатским запросом информации, предоставление которой предусмотрено федеральными законами, несвоевременное предоставление такой информации либо предоставление заведомо недостоверной информации, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния, т. е. если эти деяния не повлекли причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства [13, с. 136–143].

Соответствующие итоговые предложения и текст законопроекта после предварительного обсуждения летом 2018 г. были направлены в Министерство юстиции Российской Федерации [6, 7, 8, 9, 10].

Длительное время проект при непосредственном участии заместителя министра юстиции Д. В. Новака проходил обсуждение и согласование с заинтересованными ведомствами. И в настоящее время, очевидно, согласование с ними завершено.

В итоге, Министерством юстиции предложено дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 294.1 следующего содержания:

«294.1. Воспрепятствование законной деятельности адвоката.

1. Вмешательство в какой бы то ни было форме в законную деятельность адвоката в целях воспрепятствования осуществлению его профессиональных полномочий, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, если это деяние повлекло причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, – наказывается штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до

трехсот шестидесяти часов либо исправительными работами на срок до одного года.

2. То же деяние, совершенное:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) лицом с использованием своего служебного положения, –

наказываются штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяние, предусмотренное частями первой или второй, совершенное с применением насилия (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 295 и 296 настоящего Кодекса), –

наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового» [26].

Конечно, предложенный Министерством юстиции законопроект – не идеальное «лекарство» от всех болезней российской правоохранительной системы и не панацея от всех проблем, с которыми ежедневно сталкиваются адвокаты, особенно те, которые осуществляют защиту в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, часть первоначально заложенных в предложенный рабочей группой ОГФ законопроект идей и формулировок, связанных с уголовно-процессуальными аспектами расширения прав адвоката-защитника, были изложены в ином виде.

Но основная концепция законопроекта, к счастью, не изменена, а цель его, состоящая в обеспечении адвокату-защитнику минимально необходимых возможностей для сколько-нибудь эффективной профессиональной деятельности, как следует из представленного Министерством юстиции текста, вполне может быть достигнута на данном этапе развития российского общества и государства, поэтому законопроект о введении уголовной ответственности за воспрепятствование адвокатской деятельности нуждается в принятии!

Библиографический список

1. Бунин, О. Ю. Уголовно-правовая охрана адвокатской деятельности определена несправедливо / О. Ю. Бунин // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 1 (20). – С. 63–65.

2. Гильдия российских адвокатов // Законотворческая деятельность. – URL: <http://www.gra.ru/index.php/m1-komissiya-po-zashchite-advokatov/2016-05-10-10-09-44> (дата обращения: 20.09.2020).

3. Иванов, А. В. Гарантии независимости адвокатов и пути их совершенствования / А. В. Иванов // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 6 (13). – С. 57–65.

4. Министерство Юстиции Российской Федерации // О повышении эффективности адвокатской деятельности. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48076/> (дата обращения: 20.09.2020).

5. Мирзоев, Г. Б., Независимость адвокатов гарантирована? / Г. Б. Мирзоев, А. В. Рагулин // Адвокатские вести России. – 2017. – № 03-04 (195–196). – С. 10–16.

6. Общегражданский российский форум. Круглый стол «Обеспечение необходимых гарантий адвокатской деятельности» // URL: https://civil-forum.ru/anons/30-maya-kruglyu-stol-obespechenie-neobkhodimyykh-garantiy-advokatskoy-deyatelnosti.html?sphrase_id=7950 (дата обращения: 20.09.2020).

7. Общегражданский российский форум. Адвокаты Вадим Ключвгант и Андрей Рагулин о законопроекте об укреплении гарантий независимости адвокатуры // URL: https://civil-forum.ru/news/advokaty-vadim-klyuvgant-i-andrey-ragulin-o-zakonoproekte-ob-ukreplenii-garantiy-nezavisimosti-advok.html?sphrase_id=7950 (дата обращения: 20.09.2020).

8. Общегражданский российский форум. Круглый стол «Адвокатура как институт защиты прав человека» // URL: https://civil-forum.ru/forums/2017/news/programma_ogf_2017_kruglyu_stol_advokatura_kak_institut_zashchity_prav_cheloveka.html?sphrase_id=7950 (дата обращения: 20.09.2020).

9. Общегражданский российский форум. Развитие адвокатуры // URL: <https://civil-forum.ru/forums/2018/discuss/razvitie-advokatury> (дата обращения: 20.09.2020).

10. Общегражданский российский форум. Эксперты разрабатывают изменения в законодательство, расширяющие права адвокатов // URL: https://civil-forum.ru/news/eksperty-razrabatyvayut-izmeneniya-v-zakonodatelstvo-rasshiryayushchie-prava-advokatov.html?sphrase_id=7950 (дата обращения: 20.09.2020).

11. Петров, Д. В. Правовые и организационные аспекты обеспечения безопасности личности и профессиональной деятельности адвоката / Д. В. Петров // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. – 2012. – № 3 (26). – С. 16–20.

12. Минюст разработал дополнительные гарантии для адвокатов // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика [сайт]. – URL: <https://pravo.ru/news/225326/> (дата обращения: 20.09.2020).

13. Рагулин, А. В. Воспрепятствование адвокатской деятельности как посягательство на конституционное право на квалифицированную юридическую помощь и интересы правосудия / А. В. Рагулин // Правоохранительная и правозащитная деятельность: вчера, сегодня, завтра : сборник статей Международной научно-практической конференции, 16 ноября 2018 г. – 2019. – С. 136–143.

14. Рагулин, А. В. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – URL: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=417823 (дата обращения: 20.09.2020).

15. Рагулин, А. В. Незаконное вмешательство в профессиональную деятельность адвоката и незаконное воспрепятствование адвокатской деятельности в уголовном законодательстве Российской Федерации // В кн. Актуальные проблемы уголовного права (особенная часть) : монография / под ред. Г. Б. Мирзоева и Л. А. Букалеровой. – М. : РААН, 2017. – С. 189–212.

16. Рагулин, А. В. Незаконное преследование представителей бизнеса в современной России: причины, тенденции и перспективы противодействия. Интервью с адвокатом Владимиром Дмитриевичем Постанюком / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 6 (31). – С. 7–11.

17. Рагулин, А. В. О проекте Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о дополнительных гарантиях независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве)» / А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 1 (26). – С. 61–67.

18. Рагулин, А. В. Право адвоката-защитника требовать запрета на вмешательство в адвокатскую деятельность либо препятствование ей каким бы то ни было образом: проблемы законодательной регламентации и практической реализации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 4 (47). – С. 136–143.

19. Рагулин, А. В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2015. – URL: http://dissovet.rudn.ru/web-local/prep/rj/?dis_id=387&id=28&mod=dis.

20. Рагулин, А. В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации и зарубежных государствах : монография. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 368 с.

21. Рагулин, А. В. О чем молчат адвокаты : обзор обучающей конференции (Москва, 4–5 ноября 2017 г.) / А. В. Рагулин, И. А. Громов, М. А. Косарев, // Евразийская адвокатура. – 2017. – № 6 (31). – С. 11–20.

22. К введению ответственности за препятствие работе адвоката надо подходить взвешенно // Российское агентство правовой и судебной информации. – URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20180530/282854568.html (дата обращения: 20.09.2020).

23. Минюст предложил расширить перечень неразглашаемых адвокатом сведений // Российское агентство правовой и судебной информации. – URL: http://rapsinews.ru/legal_market_news/20180530/282858347.html#ixzz5GzgSgCYu (дата обращения: 20.09.2020).

24. Обеспечение гарантий адвокатской деятельности обсудили на заседании рабочей группы ОГФ // Российское агентство правовой и судебной информации. – URL: http://rapsinews.ru/legal_market_news/20180530/282860460.html (дата обращения: 20.09.2020).

25. Стецовский, Ю. И. Защита Адвоката от уголовного преследования / Ю. И. Стецовский // Адвокат. – 2007. – № 9.

26. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: <https://regulation.gov.ru/projects#nra=107783> (дата обращения: 20.09.2020).

27. Минюст предложил поправки в УК и УПК, дающие адвокатам беспрецедентные права и гарантии // Legal.Report. – URL: <https://legal.report/minjust-predlozhit-popravki-v-uk-i-upk-dajushhie-advokatam-besprecedentnye-prava-i-garantii/> (дата обращения: 20.09.2020).

28. Обеспечение необходимых гарантий адвокатской деятельности // Youtube-видеохостинг. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=S5aRSYfgqFY>.

Зателепин О. К.¹,

*судья Верховного Суда Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права Военного университета,
доктор юридических наук, профессор*

ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЗА ПОБЕГ С ГАУПТВАХТЫ

В соответствии с законодательством военнослужащие могут содержаться по различным основаниям на гауптвахте.

Согласно положениям пп. 1 и 2 приложения № 4 к Уставу военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – УВП ВС РФ), утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161, на гауптвахте военнослужащие могут содержаться, во-первых, в дисциплинарном порядке (подвергнутые дисциплинарному аресту, а также задержанные по подозрению в совершении административного правонарушения или грубого дисциплинарного проступка); во-вторых, в уголовно-процессуальном порядке (задержанные по подозрению в совершении преступления, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступления, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражей², осужденные к содержанию в дисциплинарной воинской части, в отношении которых до вступления приговора в законную силу судом избрана мера пресечения в виде заключения под стражей); в-третьих, в уголовно-исполнительном порядке (осужденные к аресту с отбыванием наказания на гауптвахте)³.

В случае побега военнослужащих, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражей, возникает вопрос о квалификации таких действий, в частности, охватываются ли они полностью ст. 313 УК РФ (побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи) либо требуют дополнительной оценки по ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части или места службы) или ст. 338 УК РФ (дезертирство).

Вопрос о квалификации побега таких лиц с гауптвахты представляет теоретический и практический интерес.

Профессор Х. М. Ахметшин, специально занимавшийся этим вопросом, полагал, что у военнослужащего, привлеченного к уголовной ответственности за преступления, наказуемые лишением свободы, и в порядке меры пресечения содержащегося под стражей в следственном изоляторе или на гауптвахте, принци-

¹ © Зателепин О. К., 2020.

² Возможность нахождения на гауптвахте указанной категории лиц предусматривают положения ст. 7 и 11 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ.

³ Положения УК РФ о наказании в виде ареста не введены в действие согласно ст. 4 Федерального закона «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» от 13.06.1996 № 64-ФЗ.

пиально меняется правовое положение по сравнению с другими военнослужащими, содержащимися на гауптвахте по иным основаниям. В частности, такой военнослужащий соответствующим судебным актом исключается из сферы военно-служебных отношений, его правовой статус как подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления определяется законом о содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления; то обстоятельство, что арестованный находится не в следственном изоляторе, а на гауптвахте, не меняет положения, в данном случае гауптвахта должна рассматриваться как разновидность места содержания под стражей, а побег с гауптвахты с целью уклониться от уголовной ответственности за совершенное преступление квалифицироваться по ст. 313 УК РФ [1, с. 29–30; 5, с. 196].

З. О. Ашитов считал, что в случае побега таких военнослужащих не только с гауптвахты, но и из следственных изоляторов содеянное следует квалифицировать по совокупности соответствующих общеуголовного преступления против правосудия и воинских преступлений [2, с. 19–20].

В судебной практике также встречается несколько подходов к решению данного вопроса.

Так, по одному из уголовных дел Военная коллегия Верховного Суда СССР переквалифицировала действия военнослужащего, совершившего побег с гауптвахты, на которой он содержался под стражей в связи с расследованием уголовного дела в отношении его о хищении имущества и нанесении телесных повреждений, с воинской статьи за самовольное оставление воинской части на общеуголовную статью о побеге из-под стражи, указав при этом, что побег с гауптвахты с целью уклониться только от уголовной ответственности следует квалифицировать как преступление против интересов правосудия [3, с. 49].

По другому уголовному делу Военная коллегия Верховного Суда СССР указала, что совершение военнослужащим, в отношении которого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, побега с гауптвахты с целью уклониться вовсе от военной службы необходимо квалифицировать по совокупности преступлений – как побег из-под стражи и дезертирство [5, с. 36].

В Обзоре судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершенных военнослужащими (2001 года), сформулирован подход, согласно которому военнослужащий, исключенный (временно выведенный) из сферы воинских правоотношений в связи с применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, ни при каких условиях не может нести ответственность по ст. 337, 338 и 339 УК РФ. В подтверждение этой позиции в Обзоре приведено следующее судебное решение. Военным судом А., совершивший побег с гарнизонной гауптвахты, где он находился в связи с избранием меры пресечения по уголовному делу в виде заключения под стражу, был осужден по ч. 1 ст. 313 и ч. 1 ст. 338 УК РФ. Суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что с момента избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и помещения на гауптвахту, А. был выведен из сферы воинских правоотношений и не подлежал ответственности по ч. 1 ст. 338 УК РФ, в связи с чем приговор в отношении А. в части осуждения за дезертирство отменил и дело прекратил [7, с. 43–61].

Представляется, что подход, согласно которому исключается из квалификации побега с гауптвахты военнослужащих, содержащихся там под стражей, воинских статей об уклонении от военной службы (ст. 337 или 338 УК РФ), является спорным.

Для того, чтобы правильно решить вопрос о возможности привлечения военнослужащих в этих случаях не только по ст. 313 УК РФ, но и по статьям гл. 33 УК РФ за воинские преступления, требуется, в первую очередь, уяснить, с одной стороны, обладают ли они в период нахождения под стражей на гауптвахте статусом военнослужащих, т. е. проходят военную службу или нет. С другой стороны, можно ли считать гауптвахту не только местом содержания под стражей, но и местом прохождения военной службы.

В Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ достаточно четко регламентированы моменты, с которых начинается и оканчивается военная служба. Для решения интересующего вопроса имеют значение обстоятельства, с которыми закон связывает прекращение статуса военнослужащих.

По общему правилу военнослужащие утрачивают свой статус с момента окончания военной службы. Согласно п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части. Эта дата должна совпадать с днем истечения срока военной службы. Военнослужащие не исключаются из списков личного состава воинской части (т. е. из сферы военно-служебных отношений) и после дня истечения срока военной службы, если они, например, находятся под следствием, в том числе и при содержании их под стражей. Окончание военной службы для них переносится на более поздний срок по сравнению с общим правилом. Это означает своеобразное продление их правового статуса со всеми вытекающими из этого юридическими последствиями. Рассматриваемая категория военнослужащих продолжает оставаться участниками военно-служебных отношений до окончания следствия.

Действующее военное законодательство, таким образом, не содержит каких-либо положений о прекращении или приостановлении военной службы у лиц, содержащихся по уголовно-процессуальным основаниям на гауптвахте, или об утрате ими правового статуса военнослужащих. Кроме того, в нем отсутствуют положения, из которых следует, что нельзя считать местом прохождения военной службы гауптвахту в случае содержания там под стражей в качестве меры пресечения.

С учетом изложенного, мнение, согласно которому военнослужащий, в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу, исключается из сферы воинских правоотношений, не имеет под собой достаточных правовых оснований.

Вместе с тем правовое положение военнослужащих, содержащихся на гауптвахте по уголовно-процессуальным основаниям, имеет ряд особенностей. В частности, на данных лиц в этот период остаются возложенными только общие обязанности военнослужащих. Должностные и специальные обязанности ими исполняться не могут ввиду отсутствия такой возможности. В свою очередь, к

общим обязанностям относятся, например, выполнение требований воинских уставов, беспрекословное повиновение командирам (начальникам), бережное отношение к военному имуществу и ряд других.

Поскольку все категории военнослужащих, содержащихся по различным основаниям на гауптвахте, проходят военную службу и обладают статусом военнослужащих, исполняя при этом общие обязанности, гауптвахту следует признать своеобразным местом прохождения военной службы¹.

Изложенные положения имеют принципиальное значение для правоприменительной деятельности. Поскольку военнослужащие, содержащиеся на гауптвахте, остаются участниками военно-служебных отношений и исполняют общие обязанности, постольку имеются достаточные правовые основания для привлечения их к уголовной ответственности за нарушение этих обязанностей наравне с другими военнослужащими. В гл. 33 УК РФ содержатся составы воинских преступлений, представляющие нарушение общих обязанностей военнослужащих (например, ст.ст. 332–339, 346, 347).

Такой подход разделяется и судебной практикой. Так, по делу Б. и Р. Военная коллегия Верховного Суда СССР указала, что военнослужащие, находящиеся на гауптвахте, несут уголовную ответственность за неповиновение на тех же основаниях, что и другие военнослужащие [4, с. 63–65].

Военнослужащие, заключенные под стражу в качестве меры пресечения, как было указано, остаются участниками военно-служебных отношений, а значит, могут быть и субъектами преступлений против военной службы. Представляется, что побег с гауптвахты данных лиц является разновидностью уклонения от исполнения обязанностей военной службы. Уголовная ответственность за нарушение порядка пребывания на военной службе путем самовольного оставления места службы предусматривается в ст.ст. 337 и 338 УК РФ.

Вместе с тем указанные военнослужащие, учитывая основания нахождения их на гауптвахте, обладают также статусом участников соответствующих уголовно-процессуальных отношений. В частности, они обязаны соблюдать специальный порядок, обеспечивающий реализацию избранной в отношении них меры пресечения, не препятствовать расследованию дела и т. д. На этих военнослужащих наряду с общими обязанностями военной службы возложены также обязанности по содействию осуществлению правосудия.

Таким образом, военнослужащие, подозреваемые или обвиняемые в совершении преступления, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражей и содержащиеся на гауптвахте, обладают двойным правовым статусом – военнослужащих и подозреваемых или обвиняемых. В связи с этим побег данных лиц с гауптвахты представляет собой уклонение не только от

¹ В УВП ВС РФ в приложении № 4 «О гауптвахте» речь идет именно о *военнослужащих* (курсив мой – авт.), заключенных под стражу и содержащихся на гауптвахте. Кроме того, в Правилах внутреннего распорядка на гауптвахте для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 09.11.2019 № 650, регламентируются по сути особенности прохождения военной службы военнослужащих, признанных подозреваемыми и обвиняемыми в совершении тех или иных преступлений.

исполнения обязанностей военной службы, но и от обязанностей в сфере правосудия. В этих случаях побег с гауптвахты представляет собой посягательство на несколько объектов уголовно-правовой охраны – военную безопасность и обеспечивающий ее порядок пребывания на военной службе, а также общественную безопасность и обеспечивающий ее порядок содержания лиц, находящихся под стражей.

Общественная опасность побега подозреваемого или обвиняемого военнослужащего заключается в прерывании исполнения решения суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, и как следствие, в отвлечении сил и средств для поиска бежавшего, в создании опасности совершения этим лицом нового преступления и т. п. При этом в самой ст. 313 УК РФ цель (уклонения от ответственности, в качестве конструктивного или квалифицирующего признака не указана, в конкретных случаях она может и отсутствовать). Совершая побег, лицо всегда осознает, что оно таким образом уклоняется от привлечения к уголовной ответственности и тем самым посягает на охраняемый в ст. 313 УК РФ объект преступления.

Поскольку лица, содержащиеся на гауптвахте по решению суда об избрании в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу, продолжают оставаться военнослужащими, а гауптвахта для них является местом прохождения военной службы, постольку не только уклонение от военной службы вовсе следует квалифицировать по совокупности, но и временное оставление места службы (в данном случае – гауптвахты) на срок свыше двух (десяти) суток должно квалифицироваться как побег из-под стражи (ст. 313 УК РФ) и самовольное оставление места службы (ст. 337 УК РФ).

Подводя черту под рассмотренным вопросом, следует прийти к следующим выводам.

Военнослужащие, содержащиеся на гауптвахте в связи с избранием в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражей, не исключаются из сферы военно-служебных отношений и могут быть субъектами преступлений против военной службы, в том числе и против порядка пребывания на военной службе.

Побег с гауптвахты таких военнослужащих должен квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 313 и 337 или 338 УК РФ.

Библиографический список

1. Ахметшин, Х. М. Квалификация воинских преступлений / Х. М. Ахметшин. – М., 1977.
2. Ашитов, З. О. Вопросы дальнейшего укрепления социалистической законности: (соотношение воинских и общеуголовных преступлений) / З. О. Ашитов. – Алма-Ата, 1976.
3. Бюллетень Управления военных трибуналов. – 1957. – № 1 (28).
4. Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР. – 1960. – № 3 (41).
5. Бюллетень Военной коллегии Верховного Суда СССР. – 1963. – № 1 (51).
6. Военно-уголовное право : учебник. – М., 2008.
7. Обзоры судебной практики военных судов Российской Федерации по уголовным делам (1996–2001 гг.). – М., 2002.

Денисова А. В.¹,

главный научный сотрудник

отдела научного обеспечения прокурорского надзора

и укрепления законности в сфере уголовно-правового регулирования,

исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового

характера НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации,

доктор юридических наук, доцент

ЧАСТЬ 3 СТ. 299 УК РФ И ИНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Преступления против правосудия, закрепленные гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), выполняют задачу не только уголовно-правовой охраны интересов правосудия от преступных посягательств, но и уголовно-правового гарантирования соблюдения законности на всех процессуальных стадиях, охрану прав и свобод различных категорий граждан, защиту проводимой государством политики и интересов общества [2, с. 137].

Одной из таких мультизадачных норм в системе преступлений против правосудия, является ч. 3 ст. 299 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, совершенное в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекшее прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Данная норма появилась в уголовном законе в декабре 2016 г. с целью сокращения рисков ведения предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации и формирования условий для создания благоприятного делового климата в стране. Суть предлагаемых поправок сводилась к усилению уголовной ответственности должностных лиц правоохранительных органов за совершение действий, повлекших необоснованное уголовное преследование предпринимателей и прекращение ими хозяйственной деятельности. Авторы законопроекта указывали на несоответствие прежних санкций данной статьи характеру и степени общественной опасности содеянного, подчеркивали, что предусмотренные статьей наказания были намного мягче, чем в иных нормах Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность за преступления против правосудия. Особую озабоченность у авторов законопроекта вызывали случаи, когда уголовные дела возбуждались не в отношении конкретных предпринимателей, а по факту совершения преступления. Такие дела расследовались в течение нескольких месяцев, а затем прекращались, что нередко приводило к частичному или полному разрушению бизнеса.

В связи с этим новая редакция ст. 299 УК РФ предусматривает в части первой названной статьи максимальное наказание в виде семи лет лишения свободы. Частью второй этой статьи теперь предусматривается повышенная ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности как в случае,

¹ © Денисова А. В., 2020

если оно соединено с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, так и в случае, если оно повлекло причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия.

Согласно новой части третьей данной статьи, ответственность должностных лиц правоохранительных органов наступает в случае незаконного возбуждения уголовного дела, совершенного в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, если указанное деяние повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба. Кроме того, в новой редакции у статьи появилось примечание, согласно которому крупным следует признавать ущерб в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей.

В пояснительной записке к данному законопроекту подчеркивалось, что принятие соответствующего закона позволит обеспечить условия для исключения возможности давления на бизнес с помощью механизмов уголовного преследования. Однако уже в процессе принятия к законопроекту возникло множество вопросов. Эксперты указывали на то, в новеллах не был конкретизирован субъект преступления, предусмотренного частью третьей ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации. Из дословного текста третьей части статьи следует, что субъектом данного вида преступления может быть только должностное лицо, вынесшее незаконное и не отмененное прокурором постановление о возбуждении уголовного дела. При этом под действие части третьей ст. 299 УК РФ не подпадает деятельность по проверке сообщения о преступлении, проведенная без достаточных оснований, органами дознания и следствия, которая может включать получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их, назначение судебной экспертизы, производство документальных проверок, ревизий и может причинить предпринимателю крупный ущерб, учитывая, что, в соответствии со ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, она может продолжаться до 30 суток.

Кроме того, конструкция введенной новеллы требует доказывания заведомой незаконности возбуждения дела, что сделать крайне сложно, а иногда и невозможно, так как решение о возбуждении уголовного дела, по сути, лежит в оценочной субъективной плоскости. Также не понятно, каким образом факт вынесения постановления о возбуждении уголовного дела может непосредственно причинить крупный ущерб предпринимателю либо прекратить его деятельность. Представляется, что правоприменители могут столкнуться с проблемой установления причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. Данный вопрос было бы целесообразно разъяснить на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Также не ясно, что следует понимать под прекращением предпринимательской деятельности – ее фактическое прекращение (приостановление) либо государственную регистрацию соответствующего решения предпринимателя. По мнению разработчиков данного законопроекта, это «частичное или полное разрушение бизнеса», что подразумевает, в первую очередь, фактическое прекра-

шение (приостановление) предпринимательской деятельности в связи с незаконным уголовным преследованием предпринимателя. Данный вопрос также нуждается в разъяснениях на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, как и вопрос о видах убытков, подлежащих учету при установлении крупного ущерба.

А самое главное – это даже не замечания правового характера к данным новеллам, а тот факт, что они так и не стали востребованными в правоприменительной практике. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с 2016 г. не было возбуждено ни одного уголовного дела по ч. 3 ст. 299 УК РФ, хотя прокуроры ежегодно отменяют до 20 тысяч постановлений о возбуждении уголовных дел против бизнесменов [4].

Практически те же самые выводы можно сделать и об иных мерах защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, предусмотренных ст. 169 УК РФ и п. 1 примечаний к ст. 210 УК РФ [3].

Мы не должны забывать о том, что одними только законодательными мерами невозможно достичь желаемого социального результата, необходимо реализовать проводимую уголовную политику государства и в иных формах – через активизацию правоприменительной практики (проведение т.н. «доследственных» проверок и возбуждение уголовных дел по ч. 3 ст. 299 УК РФ) и совершенствование системы правового воспитания как в правоохранительной, так и в предпринимательской среде. Само по себе ужесточение санкций и введение новых уголовно-правовых запретов не создает никаких стимулов для более активного выявления и расследования соответствующих преступлений.

Отметим, что, по мнению ряда исследователей [1], проблема правоохранительного давления на бизнес заключается и в том, что порой сами предприниматели стремятся использовать механизмы уголовного правосудия в спорах с партнерами и контрагентами, в конкурентной борьбе, описывая предпринимательскую деятельность и сопутствующие ей деловые конфликты в терминах уголовного права. В этой связи пока господствует идея, что участников гражданского оборота и коммерческой деятельности надо защищать от недобросовестности и упущений их контрагентов при помощи уголовно-правовых средств (а не гражданской ответственности), будет сохраняться и возможность уголовно-правового давления на бизнес.

В сложившейся обстановке в условиях преодоления последствий пандемии и глобального экономического кризиса посягательства на права и законные интересы предпринимателей представляют собой один из серьезных факторов угрозы экономической безопасности Российской Федерации, подрыва делового и инвестиционного климата страны. Поэтому так важно продолжать развивать систему уголовно-правовой охраны предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации не только на законодательном, но и на правоприменительном уровне, существенным образом изменив практику работы правоохранительных органов, активизировав надзорную деятельность органов прокуратуры, осуществляя правовое воспитание как в правоохранительной, так и в предпринимательской среде.

Библиографический список

1. Обзор Центра стратегического развития «Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные послышки, бесперспективные и альтернативные предложения» // URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/06/Report-10.04.17.pdf> (дата обращения: 26.10.2020).
2. Тугутов, Б. А. Преступления против правосудия: теория и правоприменение / Б. А. Тугутов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 1.
3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 73.
4. Юрий Чайка назвал причину давления на бизнес // Российская газета. – 2019.

*Нгуен Нгок Ха¹,
начальник юридического факультета
Академии народной безопасности,
кандидат юридических наук профессор*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ВЬЕТНАМА

В соответствии с ч. 1 ст. 20 Конституции Вьетнама 2013 г. «каждый имеет право на телесную неприкосновенность, на защиту жизни и здоровья, чести и достоинства; не подвергаться пыткам, насилию, преследованию, телесным наказаниям или любой другой форме обращения, посягающей на тело, здоровье, честь или достоинство».

Вместе с тем 28 ноября 2014 г. Национальное собрание Социалистической Республики Вьетнам XIII созыва (8-я сессия) ратифицировало Конвенцию Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Эта Конвенция вступила в законную силу во Вьетнаме 7 марта 2015 г.

Согласно данному положению Конституции Вьетнама и Конвенции ООН, принуждение к даче показаний справедливо рассматривается как одно из наиболее опасных преступлений, препятствующих достижению задач уголовного судопроизводства, и закреплено в ст. 374 Уголовного кодекса Вьетнама (далее – УК Вьетнама).

В соответствии с диспозицией ст. 374 УК Вьетнама, под принуждением к даче показаний понимается действие лица, участвующего в судебном разбирательстве, которое использовало незаконные способы для принуждения лица к даче показаний или сообщению сведений, относящихся к делу. Данное деяние закреплено в главе о преступлениях против правосудия (гл. XXIV УК Вьетнама), в связи с этим видовым объектом анализируемого посягательства являются общественные отношения, обеспечивающие авторитет судебных и следственных органов и реализацию принципов установления истины по делу.

Потерпевшими от преступления могут быть участники уголовного судопроизводства – подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или свидетель, а также эксперт.

Объективная сторона преступления заключается в использовании незаконных приемов и способов в целях принуждения лица дать показания или сообщить сведения, относящиеся к делу.

К незаконным способам и приемам следует относить психическое воздействие, под которыми понимаются угроза, шантаж или иные запрещенные действия, например: угрозы применения пыток, лишения пищи, ареста или незаконного привлечения к уголовной ответственности близких для принуждаемого к даче показаний лиц и т. д.

¹ © Нгуен Н. Х., 2020.

Вместе с тем, принуждение к даче показаний может быть выражено и в применении физического насилия к лицу.

Преступление признается оконченным уже в момент начала принуждения лица к даче показаний по уголовному делу вне зависимости от того, удалось ли ему добиться желаемой цели, т. е. получить нужные ему показания, или нет. Не имеет значения для квалификации, каких конкретно показаний (заклЮчения) добивался виновный – ложных или правдивых.

Принуждение к даче показаний, так и к даче заключения возможно только в рамках предварительного расследования, т. е. по уже возбужденному уголовному делу.

Субъективная сторона преступления выражается в умышленной форме вины (прямой умысел).

Субъект преступления специальный – лица, осуществляющие предварительное расследование, судьи, народные заседатели, прокуроры.

За совершение данного преступления законодатель предусматривает возможность назначения как основных, так и дополнительных наказаний.

К основным наказаниям относятся лишение свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы. При этом лишение свободы зависит от категории совершенного деяния:

- если совершается преступление небольшой тяжести, то срок лишения свободы составляет от 6 месяцев до 3 лет (в соответствии с ч. 1 ст. 374 УК Вьетнама);
- при совершении преступления средней тяжести – от 2 до 7 лет.

Принуждение к даче показаний считается тяжким преступлением при наличии следующих отягчающих обстоятельств:

- а) совершение преступления два и более раза;
- б) в отношении двух или более лиц;
- в) в отношении лиц, не достигших восемнадцати лет, беременных женщин, пожилых людей, людей с тяжёлыми или особо тяжёлыми формами инвалидности;
- г) с применением насилия или жестокого обращения к лицу, которое принуждается к даче показаний.

Следует отметить, что в соответствии с УК Вьетнама, применение насильственных деяний представляет собой самостоятельное преступление (ст. 373 УК Вьетнама). Так, субъект, в случае применения насильственных действий для принуждения к даче показаний, привлекается к ответственности только за принуждение к даче показаний, а не за оба преступления;

- д) с использованием изощёренных приёмов;
- е) фальсификация результатов судебного расследования и судебного решения;
- ж) с принуждением лица к даче ложных показаний.

тяжким преступлением признается деяние, повлекшее наступление особо опасных последствий: самоубийство потерпевшего, сокрытие преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, или лица, совершившего данные преступления (ч. 3 ст. 374 УК Вьетнама). Указанное деяние наказывается лишением свободы на срок от 7 до 12 лет.

Согласно ч. 4 ст. 374 УК Вьетнама, лица, совершившие преступление при наличии одного из следующих обстоятельств, подлежат наказанию в виде лишения свободы на срок от 12 до 20 лет или пожизненному лишению свободы (особо тяжкое преступление): а) причинение смерти допрашиваемому; б) причинение существенного вреда законным правам и интересам третьих лиц; в) повлекшее сокрытие тяжкого или особо тяжкого преступления либо лиц, совершивших данное преступление.

В соответствии с санкцией ст. 374 УК Вьетнама, помимо основного наказания, виновному также может быть запрещено занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 до 5 лет.

Итак, основываясь на положениях Конституции Социалистической Республики Вьетнам 2013 г. и, выполняя обязательства государства-члена ООН в соответствии с положениями Конвенции против пыток, правовые положения ст. 374 УК Вьетнама о принуждении к даче показаний были изменены. В санкцию указанной нормы была включена высшая мера наказания – пожизненное лишение свободы. Это демонстрирует усилия Вьетнама, направленные на предотвращение и пресечение преступлений против правосудия, в целом, и принуждения к даче показаний, в частности, для обеспечения законности судебных разбирательств, недопущения сокрытия преступлений, а также избежания привлечения к ответственности невиновных лиц.

Библиографический список

1. Конституция Социалистической Республики Вьетнама 2013 г.
2. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнама 2015 г. (изменен и дополнен в 2017 г.).
3. Закон № 12/2017/QН14 Вьетнама «Об изменении и дополнении некоторых норм Уголовного Кодекса 2015 года» от 20 июня 2017 г.

Жилкин М. Г.¹,

начальник кафедры уголовного права Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

Доценко Е. А.²,

начальник кабинета специальных дисциплин кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОМ РЫНКЕ

Преступность в сфере потребительского рынка – это сложное, исторически сложившееся, социально-правовое явление, сопровождающее экономические отношения на всем протяжении их развития, выраженное в ненадлежащем ведении хозяйственной деятельности в целях получения прибыли запрещенными способами и оказывающее негативное влияние на развитие и функционирование как экономической деятельности хозяйствующих субъектов, так и экономики в целом [3].

На сегодняшний день в научных исследованиях не имеется универсального толкования понятия «потребительский рынок», а в уголовном законодательстве специально не выделена группа преступлений в сфере потребительского рынка, что на практике приводит к разным подходам, в связи с отнесением того или иного деяния к указанной категории преступлений, а также при формировании единого статистического учета.

Одной из наиболее острых практических проблем в этой связи является необходимость установления факта признания или непризнания лица, выступающего потребителем на рынке товаров и услуг, в качестве потерпевшего, что необходимо для отнесения конкретного преступления как к совершенному в сфере потребительского рынка.

Так, по мнению прокуратуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, обязательным условием отнесения преступлений к категории совершенных в сфере потребительского рынка является наличие потерпевшего (физического лица – потребителя).

Противоположную позицию занимает УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре. Отнесение преступлений к категории совершенных на потребительском рынке лишь по тем фактам, где имеется конкретное потерпевшее лицо, на их взгляд, не может соответствовать реальному положению дел.

¹ © Жилкин М. Г., 2020.

² © Доценко Е. А., 2020.

ГИАЦ МВД России разъясняет, что основание возбуждения уголовного дела (заявление физического лица или же материалы ОРД) не является ключевым в решении вопроса об отнесении преступлений к совершенным в сфере потребительского рынка. В случае, если товар реализовывался (услуга оказывалась) непосредственно гражданам исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, что отражено в материалах уголовного дела, преступление необходимо относить к совершенным в сфере потребительского рынка.

Наличие потерпевшего от преступления предполагает причинение ему вреда, что, однако, не всегда является признаком совершенного преступления с точки зрения конструкции объективной стороны различных преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ, преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Наступление общественно опасных последствий является конструктивным признаком материального состава преступлений, однако при формальном составе преступления последствия не входят в конструкцию объективной стороны. Кроме этих составов выделяются также и так называемые составы опасности (например, ст. 238 УК РФ). Особенность этих составов заключается в том, что окончание преступления наступает в момент возникновения реальной опасности наступления общественно опасных последствий.

Преступления на потребительском рынке, являясь потенциально опасными с точки зрения возможности причинения ими вреда жизни и здоровью граждан, ущерба имуществу собственников, вреда здоровью населения в целом, требуют проведения превентивных мероприятий со стороны правоохранительных органов, направленных на недопущение наступления дальнейших негативных последствий. В результате проведения оперативно-разыскных или иных проверочных мероприятий, преступления на потребительском рынке удастся пресекать еще до того, как товары (услуги) попадут к конечному потребителю. При этом специфическая конструкция большинства из интересующих нас составов преступлений позволяет говорить о том, что даже если потребитель не получит товары или услуги вследствие успешных действий правоохранителей, преступление следует считать юридически завершенным – оконченным. Однако, изучение нами судебно-следственной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 171.1, 171.3, 180 УК РФ, показало, что, если преступление выявляется в результате оперативно-разыскных мероприятий, направленных на обнаружение и изъятие соответствующих предметов преступления, квалификация осуществляется в одних случаях как оконченного, в других – как неоконченного преступления. Например, в ст. 180 УК РФ признак причинения ущерба на практике никак не увязывается с фактическим поступлением контрафактного товара к конечному потребителю, в связи с чем обнаружение такой продукции на складах или в иных местах уже свидетельствует о введении такой продукции в экономический оборот [1, с. 82–92; 2, с. 38–45].

Между тем, Высшая судебная инстанция выработала в целом единый подход, позволяющий квалифицировать деяние, которое совершалось (выявлялось, пресекалось) в условиях оперативно-розыскного мероприятия, как оконченное преступление.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указал, что «на признание преступления оконченным не влияет то обстоятельство, что финансовые операции или сделки осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3]. Аналогичные разъяснения даны в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», а также в п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

В качестве примера рассмотрим деяние, выявленное в ходе оперативно-розыскных мероприятий на территории Тверской области и отнесенное, согласно статистическим данным, к преступлениям, совершенным в сфере потребительского рынка.

16 января 2020 г. на основании оперативных материалов сотрудников УЭБ и ПК УМВД России по Тверской области, совместно с сотрудниками ОЭБиПК УМВД России по городу Твери в СУ УМВД России по городу Твери было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 6 ст. 171.1, ч. 4 ст. 327.1 УК РФ, по факту осуществления незаконной деятельности по реализации фальсифицированной табачной продукции маркированной поддельными федеральными марками, а также марками республики Беларусь, совершенной в особо крупном размере. Установлено, что преступную деятельность на протяжении 2018–2019 гг. организовывал гр. Л. В результате проведенных мероприятий из незаконного оборота изъято 21 тысяча 210 единиц поддельной табачной продукции на общую сумму 1 миллион 91 тысяча рублей, закупочная документация.

Объектом совершенного преступления является система общественных отношений в сфере торговли. Деяния, квалифицированные по ч. 6 ст. 171.1, ч. 4 ст. 327.1 УК РФ находятся в различных разделах (главах) Особенной части уголовного закона. Деятельность субъекта этих преступлений направлена на реализацию товаров по договору купли-продажи. Совершенные деяния связаны с производством, хранением, перевозкой либо сбытом некачественных, контрафактных товаров, их фальсификацией в процессе реализации. В связи с тем, что в указанном примере деяния связаны с реализацией товаров, то наличие конечного (личного, бытового и т. д.) использования при реализации товара не имеет значения. Субъектом рассматриваемых преступлений является индивидуальный предприниматель. Противоправное деяние выявлено в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, и наличие признанного в установленном

законом порядке потерпевшего от данных преступлений не являлось обязательным основанием для отнесения указанных деяний к категории совершенных на потребительском рынке.

Итак, общественная опасность преступлений на потребительском рынке заключается не столько в причинении какого-либо вреда конечным потребителям товаров или услуг, сколько в создании такой экономической среды, в которой и предпринимателям (легальным и нелегальным), и потребителям создаются условия относительного благоприятствования с точки зрения преодоления трудностей конкурентной борьбы, снижения стоимости предлагаемой продукции, обхода административных и фискальных барьеров. Например, в отношении продавца, реализующего поддельные спиртосодержащие напитки и несовершеннолетнего подростка, их приобретающего, видимых у пострадавших признаков возраста или нет. Один получает сверхприбыль, другой – искомый товар в обход законодательного запрета. Иными словами, совершение рассматриваемых преступлений порождает и поддерживает так называемый «теневой рынок», который, с одной стороны, устраивает его субъектов, но и несет риски причинения вреда, с другой – полностью противоречит интересам государства, упускающего управление и контроль над экономикой, последствием которого может стать существенное снижение уровня жизни населения и эффективного развития страны.

Именно предотвращение масштаба тех последствий, которые влекут за собой преступные деяния на потребительском рынке, является одной из основных задач, которые стоят перед сотрудниками правоохранительных органов. Поэтому, исходя из межобъектности преступлений на потребительском рынке, степени общественной опасности совершаемых деяний, наличие потерпевшего лица не является обязательным при совершении большинства преступлений в сфере потребительского рынка. Кроме того, согласно п. 28 Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов, утвержденной Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Министерства экономического развития и торговли РФ и Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений», заявление потерпевшего не является основанием учета преступлений.

Учитывая специфику общественной опасности преступлений данной категории и позиции Верховного Суда Российской Федерации, отсутствие заявления потерпевшего не является основанием для исключения конкретного деяния из категории преступлений в сфере потребительского рынка. В противном случае, требование его наличия может привести к невозможности объективной оценки совершаемых деяний в связи с его исключением из единой базы учета, и, как результат, отсутствие должного реагирования со стороны правоохранительных и законодательных органов. Кроме того, требование наличия заявления потерпевшего может побуждать сотрудников правоохранительных органов, пытающихся выполнить свое предназначение и старающихся обеспечить защиту граждан и государства от противоправных действий, к совершению должностных преступлений, направленных на получение необходимого заявления незаконным способом.

Библиографический список

1. Жилкин, М. Г. Дифференциация уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность, связанную с производством и оборотом алкогольной и спиртосодержащей продукции / М. Г. Жилкин // Вестник МВД России. – 2019. – № 1. – С. 82–92.
2. Жилкин, М. Г. Ущерб как критерий дифференциации уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности / М. Г. Жилкин // Вестник МВД России. – 2017. – № 1. – С. 38–45.
3. Постановление Пленума Верховного суда от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // Бюллетень Верховного Суда. – URL: <http://supcourt.ru/documents/newsletters/1859/> (дата обращения 15.06.2020).
4. Якимова, Т. А. Криминологическая характеристика преступлений в сфере потребительского рынка: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т. А. Якимова. – СПб., 2005. – 176 с.

Боровиков В. Б.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Боровикова В. В.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ДОЛЖНОСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Уголовная политика в сфере борьбы с должностными преступлениями предполагает использование потенциала, сосредоточенного в уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, криминологических, криминалистических, оперативно-разыскных, административно-правовых средствах воздействия.

Собственно уголовно-правовая политика, т. е. направление государственной политики в области противодействия должностной преступности, осуществляемая посредством использования уголовно-правовых норм, в современных условиях имеет свои особенности, которые необходимо учитывать (в данной статье речь будет идти об уголовно-правовой борьбе с деяниями, предусмотренными главой 30 УК РФ³, хотя соображения, высказанные авторами этой публикации, применимы и к случаям совершения преступлений должностными лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности по статьям, указанным в других главах УК РФ 1996 г.).

Уголовно-правовая политика в сфере борьбы с преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ)⁴, естественно, должна преследовать цель существенного снижения проявлений коррупционной и другой должностной преступности (в идеале, ее полного искоренения, хотя сейчас эта цель выглядит утопической).

Достижение указанной цели предполагает и реалистичность целей, которые стоят перед различными мерами уголовно-правового воздействия. Прежде всего, это касается целей наказания за должностные преступления.

Так, очевидно, что анализируемые преступления в своем большинстве совершаются лицами, которые прекрасно понимают смысл содеянного ими, факт

¹ © Боровиков В. Б., 2020.

² © Боровикова В. В., 2020.

³ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2019 г. по статьям, включенным в гл. 30 УК РФ, было осуждено 6 900 человек (Куликов В. Приравняют к взятке // Российская газета. 2020. 27 авг.).

⁴ Далее, в методических целях для обозначения этих преступлений будет использоваться термин «должностные преступления».

нарушения уголовно-правового запрета, негативные последствия своего поведения, определенные исключения можно сделать для взяточдателей, а также виновных в халатности.

Все это делает нереалистичной цель исправления этих лиц при назначении им уголовного наказания. Поэтому ставка при назначении наказания за подобные деяния должна делаться на достижение целей восстановления социальной справедливости и предупреждение преступлений.

Восстановление социальной справедливости как цель наказания базируется на принципе справедливости в уголовном праве (ст. 6 УК РФ). Совершение лицом любого преступления требует, чтобы назначаемое наказание соответствовало характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Восстановление такого положения предполагает, что в глазах потерпевшего государство и общество достигнут удовлетворяющий их результат, минимизирующий негативные последствия факта совершения преступления. Причем с учетом распространения информационных технологий возросло значение восприятия реального достижения целей восстановления официальной справедливости в общественном мнении. Миллионы пользователей компьютерами, смартфонами, радио, телевидением, телеграмм-каналами могут получать оперативную информацию о видах и размерах наказаний, назначенных должностным лицам за совершение ими преступлений по службе. Реакция общественного мнения может быть различной. Если она отрицательная, то это негативно отражается на авторитете органов правосудия, государственной власти в целом. Разумеется, болезненно в общественном мнении воспринимаются судебные решения, когда назначаются мягкие наказания высокопоставленным должностным лицам (вспомним отрицательную реакцию общества по поводу дела «Оборонсервис»).

Не менее важной, а, может быть, и главной, является и цель предупреждения должностных преступлений при назначении наказаний. При этом цель общего предупреждения данных преступлений не менее значима с учетом высокой латентности рассматриваемых деяний. Наказание за такие преступления должно вызывать страх у неустойчивых категорий лиц, связанных со службой в органах государственной власти и местного самоуправления, т. е. достаточно суровым. В противном случае, жажда обогащения, что характерно, например, для преступлений коррупционной направленности, будет «побеждать» страх перед негативными последствиями, порождаемыми фактом назначения наказания.

Руководствуясь названным выше исходным постулатом, проанализируем систему уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 30 УК РФ.

На 1 сентября 2020 г. 17 статей, включенных в эту главу УК РФ, содержат 59 уголовно-правовых норм (включая и те, которые указаны в соответствующих пунктах различных частей статей гл. 30 УК РФ), устанавливающих ответственность за различные должностные преступления.

Из 59 различных проявлений должностных преступлений, 8 относятся к числу особо тяжких (п. «а» ч. 5 ст. 290; п. «б» ч. 5 ст. 290; п. «в» ч. 5 ст. 290; ч. 6 ст. 290; п. «а» ч. 4 ст. 291; п. «б» ч. 4 ст. 291; ч. 5 ст. 291; ч. 4 ст. 291.1 УК РФ).

К тяжким относятся 23 должностных преступления (ч. 2 ст. 285; ч. 3 ст. 285; ч. 2 ст. 285.3; ч. 3 ст. 285.3; ч. 1 ст. 285.4; п. «а» ч. 2 ст. 285.4; п. «б» ч. 2 ст. 285.4;

ч. 2 ст. 286; п. «а» ч. 3 ст. 286; п. «б» ч. 3 ст. 286; п. «в» ч. 3 ст. 286; п. «а» ч. 3 ст. 287; п. «б» ч. 3 ст. 287; п. «в» ч. 3 ст. 287; ч. 2 ст. 290; ч. 3 ст. 290; ч. 4 ст. 290; ч. 3 ст. 291; ч. 2 ст. 291.1; п. «а» ч. 3 ст. 291.1; п. «б» ч. 3 ст. 291.1; ч. 5 ст. 291.1; ч. 3 ст. 293 УК РФ).

К категории средней тяжести относятся 14 должностных преступлений (ч. 1 ст. 285; п. «а» ч. 2 ст. 285.1; п. «б» ч. 2 ст. 285.1; п. «а» ч. 2 ст. 285.2; п. «б» ч. 2 ст. 285.2; ч. 1 ст. 285.3; ч. 1 ст. 286; ч. 2 ст. 286.1; ч. 2 ст. 287; ч. 2 ст. 291; ч. 1 ст. 291.1; ч. 2 ст. 292; ч. 1 ст. 292.1; ч. 2 ст. 292.1 УК РФ).

К категории небольшой тяжести относятся 14 должностных преступлений (ч. 1 ст. 285.1; ч. 1 ст. 285.2; ч. 1 ст. 286.1; ч. 1 ст. 287; ст. 288; ст. 289; ч. 1 ст. 290; ч. 1 ст. 291; ч. 1 ст. 291.1; ч. 2 ст. 291.1; ч. 1 ст. 292; ч. 2 ст. 292.1; ч. 1 ст. 293; ч. 1.1 ст. 293 УК РФ).

Все особо тяжкие преступления относятся к числу коррупционных деяний (различным формам проявлений взяточничества). Учитывая жесткую линию государства в отношении коррупционных явлений, можно объяснить подобный подход законодателя. Вместе с тем, на наш взгляд, законодатель не в полной мере оценил общественную опасность деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 286 УК РФ. По меньшей мере, превышение должностных полномочий с применением оружия всегда включает в себе угрозу для жизни людей. Традиционно под одной из форм применения оружия в судебной практике понимается его умышленное использование лицом для физического воздействия на потерпевшего. Следовательно, если речь идет о применении огнестрельного оружия, то подразумевается ситуация, когда лицо, применяющее его, производит выстрел, направленный на поражение живой цели. Тем более, когда речь идет о применении лицом оружия, которое имеет для этого специальную подготовку.

На наш взгляд, это дает основание для признания рассматриваемого преступления в качестве особо тяжкого.

Заниженной представляется законодательная оценка незаконного участия должностного лица в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ). Думается, это преступление относится к числу коррупционных и, учитывая тенденции антикоррупционной политики, должно оцениваться не как преступление небольшой тяжести, а как деяние, относящееся к категории средней тяжести. Естественно, должно быть повышено и наказание за его совершение.

Есть вопросы, касающиеся социальной обусловленности некоторых уголовно-правовых норм, содержащихся в гл. 30 УК РФ. В частности, они возникают в связи с существованием в УК РФ ст. 291.1, устанавливающей ответственность за посредничество во взяточничестве. Аналогичная норма (ст. 174.1) была в УК РСФСР 1960 г., но затем идея уголовной ответственности за подобное деяние претерпела изменения. Уголовный кодекс РФ 1996 г. в первоначальной редакции не содержал нормы об ответственности за посредничество во взяточничестве, но затем на волне борьбы с коррупцией восстановил этот уголовно-правовой запрет.

Но что по сути означает посредничество во взяточничестве? Это всего лишь пособничество в получении взятки либо даче взятки. Вполне можно было эти вопросы урегулировать посредством использования норм, предусмотренных ст.ст. 290 и 291 УК РФ, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. Но от такого решения

данной юридической ситуации законодатель отказался. Появление же в УК РФ ст. 291.1 привело к тому, что теперь в случае фактического пособничества в получении и даче т. н. «простой» взятки (ч. 1 ст. 290 и ч. 1 ст. 291 УК РФ) не влекут уголовной ответственности, т. к. посредничество во взяточничестве признается уголовно наказуемым лишь при наличии значительного размера взятки (т. е. превышающей 25 000 рублей).

Кроме того, трудно согласиться и с существованием ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве (признаваемом тяжким преступлением). По сути это обнаружение умысла, которое не должно влечь уголовной ответственности.

Итак, на наш взгляд, российское уголовное законодательство вполне может обойтись без существования ст. 204.1 УК РФ, т. к. оно располагает достаточным арсеналом средств в регулировании ситуаций, связанных с посредничеством во взяточничестве.

Авторы данной публикации считают обоснованным включение в УК РФ ст. 291.2, устанавливающей ответственность за мелкое взяточничество, т. к. это способствует дифференциации ответственности за взяточничество. Вместе с тем, введение подобной ответственности порождает ряд вопросов. В частности, это касается установления минимального размера мелкой взятки. Без этого постоянно будут возникать ситуации, касающиеся разграничения уголовно наказуемого мелкого взяточничества, со сходным малозначительным деянием [1, с. 39–52].

Мы не претендуем на истину в последней инстанции в части определения, собственно, минимального размера мелкой взятки. Может быть, за основу надо взять положения ст. 575 ГК РФ, согласно которой не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей.

Видимо, есть и другие подходы, но выработка такого критерия – насущная потребность нашего времени. Возможен и вариант с установлением административной ответственности за мелкое взяточничество, но и в этом случае необходимо законодательное определение взятки.

Трудно объяснить, почему в УК РФ появилась и ст. 286.1 УК РФ (Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа).

Какая в этом была необходимость? Почему нельзя было такие конфликтные ситуации решать при помощи дисциплинарного законодательства, а также уголовно-правовых норм (например, предусмотренных ст.ст. 285, 293 УК РФ)?

Есть и еще один аспект. Почему только неисполнение приказа сотрудником ОВД влечет уголовную ответственность? Подобные приказы по службе могут не исполнять и сотрудники Прокуратуры, Следственного Комитета РФ, Федеральной таможенной службы России. Не кажется ли, что норма, предусмотренная ст. 286 УК РФ, как и положение, сформулированное в п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, нарушает принцип равенства граждан перед законом?

Вывод один: целесообразно, чтобы деяние, предусмотренное ст. 286.1 УК РФ, было декриминализовано, а п. «о» исключен из ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Библиографический список

1. Ображиев, К. Малозначительность получения и дачи взятки: проблемы уголовно-правовой оценки / К. Ображиев // Уголовное право. – 2020. – № 3. – С. 39–52.

Кирюхин А. Б.¹,

начальник кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

СЕМЕЙНО-БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ ИЛИ ПРОСТО НАСИЛИЕ?

Не так давно, 29 ноября 2019 г., Советом Федерации был опубликован текст законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» [1]. Ранее похожие инициативы уже вносились в парламент, но, ни одна из них не преодолела первого чтения. Законопроект сразу вызвал большое количество откликов простых россиян, большинство из которых были достаточно критичны [2]. Критики справедливо отмечали существенные недостатки законопроекта, которые условно можно разделить на три большие группы:

1. Замечания о существенном нарушении Конституции страны, попрании презумпции невиновности и создании правового поля для тотальной коррупции в сфере семейно-бытовых отношений;

2. Разрушение основ семьи и способствование проникновению в Россию чуждой идеологии тотального контроля семьи государством, широко распространяемой в странах Западной Европы некоторыми некоммерческими общественными организациями и ЛГБД сообществами;

3. Достаточность существующих правовых мер воздействия на нарушителя силами административного и уголовного законодательства.

Рассмотрим подробнее некоторые представленные положения законопроекта и замечания на их содержание.

Законопроект определяет семейно-бытовое насилие как умышленное деяние, причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления.

Из формулировки законопроекта следует, что семейно-бытовое насилие причиняет или содержит угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда. Но при этом такое насилие не должно содержать признаки административного правонарушения или преступления. И здесь возникает, пожалуй, главный вопрос – если в содеянном должны отсутствовать упомянутые признаки, то о каком нарушении идет речь в законопроекте? Признаки, какого правового деяния содержит семейно-бытовое насилие?

Из общей теории права известно, что все правонарушения подразделяются на преступления и проступки [3, 217; 595–596; 433–435]. В отличие от преступлений, проступки отличаются меньшей степенью общественной опасности, совершаются в различных сферах общественной жизни, имеют разные объекты посягательства и юридические последствия. Проступки классифицируются на гражданские правонарушения, совершаемые в сфере, регулируемой нормами

¹ © Кирюхин А. Б., 2020.

гражданского законодательства, административные правонарушения, посягающие на установленный законом общественный порядок, а также на отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государства, дисциплинарные правонарушения, которые совершаются в сфере трудовых отношений и посягают на внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций, а также процессуальные правонарушения, посягающие на установленные законом процедуры осуществления правосудия [4, с. 218].

Логика анализа позволяет сделать предварительный вывод, что семейно-бытовое насилие, не являясь правонарушением и преступлением, составляет содержание трех видов правонарушений: гражданских, дисциплинарных и процессуальных. Но это, конечно, не так. Семейно-бытовое насилие не может нарушить сферу, регулируемую гражданским правом. Такое насилие не посягает на установленный законом общественный порядок, а также на отношения в сфере исполнительно-распорядительной деятельности органов государства. Семейно-бытовое насилие находится вне сферы трудовых отношений и не посягает на внутренний распорядок деятельности предприятий, учреждений и организаций. Наконец, это насилие не нарушает процедуру осуществления правосудия.

Так что же такое семейно-бытовое насилие и существует ли, вообще, необходимость нормативного закрепления этого явления?

Не вдаваясь в подробное перечисление общих формулировок насилия, приведенных в различных источниках, определим эту форму поведения человека как активное, осознанное и волевое действие (либо совокупность действий), заключающееся в применении физической силы, оружия, предметов, используемых в качестве оружия, в отношении любого лица в различных целях, влекущее причинение существенного вреда его жизни или здоровью либо создающее реальную угрозу наступления таких последствий.

Отметим, что насилие не всегда является общественно-опасным. Оно может быть как противоправным, так и общественно-полезным поведением человека (например, необходимая оборона, задержание преступника и пр.). В любом случае основу насилия как правового деяния составляет применение человеком физической силы, факторов внешней среды, оружия, любых иных предметов, используемых в качестве оружия, либо угроза их применения. Сущность любого насилия заключается в способности причинить существенный вред основным нематериальным благам личности – жизни, здоровью. Некоторые насильственные деяния посягают на личную свободу человека. Именно поэтому все наиболее опасные насильственные деяния содержат признаки преступления. И только побои, нарушающие телесную неприкосновенность лица, являются административным правонарушением, но лишь в том случае, если они не содержат признаки уголовно наказуемого деяния. И здесь следует сделать первое замечание – текст законопроекта использует «лексическое излишество» – «уголовное преступление». Преступление как наиболее опасный вид правонарушения всегда является уголовно наказуемым деянием. Поэтому выражение «уголовное» в тексте законопроекта является излишним.

Насилие не существует за пределами общественных отношений, обеспечивающих безопасность жизни, здоровья и личной свободы человека. Именно так понимало и понимает содержание преступного насилия российское уголовное право. На этом фоне совершенно невнятными и чрезвычайно широкими по форме изложения видятся последствия семейно-бытового насилия, указанные в тексте законопроекта. В нем – насилие причиняет или содержит угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда. Такая редакция не выдерживает никакой критики. Сразу же напрашивается несколько вопросов разработчикам законопроекта. Первый вопрос – известно ли им было, что указанные в законопроекте последствия традиционно составляют признаки преступления – истязания? Видимо, нет, поскольку разработчики не приняли во внимание положения диспозиции ст. 117 УК РФ, звучащей следующим образом: «Причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст.ст. 111 и 112 настоящего Кодекса». Второй вопрос вытекает из первого: что есть, по замыслу разработчиков законопроекта, физическое и психическое страдание, в каком нормативном правовом акте закреплено определение и того и другого? Ответ на этот вопрос также дается действующим уголовным законодательством. Разработчикам следовало бы ознакомиться с примечанием к ст. 117 УК РФ, которое причинение физических или нравственных страданий традиционно относит к пытке. Кому, конкретно, такие страдания причиняются и (или) могут быть причинены, составляет содержание третьего вопроса, ответ на который также дается Уголовным кодексом. Истязание является преступлением, посягающим на личность любого человека. При этом, не важно, было совершено это преступление в семейно-бытовой сфере или нет. В итоге, действующее уголовное законодательство на протяжении длительного времени содержит нормативно-правовой запрет на применение насилия в любых преступных целях. Какого-либо дополнительного запрета на применение насилия в определенных сферах не требуется, во избежание правовой коллизии норм различных отраслей права, ошибок и иных непроцессуальных последствий в деятельности практикующих органов.

В то же время отмечу следующее обстоятельство. Трудно оспорить тот факт, что для большинства женщин или мужчин домашнее насилие выражается в нанесении побоев. Собственно, как уже было отмечено, уже сегодня есть реальная возможность наказать семейно-бытового насильника за совершение насильственного правонарушения либо преступления. Однако следует признать, что органы внутренних дел неохотно реагируют на внутрисемейные разборки. И это несмотря на то обстоятельство, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и УК РФ создают реальную предпосылку для правовой ответственности любого насильника.

Правозащитники утверждают, что жертв насилия реально ничто и никто не защищает. По их мнению, это происходит из-за недостаточной законодательной регламентации семейно-бытового насилия в административном и уголовном законодательстве, страха пострадавших обратиться за помощью, отсутствия реа-

гирования, прежде всего со стороны полиции, сложности фиксации и доказательства факта насилия [5]. Но разве эти сложности не будут сопровождать применение на практике Закона «О профилактике семейно-бытового насилия» в том случае, если он, все-таки, будет принят? Конечно, будут и даже в большей степени. Примером этому может послужить опыт тех стран, где подобные законы были приняты. В частности, с этими проблемами уже столкнулась Украина, дополнившая свое уголовное законодательство ст. 126-1 об ответственности за семейное насилие. В соответствии с положениями этой статьи домашним насилием признаются не только побои, но и факты психологического и экономического давления на человека [6]. А чтобы доказать эти факты необходимо установить, что над членом семьи систематически издевались (событие произошло более трех раз), в результате наступили последствия психологического характера, а само деяние не охватывается традиционным составом побоев. Все перечисленное выше необходимо доказывать путем проведения многочисленных экспертиз и иных следственных действий, что, конечно же, не добавляет энтузиазма правоприменительным органам, вынужденным преодолевать возникшие на практике сложности путем использования всех видов толкования оценочных признаков нормы, установленной ст. 126-1 УК Украины. Включение этой нормы в УК Украины привело и к ее конкуренции с положениями ст. 173-2 Кодекса Украины об административных правонарушениях, которая уже предусматривала административную ответственность за насилие в семье [7]. Возникла очередная правовая коллизия, решение которой опять легло на плечи правоприменителей.

Отмечу, что с принятием Закона «О профилактике семейно-бытового насилия» возникнет правовая коллизия и с целой группой уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления, предусмотренные следующими статьями УК Российской Федерации: 111, 112, 115 (Вред здоровью различной степени тяжести), 116 (Побои), 116-1 (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию), 117 (Истязание), 119 (Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью), 167 (Умышленные уничтожение или повреждение имущества). Кроме того, в законопроекте отсутствуют критерии, которыми необходимо руководствоваться правоприменителям для установления наступления таких последствий, как эмоциональная зависимость или ухудшение качества жизни, являющихся содержанием физических или психических страданий. Объем толкования этих оценочных признаков в предложенной редакции безграничен ввиду широты их содержания.

В заключение отмечу, что в статье анализировались далеко не все недочеты представленного законопроекта «О профилактике семейного насилия». Однако даже их достаточно, чтобы сделать вывод о несостоятельности представленного законопроекта и нецелесообразности принятия отдельного нормативного правового акта, вторгающегося в область регулирования тех общественных отношений, нарушение которых в большинстве случаев традиционно составляет содержание уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Проект Федерального закона «О профилактике семейного насилия // URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611> // (дата обращения: 12.12.20).
2. Вы против какого насилия? // URL: <https://rvs.su/statia/vy-protiv-kakogo-nasilijahttp> // (дата обращения: 12.12.20).
3. Общая теория государства и права : учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова, 2018.
4. Проблемы теории государства и права : учебник : в 2 ч. Ч. 1 / [В. А. Затонский и др.] ; под ред. А. С. Мордовца и Р. В. Пузикова. – Тамбов, 2012. – С. 595–596.
5. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2016. – С. 433–435.
6. ВЦИОМ подключился к пропаганде закона «О профилактике семейного насилия»? // URL: <https://www.nakanune.ru/news/2019/12/16/22560896/> (дата обращения: 12.12.20).
7. Уголовный кодекс Украины с изменениями от 20.12.2019 // URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/> (дата обращения: 12.12.2020).
8. Что нового внес Закон «О домашнем насилии» // URL: <https://ursa-mbo.com/pomoshh> (дата обращения: 12.12.2020).

Азаренкова Е. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Осипов В. А.²,

*заместитель начальника кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ОТГРАНИЧЕНИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ОТ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА

Фальсификацию доказательств по уголовному делу, совершаемую лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником, следует отграничивать от служебного подлога. В научной литературе зачастую встречается мнение о том, что в данном случае конкурируют общая и специальная нормы, специальной при этом называют норму о фальсификации доказательств [3, с. 123; 5, с. 44].

Данные преступления отличаются по объекту посягательства. Фальсификация доказательств по уголовному делу нарушает интересы осуществления правосудия по уголовным делам, то есть деятельность суда и органов предварительного расследования. Служебный подлог посягает на нормальную деятельность государственных органов, связанную с оформлением и оборотом официальных документов [4, с. 655].

Предмет данных преступлений различен. В соответствии со ст. 74 УПК РФ, доказательства по уголовному делу – любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию или имеющих значение для уголовного дела. К ним относятся заключение эксперта и специалиста, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, вещественные доказательства, протоколы, иные документы. Предметом служебного подлога выступает официальный документ. В различных нормативно-правовых актах представлены определения документа, официального документа³, электронного документа⁴. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской

¹ © Азаренкова Е. А., 2020.

² © Осипов В. А., 2020.

³ Федеральный закон «Об обязательном экземпляре документов» от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 1. Ст. 1.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.06.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

Федерации¹ приведены следующие примеры официальных документов: листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки о заработной плате, протоколы комиссий по осуществлению закупок, свидетельства о регистрации автомобиля. Таким образом, круг предметов служебного подлога включает в себя документы, которые исходят от должностных лиц, государственных служащих или муниципальных служащих, удостоверяющие факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. Доказательства же, как предмет фальсификации по ст. 303 не обязательно представлены в виде документа. В силу того, что предмет данных преступлений не совпадает, в правоприменительной практике деяния квалифицируются по совокупности. Так, следователь М.Л.А., в производстве которой находилось уголовное дело, понимая, что срок предварительного следствия по указанному уголовному делу значительно превышает установленный срок, действуя из иной личной заинтересованности, выраженной в желании избежать дисциплинарную ответственность, внесла в официальные документы – протоколы процессуальных действий (протокол ознакомления обвиняемого и его защитника с постановлением о назначении судебных экспертиз и заключением эксперта, уведомление об окончании следственных действий и др.), заведомо ложные сведения – подделала подписи обвиняемого и его защитника в процессуальных документах, удостоверяющих юридически значимые факты и события, то есть совершила служебный подлог. Тем самым были существенно нарушены конституционные права и законные интересы обвиняемого, и одновременно дискредитирована работа органов власти, подорван авторитет и доверие к органам внутренних дел. Затем она решила не соблюдать установленный УПК РФ порядок проведения допроса обвиняемого, для чего составила протокол допроса с нужными показаниями, указав недействительные сведения об участии при производстве следственного действия обвиняемого и его защитника – адвоката, тем самым, придав ему легитимность, включив обязательные реквизиты, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, приобщив указанный процессуальный документ к материалам уголовного дела в качестве доказательства. Тем самым следователь М.Л.А. получила необходимое ей доказательство, которое в совокупности с другими доказательствами указывало на обоснованную квалификацию содеянного, что позволило ей направить уголовное дело прокурору для утверждения обвинительного заключения. Таким образом, следователь М.Л.А. сфальсифицировала доказательства по уголовному делу. Суд признал М.Л.А. виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292, ч. 3 ст. 303 УК РФ².

Объективная сторона служебного подлога раскрывается в ст. 292 УК РФ и выражается во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 24 от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм., внесенными постановлениями Пленума от 3 декабря 2013 г. № 33 и от 24 декабря 2019 г. № 59) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

² Приговор Советского районного суда г. Орла (Орловская область) № 1-55/2019 от 23 декабря 2019 г. по делу № 1-55/2019 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.09.2020).

а равно во внесении в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Объективная сторона фальсификации (ч. 2 ст. 303 УК РФ) – это подделка, фабрикация, искусственное создание любого доказательства по делу¹. Данное деяние заключается в искажении фактических данных, которые являются доказательствами по уголовному делу. Примером фальсификации может выступать внесение ложных данных в процессуальные документы, уничтожение вещественных доказательств. При фальсификации, в отличие от служебного подлога, происходит не подделка документа, а искажение, то есть меняется содержание в той мере, в какой это необходимо субъекту [4, с. 705].

Так, старший дознаватель В.О.Е. фактически не проводя допрос лица, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, а также свидетелей, изготовила фиктивные протоколы допроса указанных лиц по уголовному делу, находившемуся в ее производстве, в которые умышленно внесла заведомо ложные сведения о факте допроса и якобы данных свидетелями показаниях. После чего, в целях придания видимости законности производства указанных следственных действий, собственноручно умышленно выполнила в них личные подписи от имени подозреваемого, свидетелей и удостоверила их своей подписью, совершив тем самым фальсификацию доказательств по уголовному делу.

Кроме того, В.О.Е. изготовила официальный документ – обвинительный акт, в который из иной личной заинтересованности умышленно внесла заведомо ложные сведения об объявлении обвиняемому обвинительного акта по уголовному делу, сведения о разъяснении ему прав, предусмотренных ст. 47 УПК РФ. После чего В.О.Е. собственноручно умышленно выполнила в обвинительном акте личную подпись от имени обвиняемого и удостоверила ее своей подписью, совершив тем самым служебный подлог².

Некоторые исследователи отмечают, что фальсификация доказательств, совершенная таким субъектом как должностное лицо, квалифицируется не как служебный подлог, а по ст. 303 УК РФ, ввиду того, что объективная сторона данного деяния выражена в подделке доказательств по уголовному делу [1, с. 100]. На наш взгляд, в подобных ситуациях необходимо ориентироваться не только на объективную сторону. Вышеуказанные примеры судебной практики свидетельствуют о том, что большое значение для верной квалификации играет такой признак состава как предмет преступления. Так, будет неверной квалификация по ст. 303 УК РФ в случае, если должностным лицом вносятся ложные данные в документы, не являющиеся доказательствами по уголовному делу.

С субъективной стороны исследуемые составы также имеют различия. Для служебного подлога конструктивным признаком состава выступает корыстная

¹ Решение Арбитражного суда Приморского края от 5 мая 2016 г. по делу № А51-11012/2015 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).

² Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа (Воронежская область) № 1-27/2020 от 4 января 2020 г. по делу № 1-27/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).

или иная личная заинтересованность. Иная личная заинтересованность заключается в стремлении извлечь выгоды неимущественного характера, что может быть вызвано различными побуждениями:

– ложно понятыми интересами службы, желанием избежать дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения¹;

– карьеризмом, желанием приукрасить действительные показатели работы по выявлению административных правонарушений путем искусственного незаконного повышения количества составленных протоколов об административных правонарушениях, созданием видимости успешной работы, желанием уйти от возможной дисциплинарной ответственности за недостатки в работе, связанные с недостаточным выявлением административных правонарушений²;

– повышением показателей фактически окончанных исполнительных производств, уменьшением объема работы и количества не окончанных исполнительных производств³.

Мотив не является обязательным признаком в составе фальсификации доказательств. Но зачастую суды отмечают, что побудило лицо совершить преступление, например, у следователя К.Ю.Г. возник преступный умысел, направленный на фальсификацию доказательств по уголовному делу, при этом она руководствовалась иной личной заинтересованностью, поскольку стремилась облегчить выполнение своих служебных задач за счет имитации производства следственных действий, сократив затраты своего времени и труда, необходимые для организации и проведения следственного действия в установленном законом порядке⁴.

Несмотря на то, что субъект анализируемых преступлений специальный, для фальсификации доказательств по уголовному делу в качестве такового может выступать лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник, а для служебного подлога – должностное лицо, государственный служащий или муниципальный служащий, не являющийся должностным лицом.

Таким образом, на наш взгляд, в чистом виде рассматриваемые преступления не находятся в соотношении общей и специальной норм. Следует согласиться с авторами, которые утверждают, что если объективная сторона служебного подлога не охватывает действий, составляющих объективную сторону фальсификации доказательств по уголовному делу, квалификация содеянного происходит по

¹ Приговор Советского районного суда г. Орла (Орловская область) № 1-55/2019 от 23 декабря 2019 г. по делу № 1-55/2019 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 11.09.2020).

² Приговор Кстовского городского суда (Нижегородская область) № 1-117/2020 от 20 февраля 2020 г. по делу № 1-117/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.09.2020) ; приговор Воротынского районного суда (Нижегородская область) № 1-10/2020 1-77/2019 от 29 января 2020 г. по делу № 1-10/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).

³ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени (Тюменская область) № 1-26/2020 1-971/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 1-26/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).

⁴ Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) № 1-113/2020 от 19 февраля 2020 г. по делу № 1-113/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения 14.09.2020).

совокупности преступлений [5, с. 60]. Данный подход подтверждается и приведенными примерами судебной практики, где подобные ситуации оцениваются по правилам реальной совокупности.

Библиографический список

1. Горелик, А. С. Преступления против правосудия / А. С. Горелик, Л. В. Лобанова. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.
2. Павлов, В. Г. Квалификация преступлений против правосудия со специальным субъектом / В. Г. Павлов // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 3 (9). – С. 87–116.
3. Ильяшенко, А. Н. Уголовная ответственность за служебный подлог / А. Н. Ильяшенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2011.
4. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – 836 с.
5. Климова, Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков / Ю. Н. Климова // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2 (55). – С. 58–66.
6. Романова, В. В. Служебный подлог : учебное пособие / В. В. Романова. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017.

Чугунов А. А.¹,

*заместитель начальника кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

Хлебницына Е. А.²,

*преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОВОКАЦИЮ ВЗЯТКИ

Провокация как уголовно-правовая категория имеет давнюю историю. В различные периоды существования нашего государства она использовалась и в целях борьбы с преступностью, то есть носила законный характер, и находила закрепление в нормах уголовного закона. Отметим, что впервые провокация взятки была криминализована в российском уголовном праве в 1922 г. В настоящее время УК РФ 1996 г. содержит ст. 304 «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». Таким образом, отечественный законодатель начал признавать действия должностных лиц, направленные на искусственное создание доказательств, преступными практически сто лет назад.

Ежегодно в Российской Федерации в среднем регистрируется 4 500 преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ, и по одному – ст. 304 УК РФ [14]. Данные статистики свидетельствуют о высокой латентности рассматриваемых запрещенных деяний и сложности применения соответствующих уголовно-правовых норм, что связано, в том числе, с несовершенством их законодательной формулировки.

Практические сотрудники как до криминализации исследуемого деяния, так и в настоящее время искусственно создавали условия, склоняющие должностных лиц к получению взятки. Поскольку провокация являет собой искусственное создание доказательственной базы совершенного преступления, то очевидно, что подобные действия не могут применяться в целях борьбы с коррупцией (выявления лиц, склонных к получению взяток, а также повышения раскрываемости преступлений коррупционной направленности).

Вместе с тем действия, направленные на провокацию взятки, следует ограничивать от правомерных действий сотрудников при производстве оперативного эксперимента [13]. Для этого следует обратиться к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в постановлении № 24 от 9 июля 2013 г. В пункте 32 говорится о том, что передача денежных средств или

¹ © Чугунов А. А., 2020.

² © Хлебницына Е. А., 2020.

иногое ценного имущества не должна совершаться в целях искусственного создания доказательств преступного деяния. Одним из признаков провокации является наличие информации у сотрудников правоохранительных органов об отсутствии действий должностного лица, подтверждающих согласие принять или отказ в принятии взятки. Таким образом, необходимо недопущение обстоятельств, подтверждающих, что без вмешательства правоохранительных органов умысла на получение взятки у лица не было, то есть такое деяние не было бы квалифицировано по ст. 290 УК РФ [2].

Так, например, п. 3 Обобщения судебной практики за 2013–2014 гг. в судах ЯНАО содержит сведения из определения суда апелляционной инстанции, которым был оправдан врач районной больницы, обвиняемый в выдаче фиктивных листов нетрудоспособности за деньги [5]. Суд пришел к выводу о недопустимости признания в качестве доказательства результатов оперативного эксперимента, поскольку он проводился на основании показаний сотрудника полиции о наличии оперативной информации, при этом в материалах уголовного дела отсутствовали документы, подтверждающие данную информацию.

Одним из немногих обвинительных приговоров по данной статье, является приговор от 26.10.2011, вынесенный Воронежским областным судом, согласно которому два сотрудника полиции без разрешения руководства, а также не имея соответствующего постановления, провели в инспекции федеральной налоговой службы по Советскому району г. Воронежа оперативный эксперимент в ходе которого была задержана и. о. руководителя инспекции ФНС России, и в отношении нее было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 290 УК РФ. Однако позднее уголовное дело было прекращено, а сотрудники полиции предстали перед судом и были осуждены по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ст. 304 УК РФ [4].

Нередко решение о провокации взятки принимают лица, не являющиеся сотрудниками правоохранительных органов. Так, М., являясь подозреваемым по уголовному делу по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ и соединенному с уголовным делом, возбужденным по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ, с целью избежать уголовную ответственность принял решение спровоцировать взятку, то есть попытаться передать должностному лицу правоохранительного органа, постоянно осуществляющего функции представителя власти – дознавателю отдела дознания ОМВД РФ по Новокубанскому району Б., в чьем производстве находилось уголовное дело, без ее согласия деньги, в целях искусственного создания доказательств совершения ею преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ.

Во исполнение своего преступного умысла, направленного на провокацию взятки должностному лицу, М. поручил своему знакомому А.С., не осведомленному о его преступных намерениях, перечислить денежные средства в размере 3 000 рублей в качестве оплаты услуг мобильной связи на абонентский номер, используемый дознавателем Б. После того, как А.С. выполнил поручение, М. со своего мобильного телефона отправил два СМС сообщения на абонентский номер, принадлежащий дознавателю Б., следующего содержания: *«Кстати, Вам пришли деньги на счет? Или нет? На тел. уже должны были прийти. Как вы и*

просили я все сделал. А на счет в банке немного позже придет». Как вы и просили 500 тысяч рублей я так и переведу. Сегодня света нет, извините. Как свет появится я немедленно переведу», тем самым искусственно создав доказательства совершения Б. преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, хотя последняя заведомо для М. не совершала действий, свидетельствующих о ее согласии принять взятку [1].

Далее обратимся к нормативным правовым актам зарубежных стран, регулирующим ответственность за провокацию общественно опасных деяний должностными лицами.

Англосаксонская система уголовного права, как известно, основывается на прецеденте. Отметим, что общие черты провокации преступления в законодательстве США находят свое отражение в Примерном Уголовном кодексе США, где в соответствии с § 2.13, провокацией признаются действия публичного должностного лица, направленные на получение доказательств совершения посягательства на преступное деяние, в результате которых побуждается или же поощряется другое лицо к совершению противоправных действий посредством создания заведомо ложных фактов, формирующих иллюзию законности таких действий [3, с. 62].

Однако анализ нормативных правовых актов США свидетельствует об отсутствии уголовно-правовых норм, закрепляющих ответственность за провокацию взятки. Термин «провокация» используется при оценке практически всех действий лиц, являющихся сотрудниками правоохранительных органов, направленных на предупреждение и пресечение таких преступлений как взяточничество, приобретение или сбыт краденых предметов и других, которые квалифицируются как злоупотребление должностными полномочиями.

Также стоит обратить внимание, что при рассмотрении преступлений данной категории судье необходимо изучить материалы, характеризующие, во-первых, особенности личности виновного, анализ которых позволяет ответить на вопрос о наличии или отсутствии склонности у подсудимого к совершению преступления до контактирования с субъектом правоохранительных органов; во-вторых, степень влияния правоприменителей на это лицо. Важное значение приобретает субъективная составляющая – установление момента возникновения умысла на совершение данного преступления.

Таким образом, действия сотрудников правоохранительных органов должны исключать возможность подстрекательства законопослушного гражданина к совершению преступления. Заметим, что в законодательстве и прецедентной практике США понятие «провокация» тождественно «ловушке», что в свою очередь будет являться обстоятельством, освобождающим лицо от ответственности, опровергая предъявленное обвинение. Так, по делу «Jacobson v. United States» [6, с. 77] Верховный Суд США пояснил, что для опровержения применения защиты в виде провокации преступления с целью изобличения преступника стороне обвинения следует доказать предрасположенность обвиняемого к совершению преступления, сформировавшуюся прежде, чем им заинтересовались сотрудники правоохранительных органов.

Таким образом, можно сделать вывод, что в США предусмотрена ответственность за провокацию лишь в широком смысле и не ограничены виды преступлений, в отношении которых она возможна. В отличие от российского законодательства, субъектом анализируемого состава преступления может быть только сотрудник правоохранительного органа. Также есть различия и в субъективной стороне: в США цель провокации заключается в создании доказательств по уголовному делу, а в России, помимо указанной, – в шантаже.

Во многих Уголовных кодексах государств, входящих в СНГ, исследуемая норма существует. Так, например, в уголовном законе Кыргызской Республики [8] и Республики Туркменистан [11] диспозиции статей, закрепляющих ответственность за провокацию, по своему содержанию не отличаются от юридической природы ст. 304 УК РФ. Однако анализируя уголовное законодательство других стран СНГ, следует обратить внимание на некоторые теоретические аспекты уголовно-правовых норм, криминализирующих провокацию взятки.

Например, в Уголовных кодексах Азербайджана [7] и Молдовы [10] отсутствует правовая норма, которая бы закрепляла уголовную ответственность за провокацию взятки как таковой. При этом в уголовном праве Республики Азербайджан закреплена ответственность за нарушение требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Существование подобной статьи позволяет разграничивать правомерную и неправомерную реализацию оперативно-розыскных мероприятий.

Обратимся к Уголовному кодексу Республики Беларусь [9], который в ст. 396 предусматривает ответственность за «Инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения и коммерческого подкупа». В данном случае криминализована провокация трех видов преступлений коррупционной направленности: получение взятки, принятие незаконного вознаграждения и коммерческий подкуп, в то время как в УК РФ в ст. 304 законодательно закреплена ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд преступлений коррупционной направленности.

Также в рассматриваемой норме УК Республики Беларусь присутствует более широкий круг потерпевших от инсценировки, а именно, ими признаются, наряду с государственными служащими, работники индивидуального предпринимателя либо юридического лица. Следует обратить внимание на еще одну отличительную черту данной нормы – в ст. 396 УК Республики Беларусь моментом окончания преступного деяния является передача указанным в диспозиции статьи лицам денег, ценных бумаг либо иного имущества. Однако по объективной стороне составы преступлений, предусмотренные ст. 396 УК РБ и ст. 304 УК РФ, в целом, не различаются. Преступным признается искусственное создание доказательственной базы совершенного преступления или же шантаж.

Рассмотрим иное законодательное мнение касательно криминализации провокации взятки. Для этого обратимся к Уголовному кодексу Украины. Здесь, так же, как и в российском Уголовном кодексе, закреплена ответственность за провокацию взятки (ст. 370 УК Украины) [12].

Вместе с тем имеется и ряд различий. В первую очередь, обратим внимание на момент окончания преступления, которым будет являться момент создания обстановки и условий, способствующих даче или получению взятки. Затем – на цель провокации, которой в УК Украины признается разоблачение лица, давшего или получившего взятку, или же иную неправомерную выгоду. То есть в данном случае провокация направлена не столько на склонение лица к получению взятки, сколько на предложение таковой. Субъектом анализируемого деяния будет являться исключительно служебное лицо. Квалифицирующим признаком анализируемого состава преступления является совершение данных действий служебным лицом правоохранительного органа, что закреплено в ч. 2 ст. 370 УК Украины.

Проведенное исследование позволяет заключить, что наличие в законе нормы, четко разграничивающей правомерную и неправомерную реализацию оперативно-разыскных мероприятий необходимо, поскольку на сегодняшний день грань между такими формами осуществления оперативной-розыскной деятельности размыта. В результате данного явления оценка деятельности сотрудников правоохранительных органов при осуществлении оперативно-разыскных мероприятий весьма субъективна.

Также, на основании вышеизложенного, считаем обоснованным внести изменения и дополнения в ст. 304 УК РФ.

Во-первых, дополнить частью 2, которую изложить в следующей редакции: *«2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные сотрудником правоохранительного органа».*

Во-вторых, дополнить примечанием, в котором предусмотреть возможность не привлечения лица, действовавшего в рамках норм законодательства «Об оперативно-розыскной деятельности», к уголовной ответственности.

Библиографический список

1. Постановление Новокубанского районного суда Краснодарского края № 1-19/2020 1-319/2019 от 14 января 2020 г. по делу № 1-19/2020 // URL: sudact.ru/regular/doc/epmdEc6sJvmX/ (дата обращения: 15.08.2020).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

3. Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. ; под ред. Б. С. Никифорова. – М. : ИД «Прогресс», 1969.

4. Сайт Воронежского областного Суда. – URL: <https://oblsud.vrn.sudrf.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

5. Сайт Суда Ямало-Ненецкого Автономного округа. – URL: <https://oblsud-ynaо.sudrf.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

6. Семькина, О. И. Провокация преступлений со стороны правоохранительных органов: сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства / О. И. Семькина, А. В. Шмонин // Журнал Российского права. – 2013. – № 7. – С. 71–81.

7. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 09.07.2019) // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.08.2020).

8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 (с изм. и доп. по состоянию на 03.04.2020) // URL: <https://okpravo.ru> (дата обращения: 14.08.2020).

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. по состоянию на 11.11.2019) // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.08.2020).

10. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с изм. и доп. по состоянию на 12.03.2020) // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.08.2020).

11. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 30.11.2019) // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.08.2020).

12. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III (с изм. и доп. по состоянию на 13.04.2020) // URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 14.08.2020).

13. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.08.2020).

14. ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // Статистические сведения. Статистическая отчетность. – URL: 10.5.0.16/csi/ (дата обращения: 16.09.2020).

Габдрахманов Р. Л.¹,

профессор кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 313 УК РФ

В «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» [5] указано, что одним из основных направлений деятельности правоохранительных органов Российской Федерации в области противодействия преступным и иным посягательствам является совершенствование системы профилактики правонарушений, выявление причин и условий, способствующих их совершению, а также принятие мер по их устранению, реализация федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений.

В структуре пенитенциарной (лат. *poenitetiarius* – покаянный, исправительный) [8, с. 627] преступности важное место занимают побег из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

В 2019 г. за преступления, предусмотренные ст. 313 УК РФ, осуждено 90 человек, что составляет всего 0,015 %, от общего числа лиц осужденных. В 2016–2018 гг. были осуждены за это преступление соответственно 109, 102 и 94 человека. Однако доля лиц, осужденных по ст. 313 УК РФ составляет уже 0,76 % от общего числа лиц осужденных за преступления против правосудия.

Побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи посягают на, установленный нормативными актами, порядок отбывания назначенного судом наказания, содержания лица под арестом или под стражей [4, с. 716].

Каждый побег из следственных изоляторов или колоний вызывает большой общественный резонанс. Вспомним побеги из СИЗО № 1 г. Москвы (Матросская тишина) и СИЗО № 2 (Бутырка), каждый из которых обескуражил население г. Москвы и не только города, но и всей страны. Недавний побег из колонии в Дагестане также обеспокоил население республики Дагестан [3].

Изучение практики правоохранительных органов (суда и следствия) показало, что у сотрудников возникают трудности в определении понятия побега, его окончания, в вопросах квалификации этого преступления. В научной среде нет единого понимания и толкования признаков побега. В нормативных правовых актах Министерства юстиции и ФСИН России нет подробных разъяснений по этому вопросу.

В связи с изложенным, проведем анализ признаков преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ.

Общественные отношения в сфере осуществления нормальной деятельности правоохранительных органов, обеспечивающих исполнение наказания в виде ли-

¹ © Габдрахманов Р. Л., 2020.

шения свободы или ареста, и деятельности суда, следственных органов и дознания по привлечению лиц к уголовной ответственности являются непосредственным объектом данного преступления.

Дополнительным объектом в квалифицированном составе побега могут быть права и свободы граждан, их здоровье [4, с. 796], собственность, порядок управления.

Состав преступления, предусмотренного частью 1 ст. 313 УК РФ, является формальным, то есть законодатель изложил диспозицию как простую, в которой называет лишь общественно-опасное деяние в виде «побега», не раскрывая его признаков. Однако на практике применение такой нормы осложнено бланкетностью диспозиции. Ведь для уяснения сути преступления сотрудникам правоохранительных органов нужно знать такие сложные уголовно-правовые понятия как «уголовная ответственность», «побег», но и обратиться к уголовно-процессуальному, уголовно-исполнительному законодательствам и другим нормативно-правовым актам Министерства Юстиции РФ и ФСИН МЮ РФ.

Объективная сторона состоит в деянии – «побег», понятие которого законодательно не определено, что в свою очередь открыло широкое поле для различного толкования, как судебного, так и теоретического.

Также законодатель в диспозиции ч. 1 ст. 313 УК РФ указал на места, из которых совершается лицами побег. Это побеги из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи и они становятся обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления. Рассмотрим первое место, к которым относятся колонии-поселения, исправительные колонии общего, строгого и особого режима, тюрьмы, воспитательные колонии, лечебные исправительные учреждения (ст.ст. 56, 58 УК РФ и ст.ст. 73 и 74 УИК РФ). Следственные изоляторы могут быть местом совершения данного преступления, если осужденные оставлены в них для выполнения работ хозяйственного обслуживания (ст. 77 УИК РФ). В Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений¹ [2] (Правила) названы основные права и обязанности осужденных. Так, в 3 ст. Правил отмечено, что осужденным запрещается:

- нарушать линию охраны объектов либо границы территории исправительных учреждений;
- выходить без разрешения администрации за пределы изолированных участков жилых и производственных зон.

Таким образом, побег, как активная форма поведения осужденных, заключается в самовольном нарушении линии охраны территорий объектов либо границы территории исправительных учреждений, а также в самовольном незаконном выходе за пределы территорий изолированных участков жилых и производственных зон.

Побег из-под охраны характеризуется тем, что осужденный, отбывающий наказание в местах лишения свободы, преодолевает линию охраны объекта любым способом.

¹ Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205 утверждены Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений (ст. 3).

Побег из-под надзора заключается в противоправном и самовольном оставлении осужденным территории объекта или маршрута передвижения, или других мест, выход за пределы административной границы учреждения или населенного пункта.

Такие побегии могут совершить осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя, либо осужденные к лишению свободы и содержащиеся в колониях-поселениях. Большинство побегов совершается осужденными, содержащимися в колониях-поселениях, и осужденными, пользующимися правом передвижения без конвоя.

Местом совершения преступления являются арестные дома. Поскольку этот вид наказания – арест (ст. 54 УК РФ), не исполняется в порядке ст.ст. 68–72 УИК РФ из-за отсутствия самих арестных домов, ограничимся только определением места совершения преступления.

При наличии оснований, предусмотренных ст.ст. 91, 97 УПК РФ, в отношении подозреваемых и обвиняемых может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Порядок и условия содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей определяется Федеральными законами от 21.06.1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», от 21.07.1993 г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [6, 7]. Местами побега из-под стражи могут быть следственные изоляторы различных федеральных органов и ведомств, изоляторы временного содержания, транспортные средства для этапирования и конвоирования лиц, находившихся под стражей, транзитно-пересылочные отделения, кабинеты следователей и дознавателей, залы судебных заседаний. Однако побегии могут совершаться не только из указанных мест, но и при проведении различных следственных действий на улицах, в помещениях учреждений, организаций или на природе. Так, часто совершаются побегии при проведении такого следственного действия как проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ).

Таким образом, место совершения преступления при побеге из-под стражи, как признак объективной стороны, может быть не обязательным, так как побег может быть совершен во время проведения таких следственных действий как проверка показаний на месте, следственный эксперимент.

В этих случаях побег, как признак объективной стороны, будет окончен с момента противоправного оставления подозреваемым, обвиняемым, находящимся под стражей или осужденным, отбывающим наказания в виде лишения свободы, указанных мест.

Способы совершения побегов могут быть различные, но они на квалификацию преступления не влияют.

Побег из мест лишения свободы, из-под ареста, из-под стражи – делящееся преступление и оно оканчивается с момента задержания виновного или с момента явки последнего с повинной [4, с. 796]. Данное положение влияет на правильное применение других институтов уголовного права, в частности, на исчисление сроков давности освобождения от уголовной ответственности (ст. 78

УК РФ) или освобождения от наказания (ст. 83 УК РФ), а также применения амнистии (84 УК РФ). Однако в литературе имеется иная точка зрения, согласно которой не считают побег из-под стражи деянием, являющимся преступлением [1, с. 12].

Действия лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, или находящихся под стражей, пытающихся преодолеть линии охраны территорий объектов либо границы территории исправительных учреждений, следует квалифицировать как покушение на побег, т. е. по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 313 УК РФ.

Вина в виде прямого умысла является обязательным признаком субъективной стороны побегов. При этом виновный осознает, что противоправно, самовольно оставляет место лишения свободы, ареста или предварительного содержания под стражей и желает совершить побег. Мотивы и цели совершения побега на квалификацию не влияют. Побег из мест лишения свободы, следственных изоляторов чаще всего совершаются с заранее обдуманном умыслом.

Субъектом преступления является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, то есть специальный субъект. К уголовной ответственности привлекаются лица, уже осужденные и отбывающие наказания в местах лишения свободы, либо обвиняемые и подозреваемые, в отношении которых принято решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Задержанные и арестованные в административном порядке не являются субъектами данного преступления.

Квалифицирующими признаками рассматриваемого преступления являются побег, совершенный группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 313 УК РФ). Чаще всего совершаются побег из групп. Примером этого является побег из колонии в Дагестане. Так, в Махачкале ночью 23.09.2020 шестеро заключенных через подземный выкопанный тоннель совершили побег из исправительной колонии № 2 УФСИН России по Республике Дагестан [3]. Шестеро бежавших мужчин ранее были осуждены на длительные сроки лишения свободы – от 10 до 14 лет, из которых двое отбывали наказание за убийство. Как видим, этот побег совершили лица, отбывавшие наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Степень общественной опасности побегов, совершенных организованными группами, высока и как справедливо в литературе предлагают этот признак – «совершенное организованной группой» – отнести к признакам ч. 3 ст. 313 УК РФ [1, с. 12]. На практике возникают трудности при квалификации этого преступления, связанного с действиями соучастников. Поскольку непосредственным исполнителем или исполнителями данного преступления могут быть только лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы или лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то и соучастниками могут быть они. Если соучастником – пособником – побега является гражданское лицо, то его действия следует квалифицировать со ссылкой на ч. 3 ст. 33 и ч. 2 ст. 313 УК РФ. Если же пособником побега является должностное лицо правоохранительного органа или мест исполнения наказания, то действия такого лица следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 313 УК РФ и ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Особо квалифицирующими признаками анализируемого нами преступления является побег, совершенный с насилием либо угрозой применения насилия, опасного для жизни или здоровья, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 313 УК РФ).

Физическое насилие, опасное для жизни или здоровья, характеризуется причинением потерпевшему легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), средней тяжести (ст. 112 УК РФ), либо тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК РФ). Психическое насилие состоит в угрозе немедленного применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего. При этом угроза должна быть реальной и действительной. Форма выражения угрозы не имеет значения для квалификации преступления. Если с квалификацией по ч. 3 ст. 313 УК РФ можно согласиться при совершении побега с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, то при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего весьма спорно. Ведь, если при проведении следственных действий (проверка показаний на месте преступления, опознание лица) участвующим гражданским лицам (понятые и другие участвующие) причинен тяжкий вред здоровью, то, на наш взгляд, следует квалифицировать действия виновного по совокупности преступлений по п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ и ч. 3 ст. 313 УК РФ. В этой ситуации тяжкий вред здоровью причиняется лицам, участвующим в проведении следственных действий, которые выполняют общественный долг. Если при проведении таких следственных действий причинен тяжкий вред здоровью следователю или другим сотрудникам правоохранительных органов, то, на наш взгляд, действия виновного следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 318 УК РФ и ч. 3 ст. 313 УК РФ. В случаях побега из мест лишения свободы, связанного с причинением тяжкого вреда здоровью осужденному, вставшему на путь исправления и сотрудничающему с администрацией колонии, действия виновного лица следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 313 УК РФ и ч. 3 ст. 321 УК РФ. В тех случаях, когда при побеге из колонии виновным причиняется тяжкий вред здоровью либо иной вред сотрудникам мест лишения свободы или места содержания под стражей, то его действия также следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 313 УК РФ и ч. 3 ст. 321 УК РФ.

Применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, характеризуется тем, что виновное лицо использует поражающие свойства этих предметов для причинения физического вреда потерпевшим либо для психического воздействия и устрашения потерпевших. Если при совершении побега виновное лицо применяет оружие или предметы, которые использует в качестве оружия, то его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 313 УК РФ и по ч. 1 ст. 222 УК РФ. А если используется взрывчатое вещество или взрывное устройство, то действия виновного следует квалифицировать также по совокупности преступлений по ч. 3 ст. 313 УК РФ и по ч. 1 ст. 222-1 УК РФ.

В целях повышения эффективности и единообразного применения норм, предусмотренных ст. 313 УК РФ, следует совершенствовать уголовное законо-

дательство. На наш взгляд, необходимо в законе раскрыть понятие побега и момент окончания его. Мы предлагаем добавить в ст. 313 УК РФ примечание в следующей редакции: «Примечание. 1. Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенный лицом, отбывающим наказание или находящимся в предварительном заключении, заключается в самовольном нарушении линии охраны территорий объектов либо границы территории исправительных учреждений, а также в самовольном незаконном выходе за пределы территорий изолированных участков жилых и производственных зон.

2. Побег считается оконченным с момента задержания лица или его явки с повинной».

По нашему мнению, в целях устранения трудностей в квалификации преступления, предусмотренного ст. 313 УК РФ, а также других посягающих на правосудие, Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо в отдельном постановлении разъяснить некоторые вопросы квалификации преступлений против правосудия, в том числе и преступления, предусматривающего ответственность за побег.

Библиографический список

1. Жуйков, А. Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Л. Жуйков. – Н. Новгород, 2008.

2. Приказ Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс» – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56548/ (дата обращения: 25.09.2020).

3. Российская газета. – URL: rg.ru/2020/09/23...v-dagestane...cherez-podzemnuj...iz... (дата обращения: 25.09.2020).

4. Уголовной право России : учебник. Т. 2: Особенная часть / под ред. проф., д-ра юрид. наук. Н. Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2018. – 911 с.

5. Указ Президента Российской Федерации от 13 ноября 2013 г. № Пр-2658 «Концепция общественной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Кремля. – URL: <http://news.kremlin.ru/acts/19653>.

6. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изм., внесенными ФЗ от 21.07.1998 № 117) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 2. – Ст. 2729 ; 1998. – № 30. – Ст. 3613 ; 2001. – № 11. – Ст. 1002.

7. Федеральный закон от 21 июля 1995 г. № 5473-1-ФЗ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм., внесенными ФЗ от 15.06.96 № 73-ФЗ; от 13.04.98 № 61-ФЗ; от 21.07.98 № 117-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1993. – № 33. – Ст. 1316 ; 1996. – № 25. – Ст. 2964 ; 1998. – № 16. – Ст. 1796 ; 1998. – № 30. – Ст. 3613.

8. Юридическая энциклопедия. Юринформцентр. М., 2007.

Денисенко М. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Анализ санкций, применяемых за преступления против правосудия, показал, что самым распространенным видом наказания является лишение свободы на определенный срок. Дополнительными видами наказания выступают штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничение свободы. В качестве альтернативы лишению свободы применяются принудительные работы. В соответствии со ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы применяются в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести, либо за совершение тяжкого преступления впервые.

В процессе изучения уголовного права и в дальнейшем, применяя на практике теоретические знания уголовного закона, главное внимание отводится правильности квалификации преступлений. Но также немаловажным вопросом является назначение наказания, так как только через институт назначения наказания происходит достижение поставленных целей, которые государство, в качестве участника уголовно-правовых отношений, в лице своих органов (следствия, дознания, суда) желает донести непосредственно до виновного. Назначая наказание лицу, виновному в совершении преступления, в том числе происходит превентивное воздействие и на других граждан (частная и общая превенция) [1, с. 73–80].

Из этого следует, что назначение наказания – один из центральных институтов уголовного права, так как в нем заложены, в том числе квалификация преступлений, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности, а также цели уголовного наказания.

В своей статье я хочу обратить внимание на принудительные работы (ст. 53¹ УК РФ) как вид наказания, применяемый за преступления против правосудия. В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ данный вид наказания применяется с 1 января 2017 г. [5, с. 308].

По распоряжению Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2016 г. № 239 в 2017 г. было создано четыре исправительных центра с общим лимитом наполнения 464 осужденных, а в соответствии с приказом ФСИН России от 14 ноября 2016 г. № 911, было создано семь изолируемых участков исправительных учреждений, с лимитом 432 осужденных. В этом направлении была прове-

¹ © Денисенко М. В., 2020.

дена большая работа, и на сегодняшний день исправительных центров и изолированных участков, функционирующих как исправительные центры, в России 83 объекта [7].

Принудительные работы в последнее время все чаще применяются при назначении наказания. В 2019 г. число осужденных, состоящих на учете в исправительных центрах, выросло почти втрое – с 1 100 человек в январе 2019 г. и более чем 3 000 на сегодняшний день [3].

В главе «Преступления против правосудия» находится 24 состава преступления, в шестнадцати из которых принудительные работы имеют место быть в качестве основного вида наказания. При анализе санкций этих составов преступлений возникли некоторые вопросы, которые необходимо рассмотреть.

Для примера возьмем санкции ст. 296 УК РФ. Для удобства восприятия отражаю данный состав.

Статья 296. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования.

1. Угроза убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно их близких в связи с рассмотрением дел или материалов в суде –

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет либо лишением свободы на срок до трех лет.

(в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ)

2. То же деяние, совершенное в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, защитника, эксперта, специалиста, судебного пристава, судебного исполнителя, а равно их близких в связи с производством предварительного расследования, рассмотрением дел или материалов в суде либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, –

(в ред. Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ)

наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

(в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 № 162-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ)

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, – наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок.

(в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ)

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, – наказываются принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

(в ред. Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ) [6].

Как мы видим, в части первой данной статьи санкция имеет два вида наказания: штраф и лишение свободы до 3 лет.

В части второй добавляются еще два основных вида наказания: принудительные работы и арест. Итого уже четыре вида наказания, где принудительные работы выступают в качестве альтернативы лишению свободы. Часть 1 и ч. 2 ст. 296 УК РФ относятся к преступлениям небольшой тяжести.

Обращаясь к санкциям третьей и четвертой части данной статьи, мы видим, что законодатель указал два вида основных наказаний: принудительные работы и лишение свободы, где в соответствии со ст. 53.1 УК РФ, принудительные работы выступают в качестве альтернативы лишению свободы и могут быть применены лишь после того, как лицу было назначено наказание в виде лишения свободы. А если по каким-либо причинам осужденному не может быть назначено лишение свободы, то и принудительные работы не назначаются¹ [2]. И что интересно, а можно сказать, даже не совсем понятно, почему в ч. 4 ст. 296 УК РФ, где при квалификации учитывается насилие, опасное для жизни и здоровья, и данное преступление относится к тяжким, законодатель сконструировал санкцию с применением принудительных работ сроком до пяти лет, а лишение свободы на срок от пяти до десяти лет?

Обратимся к ч. 2 ст. 53¹ УК РФ, в которой говорится, что при назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со ст. 80 настоящего Кодекса, принудительные работы не применяются [5, с. 309].

Если учитывать сказанное, то по ч. 4 ст. 296 УК РФ применить такой вид наказания как принудительные работы возможно лишь тогда, когда будет назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет и не более и это преступление должно быть совершено впервые (чч. 1, 2 ст. 53¹ УК РФ).

Например, в ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти», законодатель в части первой, где применяется насилие, не опасное для жизни и здоровья, ... в санкции указывает принудительные работы на срок до пяти лет, но и лишение свободы тоже до пяти лет. А в части второй, где применяется насилие, опасное для жизни и здоровья, вообще наказание ограничивается лишением свободы до десяти лет. И сказать, что в данном составе более значимым является непосредственный объект, будет не совсем объективно. В ст. 296 УК РФ основным непосредственным объектом будут общественные отношения в сфере правосудия, а дополнительным по чч. 2, 3 – жизнь и здоровье потерпевшего. В ст. 318 УК РФ основным непосредственным объектом выступают общественные отношения, регулирующие порядок осуществления возложенных на конкретного представителя власти должностных управленческих обязанностей, а дополнительным – жизнь и здоровье представителя власти и его близких. Мы

¹ См.: п. 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

видим, что данные преступления двухобъектные и по значимости ничем не уступают друг другу. В связи с изложенным, возникло следующее авторское предложение: в составах преступления, где применяется насилие, опасное для жизни и здоровья, в санкциях не указывать принудительные работы как основной вид наказания, так как эти преступления относятся к категории тяжких. Данный вид наказания можно будет применять к лицам, совершившим эти преступления учитывая разъяснения Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», где в п. 22.6. говорится, что принудительные работы могут быть также применены при замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы (ст. 80 УК РФ).

В этих случаях принудительные работы применяются судом независимо от того, предусмотрено ли данное наказание санкцией статьи Особенной части УК РФ, по которой было назначено заменяемое наказание, при условии соблюдения требований ч. 7 ст. 53.1 УК РФ.

Если сравнить санкции действующего УК РФ и санкции УК РСФСР 1960 г., можно сделать вывод, что в УК РФ 1996 г. намного больше альтернативных сложных санкций. Как правило, УК РСФСР ограничивался в альтернативных санкциях двумя, реже тремя видами наказания. Пример – ст. 176.2. «Угроза или насильственные действия в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников».

По части второй данной статьи за умышленное нанесение легкого телесного повреждения, побоев или совершение иных насильственных действий в отношении судьи, прокурора, следователя, судебного исполнителя, лица, производящего дознание, санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

По всей видимости, законодатель сознательно дает суду больший выбор в назначении более мягкого наказания, чем лишение свободы.

В заключение хотелось бы привести выдержку из книги Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», которая звучит так: «Жестокость наказания приводит к тому, что желание избежать его усиливается в зависимости от того, сколь велико угрожающее нам страдание. Она чревата также тем, что человек, стремясь избежать наказания за одно преступление, совершает целый ряд других» [8, с. 163].

Библиографический список

1. Долгополов, К. А. Проблемные вопросы назначения наказания за преступления против правосудия / К. А. Долгополов, Г. Б. Магомедов // Власть Закона. – 2016. – № 3. – С. 73–80.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Принудительные работы назначают все чаще // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. – URL: <https://pravo.ru/news/212775/> (дата обращения: 15.09.2020).

4. Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018. – 911 с.
5. УК с комментариями 2020 г. // URL: <https://ukrf-stat.ru/> (дата обращения: 20.09.2020).
6. Федеральная служба исполнения наказаний. – URL: <http://xn--h1akkl.xn--p1ai/ispravitelnye-tsentry/> (дата обращения: 15.09.2020).
7. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. – М., 1995.

Жеребченко А. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Абызова Е. Р.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ИСТОКИ И ЭТАПЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЕ ЗАДЕРЖАНИЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ИЛИ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

История уголовно-правового закрепления ответственности за незаконные задержание, заключение под стражу и содержание под стражей восходит корнями к довольно раннему этапу нормотворчества в России. Это укладывается в планомерное развитие всех государственных институтов нашей страны и связано с адаптацией законодательства к складывающимся социальным реалиям, совершенствованием законодательной мысли, а также возрастающим вниманием власти к интересам правосудия.

Целесообразно здесь выделить несколько основных периодов становления и развития отечественного уголовного права в рассматриваемой области.

Законодательные зачатки в борьбе с незаконными задержанием, заключением под стражу и содержанием под стражей появились в Судебнике 1550 г. В нем устанавливалась ответственность за такие преступления как ложный донос, незаконное освобождение от уголовной ответственности. Статья 53 указывала, что, если недельщика пошлют арестовывать воров и разбойников, он должен их одинаково арестовать, взятку не брать, невиновных не арестовывать [7].

Важной стадией обособления преступлений против правосудия в самостоятельную разновидность нужно признать принятие Соборного уложения 1649 г. Особенное значение в этом смысле приобрела глава 10 «О суде». Некоторые из статей, включенных сюда, касались должностных преступлений, связанных с судопроизводством, преступлений против судебной власти. Например, в рамках этого устанавливалась ответственность за вынесение судьей с получением взятки неправильного решения (ст. 5), за возбуждение дела, выразившегося в необоснованном обвинении во взяточничестве (ст. 6), за оскорбление судей и посягательство на их жизнь и здоровье (ст. 105–106), за ложное обвинение кого-либо в преступлении (ст. 107). При этом ряд норм о преступлениях против пра-

¹ © Жеребченко А. В., 2020.

² © Абызова Е. Р., 2020.

восудия содержались во 2 главе. К ним, например, относились правила привлечения к ответственности за ложный донос по политическим преступлениям (ст. 12–17), за недоносительство об этих преступлениях (ст. 18–19) [3, с. 435]. Привычные нам положения об ответственности за незаконное задержание, заключение под стражу и содержания под стражей в рассматриваемом законодательном памятнике отсутствовали.

В более позднем Наказе Екатерины II от 30 июля 1767 г. определялся ряд функций полиции. Статья 558 гласила, что полиция устанавливает правильный и одинаковый вес и меру, препятствует обману, а в ст. 563 указывалось, что при взятии под стражу вора или преступника, полиция его допрашивает, а далее производство по делу поручает суду [2]. Тем самым ст. 563 разграничивала полномочия полиции и суда.

15 августа 1845 г. указом императора Николая I было утверждено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных [10]. Следует отметить гораздо большее значение данного источника по причине предусмотренной в нем ответственности за рассматриваемый вид преступлений. Подвергаемые историческому анализу деяния предусматривались сразу несколькими статьями. Глава 2 «О превышении власти и противозаконном бездействии» включала ст. 377, которая предусматривала ответственность за «взятие под стражу кого-либо, хотя и по законным, достойным уважения причинам, но без соблюдения установленных на то правил» [10]. Ст. 460 входила в главу 11 «О преступлениях и проступках чиновников по некоторым особенным родам службы» и влекла ответственность за задержание лица чиновником, не приступившим в течении трех дней к допросу или без объявления причин задержания, ст. 477 наказывалось произвольное содержание кого-либо под стражей не в предназначенном для этого месте и без уважительных причин, ст. 479 – задержание лица без предупреждения начальства, ст. 480 – содержание под стражей дольше определенного судом срока, ст. 482 – насилие и употребление незаконной меры против содержащихся под стражей. Глава 7 «О противозаконном задержании и заключении» содержала ст.ст. 2025–2029, которые предусматривали ответственность за совершение: самовольного и насильственного лишения кого-либо свободы; лишение свободы с оскорбительным для задержанного обхождением; лишение свободы, сопровождающееся истязаниями или иными мучениями, а равно с причинением тяжелой болезни задержанному или заключенному, лишение свободы с причинением смерти задержанному или заключенному, лишение свободы родственника или начальника [10].

Наказания за данные виды преступлений были достаточно разнообразны – от строгого замечания или выговора, вычета одного года из срока службы до лишения всех прав и ссылке на каторжные работы от восьми до десяти лет.

Субъектом совершения данных преступлений могли быть как должностные лица (глава 11), так и простые граждане (в главе 7 общий субъект).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года имело огромное значение для развития права Российской Империи. Большим недостатком данного документа, на наш взгляд, является то, что ответственность за незакон-

ное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей регулировалась несколькими статьями, которые, в свою очередь, содержались в различных главах.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. данные составы не претерпели изменений.

В 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, состоящее из 37 глав. Последняя 37 глава содержала в себе перечень преступлений, субъектом которых были служащие (глава 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной») [4]. В данной главе была расположена ст. 649, которая устанавливала ответственность служащего за незаконное задержание, лишение личной свободы задержанного, заключенного вследствие незнания своих обязанностей. Особенностью этого преступления являлось то, что его субъективная сторона заключалась в неосторожной форме вины. Статья указывала, что служащим считается всякое лицо, несущее обязанности или исполняющее временное поручение по службе государственной или общественной, в качестве должностного лица, или полицейского, или иного стража, или служащего, или лица сельского или мещанского управления [4].

В ст. 649 впервые дается законодательное определение понятиям «задержание» и «заключения под стражу». Задержание здесь – это всякое взятие под стражу, в том числе и привод свидетеля, подсудимого и т. п. Заключение же в соответствии с данной статьей – содержание человека в местах, специально предназначенных для лишения свободы или же в качестве предупредительной меры.

Статья 498 предусматривала ответственность за умышленное лишение свободы в виде задержания или заключения. В соответствии с ней лишение свободы могло быть достигнуто любым способом, в том числе и с применением физической силы.

Незаконное задержание лица по неосторожности являлось преступлением против государственной службы, умышленное же незаконное задержание лица относилось к преступлениям против личной свободы. То есть объект преступления находился в зависимости с субъективной стороной, это являлось большим недостатком Уложения 1903 г.

В соответствии с новым Уложением значительно сузился круг применяемых санкций. Были предусмотрены наказания в виде ареста, заключения в тюрьму или в исправительный дом. Еще одна особенность данного Уложения заключалась в том, что, в отличие от предыдущих нормативных актов, закрепляющих ответственность за предусмотренное ст. 498 преступление, в последнем официально устанавливалась наказуемость покушений. Субъект данных преступлений остался неизменен: он мог быть как общим, т. е. преступление могло совершить любое лицо (ст.ст. 498, 499), так и специальным – государственный или общественный служащий (глава 37).

Революция 1917 года сломала вместе с существовавшим строем и правовую систему. Уложение 1903 г. фактически больше не действовало. Новая власть, в первую очередь издавала нормативно-правовые акты, устанавливающие ответственность за преступления, которые могли причинить ей вред.

В декрете «О суде» 1917 г. судам в своих решениях позволялось пользоваться законами свергнутых правительств, не противоречащим декретам Центрального Исполнительного Комитета, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Рабочего и Крестьянского правительства, а также программам-минимум Российской социал-демократической рабочей партии и партии социалистов революционеров [1, с. 124, 466].

Но уже декрет «О суде» в сфере применения законодательства дал судам большие полномочия:

«По гражданским и уголовным делам суд руководствуется гражданскими и уголовными законами, действующими донныне, лишь постольку, поскольку такие не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров и не противоречат социалистическому правосознанию. Не ограничиваясь формальным законом, а всегда руководствуясь соображениями справедливости, гражданский суд может отвергнуть всякую ссылку на пропуск давностного или иного срока и, вопреки таким или иным возражениям формального характера, присудить явно справедливое требование. Та же справедливость должна применяться в суде уголовном» [1, с. 124, 466].

Обращалось особое внимание на соблюдение изданных новой властью постановлений и законов, об этом свидетельствует Постановление Чрезвычайного VI Съезда Советов 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» [6].

Лишь в 1920 г. на III Всероссийском съезде деятелей юстиции выносятся вопросы о разработке нового Уголовного законодательства. После рассмотрения нескольких вариантов официальных проектов УК, внесения множества поправок 1 июня 1922 г. вступил в силу Уголовный кодекс РСФСР, который отнес незаконное задержание к должностным преступлениям (глава 2). Предусматривалась ответственность за незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны, производящей следствие или дознание, заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных либо корыстных видов. Ответственность за перечисленные деяния могла доходить до высшей меры наказания, то есть смертной казни.

Преступление считалось оконченным с момента фактического задержания лица либо незаконного продления задержания при истечении срока. Предусматривались как умышленная, так и неосторожная вина.

Впервые порядок и основания задержания законодательно были закреплены в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР. В соответствии со ст. 105 задержание являлось мерой предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда.

Основаниями для задержания являлись:

- 1) когда преступник, застигнут при непосредственном приготовлении, самом совершении преступления или тотчас после его совершения;
- 2) когда потерпевший или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда при или на подозреваемом лице, или в его жилище будут найдены следы преступления;
- 4) когда подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега;

5) когда подозреваемый не имеет места постоянного жительства или места постоянных занятий;

6) когда не установлена личность подозреваемого [8].

Закрепление в УПК РСФСР оснований и порядка задержания, заключения под стражу значительно упростило квалификацию данных видов преступления. Законодатель тем самым определил объективную сторону данного состава преступления. Преступление считалось оконченным с момента фактического ограничения человека свободы передвижения.

УК РСФСР 1926 так же отнес данный вид преступлений к должностным (служебным преступлениям) – глава 3. ст. 115 устанавливала ответственность за незаконное задержание или незаконный привод, Квалифицированным составом являлось заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных либо корыстных мотивов.

Субъективная сторона выражалась только в умысле прямом либо косвенном. Обязательным признаком являлось наличие личных или корыстных мотивов.

Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» потребовало обратить особое внимание на преступление в данной сфере. Обязать суды и прокуратуру привлекать к строгой ответственности должностных лиц во всех случаях нарушения прав трудящихся, в особенности в случаях незаконных арестов, обысков, конфискации или изъятия имущества и проч., и налагать на виновных строгие меры взыскания [5].

Конституция РСФСР 1937 в ст. 131 устанавливала неприкосновенность личности граждан РСФСР. Невозможность ареста иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора.

27 октября 1960 г. Верховным Советом РСФСР был утвержден новый уголовный закон. Отличительной особенностью УК РСФСР 1960 г. в рассматриваемой сфере является то, что он отнес данные преступления к главе 8 – Преступления против правосудия.

Помимо отнесения этого деяния впервые к преступлениям против правосудия, а не против службы, либо против свободы, отличительным признаком данного состава, в сравнении с более ранними нормативно правовыми актами, являлось указание в диспозиции статьи законодателем термина «заведомость». То есть субъективная сторона выражалась теперь только в прямом умысле.

Объективная сторона данного состава выражалась в действии, а именно в незаконном аресте или задержании. Отсутствовали квалифицированные составы.

Значительно, в сравнении с предыдущими УК, была снижена строгость ответственности. Перечисленные деяния наказывались исправительными работами до 1 года или увольнением от должности [9].

Исследование действовавших ранее уголовно-процессуальных актов, задержание подозреваемого в совершении преступления, как самостоятельное процессуальное действие, оформилось относительно недавно, с чем прямо, по нашему мнению, и связано историческое становление ответственности за рассматриваемое деяние.

Можно выделить четыре основных этапа становления данной нормы:

1. Первый этап (до XVII в.) связан со становлением данной нормы. К нормативно правовым актам периода относятся: 1) Судебник 1550 года, 2) Соборное уложение 1649 г., 3) Наказ Екатерины II 1767 г.

2. Второй этап (XVII–XIX вв.) связан с законодательным закреплением ответственности за рассматриваемое деяние, его совершенствованием. К нормативно-правовым актам данного периода можно отнести: 1) Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; 2) Уголовное уложение 1903 г.

3. Третий этап, несомненно, коррелирует с установлением советского государства в России. Он отражает новый подход к незаконным задержанию, заключению под стражу и содержанию под стражей в Уголовных кодексах 1922, 1926 и 1960 гг., учитывая принятие Уголовно-процессуального кодекса, в нормах которого впервые стали определяться порядок и основания содержания под стражей.

4. Четвертый этап – разработка и принятие уголовного и уголовно-процессуального законов уже в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Декреты советской власти. – М. : Гос. Изд-во полит. литературы, 1957.
2. Наказ Екатерины II от 30 июля 1767 г. // URL: dlib.rsl.ru/01002988973 (дата обращения: 11.11.2020).
3. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Т. 3. / А. В. Наумов. – М. : Волтерс Клувер, 2007.
4. Новое Уголовное уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб. : Изд. В.П. Анисимова, 1903.
5. Постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» (ст. 4) // URL: www.constitution.garant.ru (дата обращения: 11.11.2020).
6. Постановление Чрезвычайного VI Съезда Советов 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов» // URL: istmat.info/node/31948 (дата обращения: 12.11.2020).
7. Судебник 1550 г. // URL: krotov.info/acts/16/2/pravo_02.htm (дата обращения: 10.11.2020).
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 25 мая 1922 г. (ст. 105) // URL: www.constitutions.ru (дата обращения: 10.11.2020).
9. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.). – М. : Юрид. литра. 1987.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. С-П., Тип. 2 отделения собств. Е.и.в. канцелярия. 1845.

Карпова Н. А.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Журавлева Г. В.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

Зачастую в ходе осуществления предварительного расследования преступлений сотрудники правоохранительных органов совершают незаконные действия, связанные с неправомерным воздействием на лиц, дающих показания либо заключение – свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста, что препятствует установлению истины по делу. Общественная опасность подобного преступления заключается в том, что должностным лицом в сфере уголовного судопроизводства могут быть вынесены необоснованные процессуальные решения, что нарушает основные правовые принципы законности, справедливости, а также права и интересы конкретной личности. В связи с этим, в целях защиты чести, достоинства и неприкосновенности личности от злоупотреблений должностных лиц в ходе предварительного расследования, законодатель в ст. 302 УК РФ предусмотрел ответственность за принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание.

В доктрине уголовного права мнения ученых о социальной сущности рассматриваемого состава преступления не совпадают. Так, И. Ю. Бунева полагает, что ответственность за принуждение к даче показаний должна быть установлена в главе 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», поскольку основным непосредственным объектом в данном составе преступления следует рассматривать право на неприкосновенность личности, закрепленное в Конституции РФ [2, с. 14]. Напротив, Л. В. Лобанова обоснованно отмечает, что закрепление состава принуждения к даче показаний в главе 31 УК РФ представляется оправданным, поскольку оно служит целям дифференциации ответственности за принуждение в уголовно-процессуальной сфере [3, с. 185].

¹ © Карпова Н. А., 2020.

² © Журавлева Г. В., 2020.

Многие специалисты в области уголовного права весьма справедливо, на наш взгляд, отмечают, что принуждение к даче показаний, выступая преступлением с высокой степенью латентности, содержит санкцию в ст. 302 УК РФ, не соответствующую характеру и степени общественной опасности преступного посягательства. Так, Н. А. Попов предлагает включить в санкцию ст. 302 УК РФ дополнительный вид наказания и повысить верхний предел наказания в виде лишения свободы [4, с. 20]. Следует отметить, что такой подход существует в других странах, о чем свидетельствует их уголовное законодательство. Так, например, в Уголовном Кодексе Республики Молдова в ст. 309 установлена ответственность за принуждение к даче показаний, в санкции которой предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 2 до 6 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет. В соответствии со ст. 16 УК Республики Молдова, данное деяние относится к категории тяжкого преступления [6]. В то время как по российскому уголовному законодательству принуждение к даче показаний относится к преступлению небольшой тяжести, поскольку санкция ч. 1 ст. 302 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет.

Также мы можем констатировать наличие законодательного дисбаланса в построении санкций ст.ст. 302 и 286 УК РФ. Так, ст. 286 УК РФ предусматривает более строгую ответственность, нежели чем ответственность за частный случай превышения должностных полномочий – принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ). По ч. 1 ст. 286 УК РФ санкция предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 4 лет, относя данное деяние к преступлению средней тяжести. Сопоставление квалифицированных составов указанных преступлений позволяет сделать вывод, что ч. 2 ст. 302 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, в то время как превышение должностных полномочий с применением насилия или угрозой его применения предусматривает наказание до 10 лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Таким образом, налицо несоответствие санкций тяжести совершенного преступления, что является типичной ошибкой технико-юридического оформления уголовно-правовых норм.

Также следует обратить внимание, что формулирование диспозиции ст. 302 УК РФ вызывает трудности в правоприменении. Недостаточно точно определен круг потерпевших от данного преступления, а также круг лиц, его совершающих. Обоснованной представляется точка зрения В. И. Борисова о включении в качестве потерпевшего в ст. 302 УК РФ подсудимого [1, с. 44]. Так, например, в ст. 354 УК Республики Таджикистан установлена ответственность за принуждение подсудимого к даче показаний, а в круг субъектов данного преступного деяния включен судья [7]. В свою очередь, в УК Республики Беларусь в ст. 394 предусмотрена ответственность за принуждение к даче показаний, совершаемое лицом, производящим дознание, предварительное следствие и осуществляющим правосудие [5]. Таким образом, к числу субъектов рассматриваемого состава белорусский законодатель также относит судей. Например, в УК Республики Молдова в ст. 309 УК предусмотрена ответственность за принуждение *лица* к даче

показаний. Законодатель использует более лаконичный термин, тем самым расширяя круг потерпевших от данного преступления. К кругу субъектов преступления по УК Республики Молдова отнесены прокурор и судья [6]. Таким образом, мы полагаем, что целесообразно включить в число субъектов рассматриваемого преступления лицо, осуществляющее правосудие.

В науке уголовного права существует мнение Н. В. Щетининой, согласно которому, исходя из буквального толкования уголовно-правовой нормы, иные участники уголовного судопроизводства в лице руководителя следственного органа, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания не могут выступать в качестве субъектов принуждения к даче показаний по ст. 302 УК РФ [8]. В связи с чем обоснованно, на наш взгляд, данный автор предлагает вышеперечисленных лиц также рассматривать в качестве субъектов принуждения к даче показаний.

Следует отметить, что помимо несовершенной законодательной техники и существующих сложностей в доказывании по делам данной категории, в практике судов встречаются ошибки в уголовно-правовой оценке преступных деяний, связанных с принуждением к даче показаний, которые нередко рассматриваются как должностные преступления или преступления против личности. Мы полагаем, что подобного рода ошибок можно было бы избежать при наличии четких рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ по содержанию признаков состава преступления и особенностям его квалификации и отграничения от смежных составов преступлений.

Так, по одному из уголовных дел была допущена квалификационная ошибка. К. и Р., старшие оперуполномоченные отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, стали избивать Е., требуя признания им факта незаконного приобретения и хранения наркотического средства без цели сбыта. По приговору суда К. и Р. осуждены по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ и ч. 2 ст. 302 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации приговор в части осуждения по ст. 302 ч. 2 УК РФ отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления, указав следующее. К. и Р., осужденные по ч. 2 ст. 302 УК РФ не являлись лицами, производящими дознание и предварительное следствие. В связи с чем их деяния по данному эпизоду следует квалифицировать как превышение должностных полномочий¹.

Подводя итоги, отметим, что действующее российское уголовное законодательство об ответственности за принуждение к даче показаний, а также практика его применения нуждаются в оптимизации и совершенствовании.

Библиографический список

1. Борисов, В. И. Проблемы ответственности за подкуп или принуждение лица, дающего показания, эксперта, специалиста и переводчика в российском уголовном праве / В. И. Борисов. – Ростов н/Д, 2012.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2001 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2001 года» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Бунева, И. Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. Ю. Бунева. – Красноярск, 2000.
3. Лобанова, Л. В. Уголовно-правовые гарантии безопасности участников процессуальных отношений нуждаются в совершенствовании // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2012. – № 2 (17).
4. Попов, Н. А. Принуждение к даче показаний: квалификация и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н. А. Попов. – Омск, 2001.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: <https://kodeksy-by.com>. (дата обращения: 24.09.2020).
6. Уголовный кодекс Республики Молдова // URL: <http://continent-online.com>. (дата обращения: 24.09.2020).
7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: www.wipo.int. (дата обращения: 24.09.2020).
8. Щетинина, Н. В. Актуальные аспекты применения ст. 302 УК РФ, предусматривающей ответственность за принуждение к даче показаний / Н. В. Щетинина // Вестник Уральского юридического института МВД России.

Кужиков В. Н.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Калининская Я. С.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. Президент страны В. В. Путин остановился на проблемах жилищно-коммунального хозяйства и обозначил, что «Люди должны видеть, за что они платят немалые деньги и какие реальные изменения происходят. Нужно навести порядок в этой сфере, избавиться от мутных структур, которые не несут никакой ответственности, а только получают сверхприбыли» [2].

Если привести некоторые данные по нарушениям, затрагивающим сферу жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), то они следующие: в 2018 г. было выявлено и пресечено 245 721 нарушений жилищного законодательства, возбуждено уголовных дел 821. За 9 месяцев (январь-сентябрь) 2019 г. выявлено и пресечено 256 254 нарушений жилищного законодательства, возбуждено уголовных дел 771 [3].

В контексте общественно опасных деяний, совершаемых в ЖКХ, подавляющее большинство ученых предлагают условно разделить эти преступления на три основные группы: совершаемые в экономической сфере, связанные с хищениями и коррупционные преступления.

В данной статье остановимся на отдельных видах составов преступлений, касающихся государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а также коммерческих и иных организаций. В частности, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, получение взятки, дача взятки и злоупотребление полномочиями.

В качестве специальных субъектов по составам преступлений (ст.ст. 285, 286, 290 УК РФ) как правило, осуждаются руководители различных департаментов, управлений, отделов ЖКХ и их заместители, которые входят в состав органов местного самоуправления.

В качестве субъектов преступления по ст. 201 УК РФ привлекаются лица, выполняющие управленческие функции и входящие в состав товариществ собственников жилья (ТСЖ), управляющих компаний и других структур. В том

¹ © Кужиков В. Н., 2020.

² © Калининская Я. С., 2020.

числе руководители подрядных организаций, связанных объектами инфраструктуры ЖКХ, выполняющие ремонтные работы и т. д.

Деятельность вышеназванных субъектов преступления, как правило, затрагивает незаконное предоставление в аренду жилых или иных помещений, использование денежных средств или иного имущества не по назначению. Также имеет место необоснованное завышение коммунальных услуг, в том числе за горячую и холодную воду, за электроэнергию, за содержание дома, ремонта подъездов дома, ремонта крыши, уборки прилегающей территории к дому. Кроме этого, принимают в эксплуатацию объекты с большими недостатками, трудоустраивают на работу лиц, которые не выполняют трудовую или гражданско-правовую функцию (фиктивное трудоустройство), выплачивают необоснованные премии и т. д.

Сложившаяся ситуация показывает, что представители ТСЖ, управляющих компаний с целью прикрытия своих противоправных, и в том числе преступных деяний, используют дачу взятки должностным лицам органов местного самоуправления. Впоследствии со стороны местной власти не проводятся различные проверочные мероприятия по жалобам граждан, которые пользуются услугами ЖКХ. Кроме этого, терпят убытки ресурсоснабжающие организации, которые добросовестно предоставляют услуги, но на их счета денежные средства не поступают вообще или поступает не вся сумма, либо поступает с большой задержкой.

По мнению авторов монографии, «отсутствие нормативного определения понятия «экономическое преступление, совершенное в сфере ЖКХ», не позволяет установить точно количество совершенных преступлений в рассматриваемой сфере» [1, с. 5].

Необходимо заметить, что имеются недостатки и в жилищном законодательстве, так как отсутствует норма, предписывающая товариществу собственников жилья, управляющим и другим компаниям проводить конкурсы при выборе организации-подрядчика. Такая ситуация создает возможность получения представителями органов местного самоуправления, обладающими должностными полномочиями, незаконного вознаграждения за выбор конкретной организации при заключении договора подряда.

Разворовывание активов граждан или присвоение бюджетных средств, происходит в активной форме с применением сложных бухгалтерских схем с использованием фирм-однодневок. Для этого подписывают фиктивные контракты на счета фирм-однодневок не только в черте России, но и используют оффшорные зоны, зарегистрированные в других государствах. Стандартный вариант хищения денежных средств – это завышение стоимости работ и некачественное или вообще умышленное неисполнение договорных обязательств. Впоследствии денежные средства или иное имущество в этих же оффшорных юрисдикциях «отмываются», то есть легализуются, и эти средства выглядят, соответственно, как полученные законным путем.

Встречается немало случаев, когда должностные лица, представляющие государственную власть в стране, входят в число учредителей или участников хозяйствующих субъектов, в коммерческих организациях, оказывающих услуги в сфере ЖКХ.

Подводя итог, можно сказать, что сложившаяся ситуация в ЖКХ на сегодняшний день не позволяет оказывать качественную услугу в рассматриваемой сфере. Наиболее весомую проблематику создают: использование должностных полномочий или злоупотребление полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях.

Библиографический список

1. Гладких, В. И. Противодействие преступлениям, совершаемым в жилищно-коммунальной сфере : монография / В. И. Гладких, В. В. Казаков, Р. Н. Шумов. – М., 2011.

2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 21.09.2020).

3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь – сентябрь 2019 г. // URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1727644/> (дата обращения 20.09.2020).

Жеребченко А. В.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент;

Абызова Е. Р.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В настоящее время государство реализует свои функции посредством своих органов. В таком свете возрастает роль и значение правомерной деятельности должностных лиц, осуществляющих служебную деятельность в таких органах. От осуществления должностными лицами возложенных обязанностей зависит эффективность государственного управления, реализации механизма государства.

Значительную роль имеет существование и развитие государственной, муниципальной службы. Повышенное внимание уделяется вопросам юридической ответственности, в частности, установления для должностных лиц уголовной ответственности. Целый ряд вопросов уголовной ответственности обладает повышенной значимостью, среди них – разграничение юридической ответственности должностных лиц, вопросы привлечения к уголовной ответственности и особенности составов преступлений и пр.

Следует учитывать, что правовой статус должностного лица предопределяет особенности его привлечения к уголовной ответственности. Для науки и практики имеет повышенное значение исследование вопросов уголовной ответственности должностных лиц и наиболее актуальных, значимых моментов по поводу ее реализации. Целесообразно рассмотреть особенности правового регулирования и сложившиеся в юридической доктрине положения по поводу уголовной ответственности должностных лиц.

Привлечение к ответственности должностных лиц выступает особой мерой. Должностное лицо имеет особый статус специального субъекта, для целей квалификации преступления именно в качестве должностного необходимо данный факт установить. В структуре Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) присутствует целый ряд составов преступлений, связанных с осуществлением должностных полномочий.

Привлечение к уголовной ответственности должностного лица может осуществляться на общих основаниях (подразумевается отсутствие связи со служебными обязанностями) и в качестве специального субъекта – в рамках гл. 30

¹ © Жеребченко А. В., 2020.

² © Абызова Е. Р., 2020.

УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

В УК РФ можно выделить и другие составы, например:

- отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140 УК РФ);
- воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) и др.

Соответственно, в основу разграничения уголовной и административной ответственности должностных лиц положен критерий степени общественной опасности совершаемого деяния и наступление тех или иных вредоносных последствий. Обязательным условием для квалификации деяния в качестве административного правонарушения выступает отсутствие признаков должностного преступления.

Верховный Суд Российской Федерации в п. 2 постановления Пленума от 16.10.2009 № 19 указал на необходимость при квалификации деяния по ст.ст. 285, 286 УК РФ установления статуса должностного лица [3]. Соответственно, суды при привлечении должностного лица к уголовной ответственности должны установить связь совершенного противоправного деяния с особенностями выполняемых функций в связи с занимаемой должностью.

К. А. Греков определяет должностные полномочия следующим образом: «определенная нормативно-правовыми актами совокупность прав и обязанностей в их неразрывном единстве, которыми наделено должностное лицо для осуществления функций представителя власти либо выполнения организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, реализация которых возможна только на основании и во исполнение законов» [1, с. 11].

Правовой статус должностного лица не имеет в настоящее время единообразной формулировки, и обладает во многом отсылочным характером (указано для целей понимания в рамках правоприменения уголовного законодательства – в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.). В примечании 1 к ст. 285 УК РФ установлены особенности понимания категории «должностные лица» в целях применения к гл. 30 УК РФ.

При этом особенности того или иного вида государственной службы (равно как и муниципальной, службы в коммерческих организациях) определяются в соответствующих федеральных законах, а также нормативных правовых актах уровня субъекта Российской Федерации. Представляется, что необходима более четкая конкретизация понятия «должностное лицо» в действующем законодательстве.

Как правило, с субъективной стороны, должностные преступления характеризуются присутствием прямого конкретизированного умысла. Основным мотивом является корыстная или иная личная заинтересованность. Субъект использует собственные должностные полномочия с целью совершения противоправных действий (либо бездействия). В это же время, совершение противоправных деяний непосредственно связано с мотивом, который определяет преступную деятельность должностного лица.

В юридической доктрине сложились различные подходы по поводу применения уголовно-правовых мер, выделяются различные проблемы по поводу квали-

фикации должностных преступлений. Так, по мнению А. В. Майорова, О. Р. Уторова, на сегодняшний день в науке уголовного права сложилась спорная ситуация по поводу того, совершаются должностные преступления с одной формой или имеет место две формы вины. В связи с чем назрела необходимость в конкретизации данного вопроса в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации [2, с. 40–47].

Т. Д. Птичкина указывает на определенные проблемы, связанные с определением в составе должностного преступления объективной стороны, в частности, по отношению к материальным составам (ст.ст. 285, 285.3, 286, 286.1, 287, 288, 292, 293 УК РФ). По мнению ученого, проблема заключается в том, что: «При описании общественно опасных последствий в качестве конструктивного квалифицирующего признака отдельных составов должностных преступлений законодатель использовал оценочные категории» [5, с. 70–75].

В рамках гл. 30 УК РФ такими выступают:

- существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства;
- наступление тяжких последствий.

Так, подобную формулировку достаточно часто можно увидеть в приговорах, например, при квалификации деяния по ст. 290 УК РФ [4]. С указанным мнением Т. Д. Птичкиной следует согласиться. Приведенные оценочные категории – явления относительные и допускают возможность различной трактовки одних и тех же событий, толкования объективной стороны преступления. Соответственно, можно говорить о возможности нарушения в правоприменительной практике единообразного подхода. Становится возможным наступление таких негативных последствий, когда аналогичные деяния квалифицируются различным образом.

Подводя итоги, следует отметить, что уголовная ответственность за должностные преступления – это есть сложная правовая категория. Объясняется это тем, что с течением времени, развитием науки и техники модифицируется как преступность в целом, так и изменяются должностные преступления, их структура, способы совершения. Вместе с потребностями правоприменительной практики возникает и необходимость в разъяснениях по поводу квалификации должностных преступлений, введения новых норм и изменения положений действующего уголовного законодательства.

Существенным недостатком является отсутствие законодательного закрепления таких дефиниций как «должностное лицо», «должностные преступления». Кроме указанного, назрела необходимость в обновленных разъяснениях Верховного Суда РФ по спорным вопросам, связанным с должностными преступлениями и их квалификацией.

Следует отметить характерные признаки должностного преступления:

- совершение преступления непосредственно связано со служебным положением, должностью;
- во всех случаях нарушаются служебные интересы;

– одновременно нарушаются права и законные интересы различных субъектов, прямо или косвенно связанных с событием преступления (речь идет об объекте, который охраняет та или иная статья УК РФ), равно как и нарушаются интересы государства в целом.

Несомненно, необходимо и дальнейшее проведение теоретического и практического осмысления актуальных вопросов об уголовной ответственности за должностные преступления, что предопределяет объективную потребность в проведении дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Греков, К. А. Квалификация преступлений, совершаемых путем превышения должностных полномочий : дис. ... канд. юрид. наук / К. А. Греков. – Ростов н/Д, 2007.

2. Майоров? А. В. О проблеме законодательной регламентации уголовной ответственности за должностные преступления / А. В. Майоров, О. Р. Уторов // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 1. – С. 40–47.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

4. Приговор Центрального районного суда г. Оренбурга от 13.06.2017 по делу № 1-15/2017 // URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/548047.html> (дата обращения: 22.09.2020).

5. Птичкина, Т. Д. Основные понятия и сущность должностных преступлений / Т. Д. Птичкина // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2018. – № 1 (42). – С. 70–75.

Старых С. М.¹,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук;

Калининская Я. С.²,

доцент кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕ ЗАВЕДОМО НЕВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИЛИ НЕЗАКОННОЕ ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Актуальность и значимость рассматриваемой проблемы обуславливается множеством существенных факторов. В качестве одного из основных следует отметить то, что видовым объектом преступного посягательства является государственная власть, родовым объектом выступает правосудие, а непосредственным объектом является нарушение установленного порядка привлечения к уголовной ответственности или возбуждения уголовного дела. Ко всему прочему, дополнительным факультативным объектом выступают честь и достоинство человека и гражданина. Важность и значимость надлежащей охраны вышеуказанных объектов от преступных посягательств более чем очевидна. В связи с чем Президент Российской Федерации в декабре 2016 г. подписал Федеральный закон «О внесении изменений в ст. 299 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В соответствии с этим законом, в данный состав преступления, привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или возбуждения уголовного дела, внесены существенные корректировки и дополнения. Так, был увеличен верхний предел санкции ч. 1 ст. 299 УК РФ («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности») до 7 лет лишения свободы (было – до 5 лет), нижний предел санкции ч. 2 ст. 299 УК РФ – до 5 лет лишения свободы (было – от 3 до 10 лет), в ч. 2 ст. 299 УК РФ внесен такой признак, как «причинение крупного ущерба или иных тяжких последствий». Статья 299 УК РФ была дополнена ч. 3, которая предусматривает наказание в виде лишения свободы от 5 до 10 лет за «незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба». Необходимость этих

¹ © Старых С. М., 2020.

² © Калининская Я. С., 2020.

корректировок и дополнений была продиктована той правоприменительной и судебной практикой, которая сложилась к тому времени по данному составу преступления. Если посмотреть судебную статистику за период с 2013 г. по 2016 г., то мы увидим, что в 2013 г. в суде рассматривалось одно дело по рассматриваемой статье, и в 2014 г. – тоже одно, а в 2015 г. – вообще ни одного. Данную статью уголовного кодекса можно было смело называть «неработающей». С учетом общественного внимания к данной проблематике как со стороны средств массовой информации, так и со стороны обычных граждан, внесение определенных изменений и дополнений в эту статью было очевидно и необходимо.

Но изменилась ли правоприменительная и судебная практика после этих довольно существенных дополнений и изменений? К большому сожалению, нет. Подтверждают этот вывод статистические данные, в соответствии с которыми число осужденных за преступление, предусмотренное ст. 299 УК РФ, до сих пор исчисляется единицами. Так, за 2019 г. было вынесено всего два судебных приговора, а после них два апелляционных постановления [1, с. 1–2].

Что же до сих пор мешает рассматриваемой уголовно-правовой норме стать реально «работающей» статьей?

С этой целью проанализируем рассматриваемый состав преступления с учетом внесенных поправок и корректировок.

Переходя к анализу и рассмотрению любого состава преступления, как правило, начинают с объекта исследуемого посягательства. Как уже отмечено выше, рассматриваемый состав преступления наделен высокой степенью общественной опасности в связи с посягательством на такие важнейшие объекты правовой охраны как государственная власть, правосудие, где непосредственным объектом покушения выступают честь, достоинство и другие интересы человека и гражданина. В целом, такими преступными действиями серьезно подрывается авторитет органов государственной власти, на недопустимо низкий уровень низводится доверие граждан органам, осуществляющим правосудие, да и всей системе государственной власти.

В качестве потерпевшего по данному составу, может выступать любое физическое лицо, которое было заведомо незаконно привлечено к уголовной ответственности. Здесь необходимо перейти к более подробному анализу определенных признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления. Установление такого обязательного признака для рассматриваемого состава преступления как «заведомость» невиновности привлекаемого к ответственности должно указывать на то, что, допустим, следователь, не располагая какими-либо сведениями, позволяющими ему судить о совершении лицом преступления, несмотря на это, привлекает последнего к уголовной ответственности. То есть следователю должно быть заранее, безусловно, известно, что в действительности событие преступления не имело место быть, или же привлекаемое к ответственности лицо преступления вовсе не совершало, но, вопреки всему, он принимает соответствующее решение. На практике, у условно взятого следователя или дознавателя, как правило, всегда находятся аргументы, позволяющие говорить, что «имелись серьезные основания полагать, что...» и далее стандартный набор до-

вольно поверхностных аргументов. И неважно, что в последующем эти основания не подтвердились. В худшем случае, дело будет рассматриваться как превышение должностных полномочий или вообще рассматриваться как ложно понятые интересы службы.

Объективная сторона анализируемого состава преступления представлена довольно противоречиво и неоднозначно. Необходимо заметить, что при реальном рассмотрении подобных дел возникают проблемы в правильном разграничении факта привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконного возбуждения уголовного дела от злоупотребления должностными полномочиями или от их превышения. Ввиду того, что содержательная часть рассматриваемой конструкции «привлечение к уголовной ответственности» может охватывать не только вынесение незаконного и необоснованного постановления о привлечении в качестве обвиняемого, но и то, что в действующей редакции рассматриваемой нормы смешались признаки должностного превышения и злоупотребления. Диспозиция рассматриваемого состава только называет преступное деяние, не раскрывая его признаков. На первый взгляд, все кажется довольно очевидным, но именно эта «очевидность» диспозиции вызывает проблемы при квалификации. Остается достаточно противоречивой позиция как правоприменителей, так и научного сообщества относительно момента окончания выполнения объективной стороны. Одни считают, что само по себе привлечение к уголовной ответственности происходит довольно продолжительное время и моментом окончания следует считать момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Но есть и другая точка зрения, в соответствии с которой, моментом окончания данного преступления нужно считать лишь вынесение обвинительного приговора.

Следует упомянуть, что субъект по данному составу – специальный. Для ч. 1 ст. 299 УК РФ им может быть следователь или дознаватель, для ч. 2 ст. 299 УК РФ – только следователь. Это те должностные лица, которые в соответствии с УПК РФ наделены процессуальным правом привлекать к уголовной ответственности.

Возвращаясь к субъективной стороне данной статьи, необходимо уточнить, что она выражается исключительно в форме прямого умысла, такие мотивы преступления как месть, ненависть, зависть значения для квалификации не имеют. Наличие заведомости исключает другую форму вины. В том же случае, если упомянутые должностные лица в силу различных обстоятельств не осознавали незаконность привлечения к уголовной ответственности, например, добросовестно заблуждались в оценке доказательств, собранных по делу, то будет отсутствовать состав преступления. Если же следователь или дознаватель, в зависимости от подследственности рассматриваемого дела, привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности за вознаграждение, то тогда правовая оценка этих действий будет рассматриваться по совокупности преступлений по соответствующей части ст. 299 УК РФ и по соответствующей части с. 290 УК РФ.

Отдельного рассмотрения требует ч. 3 ст. 299 УК РФ, в которой устанавливается ответственность за незаконное возбуждение уголовного дела, совершенное

из корыстной или иной личной заинтересованности или же в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности, что повлекло ее прекращение или причинение крупного ущерба. В рассматриваемой части ст. 299 УК РФ, наравне с рассмотренными выше объектами, в качестве объекта покушения выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие и ведение предпринимательской деятельности. Но для того, чтобы были основания на привлечение к ответственности рассматриваемых в качестве субъектов данного преступления должностных лиц, необходимо доказать, что у них были соответствующие цели и мотивы, то есть воспрепятствование предпринимательской деятельности или корыстная и иная заинтересованность. Опять же, на практике вопрос доказательства наличия этих целей и мотивов довольно затруднителен. Немаловажно и то, что сам факт возбуждения уголовного дела должен привести к прекращению самой предпринимательской деятельности либо причинению крупного ущерба. В том случае, если эти последствия не наступили, то и вопрос наличия состава данного преступления отпадает. Вопрос, а каким образом при этом доказать причинно-следственную связь между возбуждением уголовного дела и указанными последствиями, становится риторическим. Ко всему прочему, несмотря на повешенную степень общественной опасности в действиях должностных лиц по рассматриваемой части, санкции, предусматривающие наказание по ч. 2 и ч. 3 ст. 299 УК РФ являются абсолютно идентичными, что несправедливо уравнивает их.

В завершение необходимо отметить очень важные моменты, которые, на мой взгляд, требуют определенного внимания как со стороны соответствующей высшей судебной инстанции, так и со стороны правоприменителей.

1. Устранить неоднозначность толкования диспозиции ст. 299 УК РФ в связи с абстрактным содержанием нормы. Так как понятие «привлечение к уголовной ответственности» более широкое, чем понятие «привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности». Для исключения разночтений как со стороны правоприменителей, так и со стороны судов, необходимо определить четкие критерии момента окончания для рассматриваемого состава преступления.

2. Необходимо также уточнение и конкретизация такого понятия как «заведомость», применительно к данной норме.

3. Практическое применение ч. 3 ст. 299 является на сегодняшний день мало продуктивным как из-за сложности в установлении соответствующих целей и мотивов, так и из-за ограниченного круга лиц, имеющих право относиться к потерпевшему от данных преступлений. Необходимо закрепить как потерпевшего и лицо, систематически занимающееся извлечением прибыли, но не зарегистрированного в качестве предпринимателя.

Библиографический список

Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-x/glava-31/statia-299>.

Азаренкова Е. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Карпушкин А. В.²,

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Права и свободы каждого гражданина Российской Федерации, обеспечиваемые и охраняемые государством, могут быть ограничены принятым Федеральным законом, с учетом соразмерности указанного ограничения³. Отдельные ограничения такого рода закреплены в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 7 указанного нормативного акта, в случае отсутствия достаточных данных для возбуждения уголовного дела, оперативно-розыскные мероприятия могут быть проведены на основании полученных сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Разумеется, когда тем или иным должностным лицам предоставляется такой широкий круг полномочий по ограничению конституционных прав и свобод человека и гражданина, невозможно исключить и противоправные действия в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности. В ч. 4 ст. 303 УК РФ установлена уголовная ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в целях уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

¹ © Азаренкова Е. А., 2020.

² © Карпушкин А. В., 2020.

³ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 1993. № 237. 25 дек.

⁴ Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.08.2019 г.) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 05.05.2020). В настоящее время в нормативных правовых актах используется различное написание слова розыскной/разыскной. В УК РФ указан второй вариант, поэтому далее по тексту будет использоваться словосочетание «оперативно-розыскные».

Данное преступление посягает на нормальную деятельность органов, осуществляющих оперативно-разыскные мероприятия. Дополнительным объектом могут выступать права и интересы потерпевшего [5, с. 705].

Объективная сторона преступления состоит в искажении фактических данных полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий. В исследуемой статье не раскрываются способы совершения фальсификации, на наш взгляд это влечет сложности при квалификации данных деяний. Преступное деяние может выражаться во внесении заведомо ложных сведений в документы, подделке, подчистке документов, подбрасывании наркотиков лицу. Так, оперуполномоченный А.Я.К. в присутствии приглашенных на добровольной основе граждан К. и Г., произвел личный досмотр Б.В.Г. и досмотр его вещей. До начала личного досмотра и досмотра вещей Б.В.Г. пояснил, что у него при себе не имеется наркотических средств. При этом в ходе личного досмотра и досмотра вещей у Б.В.Г. какие-либо запрещенные средства и предметы, в том числе наркотические, не были обнаружены.

Оперуполномоченный А.Я.К. решил сфальсифицировать в отношении Б.В.Г. результаты оперативно-разыскной деятельности, которые могли бы подтвердить не существовавший факт незаконного хранения и изъятия у Б.В.Г. наркотических средств в значительном размере. А.Я.К. внес в акт личного досмотра и досмотра вещей Б.В.Г. заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения о том, что 29.05.2015 года у Б.В.Г. в присутствии приглашенных на добровольной основе граждан – К. и Г., обнаружен и изъят полимерный пакет с порошкообразным веществом внутри, который упакован в бумажный конверт, заверенный подписями участвующих лиц, сделал отметку, что Б.В.Г. от подписания акта отказался¹.

Осуществляя фальсификацию, лицо выдает не соответствующую действительности информацию за подлинную, истинную. Так, старший оперуполномоченный Т.М.В. явно выходя за пределы своих полномочий, с целью уголовного преследования ФИО4, заведомо непричастного к совершению преступления, сфальсифицировал результаты опроса ФИО4, являющиеся результатом оперативно-разыскной деятельности, внеся в протокол объяснения, заведомо ложные сведения о том, что ФИО4 проник в жилище ФИО3, откуда похитил имущество. После чего, Т.М.В. составил рапорт об обнаружении признаков преступления, изложив в нем заведомо ложные данные об установлении им причастности ФИО4 к совершению преступления в отношении ФИО3, после регистрации которого в книге учета сообщений о преступлениях вместе с фальсифицированным протоколом объяснения ФИО4, передал их в следственный отдел².

Дискуссионным остается вопрос, подпадают ли под признаки ст. 303 УК РФ такие действия как уничтожение, изъятие, сокрытие достоверных результатов

¹ Приговор Балаковского районного суда (Саратовская область) № 1-1-73/2019 от 7 июня 2019 г. по делу № 1-1-73/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2020).

² Приговор Ишимского городского суда (Тюменская область) № 1-195/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-195/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2020).

оперативно-разыскной деятельности. Исходя из буквального толкования уголовного закона, уничтожение, сокрытие, изъятие не образуют фальсификацию доказательств, а указывают на их ликвидацию. Некоторые авторы утверждают, что вышеуказанные действия образуют состав злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий [1, с. 47].

Нарушение процессуального порядка получения и закрепления результатов оперативно-разыскной деятельности не свидетельствует об их фальсификации, поскольку при этом они могут быть вполне достоверными. При предоставлении результатов оперативно-разыскной деятельности в органы предварительного расследования допускаются ошибки, заключающиеся, в том числе, в подписании документа ненадлежащим лицом, отсутствии оснований для проведения того или иного оперативно-разыскного мероприятия, либо предоставлении в суд заведомо недостоверных оснований для проведения ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, отсутствии постановления о проведении того или иного мероприятия.

Субъект фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности специальный, им признается лицо, уполномоченное на проведение оперативно-разыскных мероприятий.

С субъективной стороны исследуемое преступление характеризуется прямым умыслом и специальной альтернативной целью:

- 1) осуществления уголовного преследования лица, заведомо не причастного к содеянному;
- 2) причинения вреда чести, достоинству либо деловой репутации потерпевшего.

Так, старший оперуполномоченный группы по контролю за оборотом наркотиков Г.Р.А. совместно с оперуполномоченным группы по контролю за оборотом наркотиков М.О.С. вступили в предварительный преступный сговор для фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности в целях уголовного преследования Потерпевшей № 1, заведомо не причастной к совершению преступления, поскольку достоверных сведений о конкретных фактах сбыта ею наркотических средств ими получено не было¹.

Мотив не является конструктивным признаком фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, в то же время суды в приговоре отмечают, что побудило лицо совершить указанное преступление. Например, «...действуя из ложно понятых интересов службы, с целью создания видимости своей результативной служебной деятельности, искусственного завышения статистических показателей работы, с целью сохранить и упрочить свое должностное положение, а также содействовать своему дальнейшему продвижению по службе, не желая надлежащим образом выполнять свои служебные обязанности, направленные на предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие преступлений в

¹ Приговор Брянского районного суда (Брянская область) № 1-100/2019 от 22 августа 2019 г. по делу № 1-100/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2020).

сфере незаконного оборота наркотиков»¹. Или «...действуя из корыстной заинтересованности, выразившейся в желании получить дополнительный доход в виде премиальных выплат, а также из иной личной заинтересованности, выразившейся в нежелании выполнять свои должностные обязанности надлежащим образом, в сокрытии упущений в работе, облегчении своей работы, улучшении показателей своей работы, увеличении дополнительного свободного времени»².

На практике могут возникнуть случаи, когда оперативные подразделения допускают фальсификацию в целях освобождения от уголовного преследования лица, заведомо имеющего отношение к совершению определенного преступления, одновременно подтверждая причастность к указанному преступлению совершенно невиновного лица. В результате чего, действия подпадают под квалификацию сразу по нескольким смежным составам: ч. 4 ст. 303 УК РФ, ст. 292 УК РФ и ст. 285 УК РФ. Учитывая, что должностное лицо совершает только одно действие по внесению недостоверных сведений в документ, связанный с оперативно-разыскной деятельностью, например, просто заменяя фамилию и инициалы, возникает вопрос о конкретной норме, по которой его действия стоит квалифицировать. Одним действием должностное лицо:

- 1) преследует цель уголовного преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления;
- 2) использует свои служебные полномочия вопреки интересам службы;
- 3) вносит в официальные документы, которые в последующем могут являться доказательствами по уголовному делу, сведения, заведомо не соответствующие действительности.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», уточняется, что в случаях, когда лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по ст. 292 УК РФ. Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 292 УК РФ. Таким образом, в указанном документе разъясняется, что действия должностного лица могут быть квалифицированы по совокупности со ст. 285 УК РФ³.

¹ Приговор Брянского районного суда (Брянская область) № 1-100/2019 от 22 августа 2019 г. по делу № 1-100/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2020).

² Приговор Ишимского городского суда (Тюменская область) № 1-195/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-195/2019 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.09.2020).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

Что касается конкуренции между ст. 292 и ст. 303 УК РФ, то взгляды в научной литературе по данному вопросу разделились. По мнению одних ученых, специальной следует считать норму о фальсификации доказательств, поскольку она устанавливает уголовную ответственность только за искажение фактических данных, используемых при осуществлении правосудия. Норма же о служебном подлоге является общей, так как охватывает все случаи фальсификации официальных документов [4, с. 25]. Другие, например, В. Н. Борков, считают, что служебный подлог, как и посягательство, предусмотренное ст. 303 УК РФ, выступает в качестве специального вида превышения должностных полномочий [3, с. 45–51]. На наш взгляд, если объективная сторона деяния, совершаемого должностным лицом, не охватывает действий, составляющих объективную сторону фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, содеянное квалифицируется как совокупность преступлений.

Таким образом, среди ученых отсутствует единое мнение о квалификации действий должностного лица, вносящего изменения в документы, содержащие в себе сведения об оперативно-разыскной деятельности, при избрании невинного лица и освобождении от уголовного преследования заведомо виновного.

Библиографический список

1. Байсалуева, Э. Ф. Актуальные вопросы квалификации фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности / Э. Ф. Байсалуева // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2018. – № 3 (45).
2. Чучаев, А. Фальсификация доказательств / А. Чучаев, И. Дворянсков // *Уголовное право*. – 2001. – № 2.
3. Борков, В. Н. О превышении должностных полномочий в форме служебного подлога / В. Н. Борков // *Уголовное право и современность*. – 2005. – № 9. – С. 45–51.
4. Вишняков, В. В. Уголовно-правовая оценка фальсификации доказательств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Вишняков. – М., 2007.
5. *Уголовное право России : учебник : в 2 т. Т. 2: Особенная часть* / под ред. д.ю.н., проф. Н. Г. Кадникова. – М. : ИД «Юриспруденция», 2018.

Густова Э. В.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Куликова М. А.²,

*командир отделения института-факультета подготовки
сотрудников для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ СОТРУДНИКОВ ОВД ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ)

Сегодня не только в России, но и в зарубежных странах отдельное внимание уделяется должностным преступлениям. Они концентрируют на себе интерес со стороны общественного мнения как деяния, которые представляют особую для общества опасность. Кроме того, преступления данного рода негативно сказываются на репутации органов государственной власти, в результате чего подрывается доверие народа к ним.

Злоупотребление должностными полномочиями, как один из основных элементов коррупции, представляет особую опасность посягательств в числе преступлений этого рода. Борьба с коррупцией – важнейшее направление в деятельности правоохранительных органов, – указал В. В. Путин на заседании коллегии МВД России 26.02.2020 [1].

Являясь крупной структурой в правоохранительных органах и обладая достаточно большим объемом полномочий, органы внутренних дел (далее – ОВД) призваны осуществлять борьбу с коррупцией. Однако в последние годы прослеживается распространенность должностных преступлений и среди сотрудников ОВД при расследовании уголовных дел. Необходимо отметить, что данные проявления в системе ОВД носят крупномасштабный характер. Согласно статистическим данным, за 2019 г. зарегистрировано 30 991 коррупционное преступление, в то время как за 2018 г. – 30 495 [3].

Необходимо отметить, что большее число преступлений этого рода, совершаемых сотрудниками ОВД, относится к злоупотреблению должностными полномочиями.

Уголовно-правовые нормы коррупционной направленности динамично претерпевают преобразования в уголовном законодательстве, что формирует возникновение вопросов правоприменения данных норм.

Проблемы правильной уголовно-правовой оценки должностных преступлений являются одними из наиболее сложных в следственной и судебной практике.

¹ © Густова Э. В., 2020.

² © Куликова М. А., 2020.

Оценочные критерии, неточность понятий, используемых законодателем в ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями» вызывает много сложностей в правоприменении, что усложняет правильную квалификацию должностных преступлений и, в итоге, вызывает немалые трудности в процессе рассмотрения и вынесения решений в отношении лиц, совершивших преступления.

По результатам изучения правоприменительной деятельности представляется возможным сделать вывод о том, что формы совершения исследуемого преступного деяния носят крайне разнообразный характер, в связи с чем выделяются лишь примерные, наиболее часто совершаемые факты. Например, попустительство совершению преступлений или заранее не обещанное укрывательство преступлений, сокрытие растрат и хищений материальных ценностей и иные противоправные деяния [2, с. 54].

В соответствии с уголовным законом Российской Федерации, состав общественно опасного деяния, который предусмотрен ст. 285, по конструкции является материальным, и поэтому необходимым основанием привлечения к уголовной ответственности субъекта по указанной норме является наступление общественно опасных последствий, а именно нарушение прав и законных интересов граждан, организаций, общества и государства, и такие нарушения должны носить существенный характер. Пленум Верховного Суда Российской Федерации [6] разъясняет признак существенности как нарушения прав, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации. При определении существенности также нужно учитывать размер и характер имущественного, физического или морального ущерба, количество пострадавших лиц, степень отрицательного воздействия преступления на нормальную работу организаций и тому подобное.

Поэтому, как правило, вопрос о конкретизации существенности или несущественности того или иного явления находится в компетенции правоприменителя, который использует дополнительные критерии в качестве ориентира, в результате правовой оценки таких ситуаций довольно часто совершаются ошибки. Так, например, при злоупотреблении должностными полномочиями в уголовном законе не совсем ясно изложен механизм причинения вреда. На наш взгляд, существенное нарушение законных интересов личности, общества и государства – это скорее не следствие, а сущность противоречащего интересам службы использования должностных полномочий или невыполнения обязанностей. В результате, речь идёт не об отсутствии последствий, а о том, что они неразрывно связаны с деянием.

Несомненно, судебные органы при рассмотрении уголовных дел данной категории руководствуются диспозицией ст. 285 УК РФ. Так, в одном из приговоров суда установлено, что принятие незаконного решения об отказе в возбуждении уголовного дела сотрудником является существенным нарушением охраняемых законом прав и интересов личности, общества и государства [5]. Однако полагаем, что в данном случае злоупотребление должностными полномочиями не повлекло последствий, а выразилось в нарушении указанных интересов.

Наиболее аргументированный вывод нашел отражение в приговоре суда по факту уничтожения сотрудником ОВД материалов проверки. В судебном решении суд отметил, что сотрудник дискредитировал правоохранительные органы и подорвал их авторитет путем сокрытия материала от регистрации, т. е. не предоставления его в дежурную часть ОВД и уничтожения [4]. На наш взгляд, в этом случае суд наиболее верно указал, в чем выразилось последствие данного противоправного действия сотрудника ОВД, а именно, что репутация правоохранительных органов была подорвана путем сокрытия материала, т. е. дискредитация правоохранительных органов заключается в сокрытии материала.

Содержанием властных, организационно-распорядительных и административно-хозяйственных правомочий, которыми обладает должностное лицо, является возможность устанавливать юридические последствия для окружающих. Следовательно, при злоупотреблении правами законные интересы личности, общества и государства нарушаются непосредственно в момент незаконного использования полномочий. Именно поэтому исследуемый состав преступления следует относить к формальным. Но при этом существенный характер нарушения интересов и прав субъектов рассматривать как характеристику деяния.

Встречаясь со сложностью определения существенности неблагоприятных последствий злоупотребления, правоприменитель нередко указывает их присутствие лишь формально, т. е., в основном, цитируя уголовный закон. Как показывает практика, указываются непосредственно только те действия, которые в результате использования виновным служебных полномочий противоречат интересам службы. Но в таком случае у судебных органов появляются основания к прекращению преследования в части ст. 285 УК РФ в результате не установления последствий.

Анализируя зарубежный опыт, можно отметить, что ряд стран в законодательном описании должностных преступлений не указывает на общественно опасные последствия, т. е. составы данных деяний являются формальными. К примеру, уголовное законодательство ФРГ [8, с. 504–522] не содержит общей нормы, а закрепляет конкретные злоупотребления полномочиями в областях государственного управления, за которые предусматривается ответственность. Также, уголовный закон Франции [9, с. 377] «О злоупотреблениях властью, посягающих на порядок управления» устанавливает ответственность лиц, которые наделены публичной властью и действуют во исполнение своих полномочий, принимая меры, направленные на воспрепятствование исполнению закона. Согласно уголовному законодательству Австрии [7, с. 330], ответственности подлежит чиновник, который осознанно злоупотребляет своим служебным положением при исполнении своих полномочий с целью ущемить иное лицо в правах.

Таким образом, отдельные аспекты рассматриваемой темы далеко не исчерпывают всей проблемы. Вышесказанное не разрешает юридические дефиниции, а только свидетельствует о наличии проблем правоприменительной практики привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ. Бесспорно, данные проблемы заслуживают научного переосмысления и создания научно-обоснованных методик расследования рассматриваемых преступлений.

Библиографический список

1. Ежегодное расширенное заседание коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февраля 2020 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860/> (дата обращения: 17.09.2020).
2. Кравченко, О. О. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно-правовая характеристика и предупреждение : автореф. дис... канд. юрид наук / О. О. Кравченко. – Владивосток, 2004.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 17.09.2020).
4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 февраля 2004 г. № 3-004-4 // URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 17.09.2020).
5. Определение судебной коллегии по уголовным делам Омского областного суда от 17 марта 2005 г. № 22-1029 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 17.09.2020).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // URL: <https://base.garant.ru/1792859/> (дата обращения: 17.09.2020).
7. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. С. В. Милюков. – СПб., 2004.
8. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия / науч. ред. Д. А. Шестаков. – СПб., 2003. – С. 504–522.
9. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крылова. – СПб., 2002.

Раненкова Е. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В настоящее время проблема незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов касается многих государств, в том числе и России. Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), разрабатывая новую стратегию государственной антинаркотической политики, рассчитанную до 2030 г., представило данные о тенденции наркопреступности в Российской Федерации. Так, число зависимых от новых психоактивных веществ выросло в 2 раза за последние 10 лет (2010 г. – 26,4 тысячи человек; 2019 г. – 63,4 тысячи человек), а зависимых от психостимуляторов – в 3 раза (2010 г. – 7,8 тысячи человек; 2019 г. – 24,8 тысячи человек) [6].

С появлением новых видов наркотических средств и психотропных веществ возникают дополнительные проблемы, в том числе и у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), связанные с расследованием преступлений и привлечением к уголовной ответственности лиц, обвиняемых по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков.

В частности, при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде соответствующие должностные лица (дознатель, следователь, прокурор и суд) изучают личность обвиняемого в процессе доказывания, основываясь на перечне обстоятельств, закрепленных в законе (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации – далее по тексту УПК РФ), вступая при этом в уголовно-процессуальные отношения с обвиняемым как субъектом таких отношений [4]. Однако, среди ученых-криминологов и процессуалистов до сих пор нет единого мнения относительно того, что понимать под личностью преступника, и о том, какая именно информация об обвиняемом и какой ее объем должны входить в предмет доказывания.

М. Ю. Антонян и В. Е. Эминов определяют личность преступника как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата [1, с. 110].

Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер отмечают, что «личность преступника есть разновидность человеческой личности, в совокупности важнейших социальных

¹ © Раненкова Е. А., 2020.

и социально-психологических свойств и качеств, у которой преобладают в момент совершения преступного деяния негативные свойства и качества, связанные с нежеланием этой личностью выполнять (соблюдать) социальные нормы, в том числе и нормы уголовного права. Правильнее говорить не о личности преступника, а о личности лица, совершившего преступление, поскольку нет социально-типичных свойств личности, отличающих преступника от законопослушного гражданина» [8].

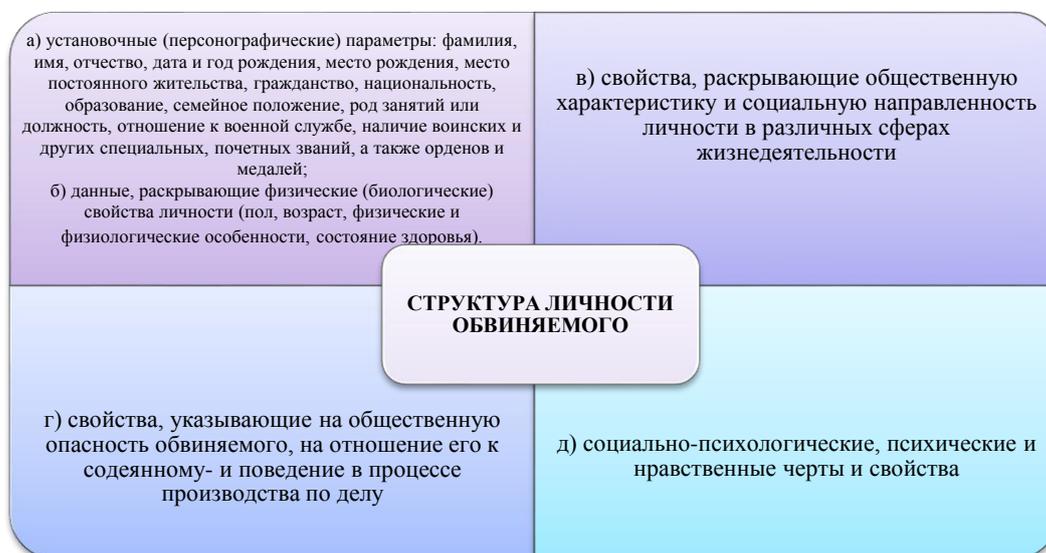
Гребнева Н. Н. предположила, что личность обвиняемого – «это совокупность определенных свойств физического лица, характеризующих его в основных сферах (социальной, психологической, биологической) деятельности человека, в том числе в правовой сфере при реализации специального правового статуса, возникающего в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, в связи с осуществлением уголовного преследования данного лица» [4].

Мы поддерживаем ее позицию и относительной важности изучения личности обвиняемого а также обстоятельств, характеризующих личность для достижения целей уголовного судопроизводства: правильной квалификации деяния; установления других обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу; обеспечения точного соблюдения процессуального порядка предварительного расследования и судебного разбирательства, а также выбора и использования наиболее эффективных мер по предупреждению преступлений [4, с. 45].

Под обстоятельствами, характеризующими личность обвиняемого, традиционно понимают: а) формальные (установочные) данные о личности (фамилия, имя, отчество, год рождения и т. д.); б) данные, отражающие его общественное лицо, характеризующие его как члена общества. Структура личности обвиняемого может включать в себя некоторые основные элементы (см. схему 1).

С целью всестороннего изучения личности наркопреступника следует учитывать элементы, приведенные в схеме 1, а также обратиться к другим элементам структуры личности: социально-демографические признаки; уголовно-правовые признаки; нравственные качества и психологические особенности.

Схема 1

Социально-демографические признаки личности наркопреступника включают в себя совокупность признаков, отражающих пол, возраст, семейное положение, уровень образования, социальное положение, род занятий и т. п. Многочисленные криминологические исследования и статистические данные МВД России свидетельствуют о том, что среди наркопреступников значительно больше мужчин (89 %), нежели женщин (11 %) [7].

Основной возраст преступников находится в диапазоне от 18 до 29 лет. При этом отмечается тенденция к омоложению. Об этом свидетельствуют и данные Всемирной Организации Здравоохранения, согласно которым, возрастной диапазон наркозависимых в 2018 г. составил 9–50 лет (в прошлом веке 18–35 лет). Кроме того, зафиксированы вопиющие случаи, когда употребление наркотиков имеет место в 6–7-ми летнем возрасте [3].

По данным ФСКН, в России в 2019 г. 20 % от общего числа наркозависимых – школьники 9–13 лет; 60 % — молодые люди 16–30 лет; около 20 % — старше 30 лет [11]. МВД России уточняет, что минимум 70 % всех наркоманов – это подростки и молодежь. Последние исследования в области социологии показали: больше 56 % мальчиков и 20 % девочек употребляли наркотики; 45 % мальчиков и 18 % девочек продолжают принимать наркотические вещества; женская наркомания выросла в 6,5 раз за 10 лет [11].

По образовательному уровню большинство лиц имеют среднее или среднее специальное образование. По социальному положению 96 % являются официально не трудоустроенными, а еще 3,5 % – учащимися. Рост популярности среди учащихся в распространении наркотических средств связан, по нашему мнению, с тем, что, не имея собственного дохода, молодые люди пытаются заработать деньги разными способами, не прикладывая больших усилий для этого.

Более 70 % всех выявленных преступников находились в сложном материальном положении, то есть это либо полностью безработные люди, либо лица, не имеющие постоянного источника дохода.

Около 70 % преступников не состоят в брачных отношениях, а у 15 % лиц семейные отношения прекращены на момент исследования.

Выполняя социальные функции в обществе, каждая личность оказывает влияние на других людей. Зачастую такое влияние может оказаться негативным. Сложность заключается в том, что своевременно распознать личность наркопреступника и предупредить негативное влияние с его стороны бывает очень трудно. Анализируя материалы уголовных дел, мы обнаружили, что примерно 45 % обвиняемых имели положительную характеристику с места работы или с места жительства. Некоторые лица имели на иждивении малолетних детей, помогая им материально. Более 85 % обвиняемых являются наркоманами, употребляют наркотики систематически, не считая себя наркозависимыми, или ранее употребляли наркотики. В 80 % случаев ни родственники, ни другие окружающие его люди не подозревали о наличии у лица наркозависимости до определённого момента.

Уголовно-правовые признаки личности преступника включают в себя характер и тяжесть преступления, соучастие, рецидивы и т. д.

57 % всех выявленных лиц за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков ранее уже совершали преступления. То есть более половины людей повторно идут на преступления, понимая всю противоправность и не боясь мер принуждения, применяемых государством в отношении данной категории преступников.

Самым распространенным мотивом совершения наркопреступлений является наркотическая зависимость и жажда наживы. Человек осознанно идет на преступление с целью получить необходимую ему дозу либо материальные средства на нее. Еще одним мотивом, который характерен, в большей мере, для подростков является самоутверждение среди друзей. Таким образом, лицо, совершая преступление, пытается преодолеть внутренние психологические проблемы, а именно: неуверенность, субъективно ощущаемую слабость, низкую самооценку.

Отдельно стоит охарактеризовать группу лиц, которые совершают наркопреступления, но при этом не являются наркозависимыми. Характеристика этих лиц ближе к характеристике корыстного преступника. Для них присущи четкая корыстная установка, готовность к насильственным действиям ради корыстного мотива, отвержение моральных норм. Среди них не бывает случайных преступников.

На основе морально-психологических знаний и убеждений, установок и ценностных ориентаций, навыков и умений формируются нравственно-психологические установки личности. Наркопреступникам присущи такие нравственно-психологические признаки, как односторонняя примитивно-потребительская ориентация, преувеличенное представление о роли материальных благ, негативное отношение к интересам общества и отдельных граждан, слабая адаптация к социальной среде, отрицание ценностей общества [12]. Кроме того, личность наркопреступника игнорирует правовые нормы ввиду терпимости граждан к наркомании и наркопреступности в целом, отсутствия четкого разграничения между аморальным и допустимым поведением, плохо развитого социального контроля каждым индивидом.

Стоит отметить, что наркозависимые и потребители имеют свою отдельную среду с присущими им особенностями. Чаще всего они сплочаются в группы по возрастным признакам, по типу употребляемого вещества, по признаку территориальности и другим.

Для данной девиантной группы характерен такой признак как коллективизм. В психологии используют такой термин как прозелитизм, то есть стремление к расширению среды себе подобных. Это связано с тем, что, находясь в кругу единомышленников, человек становится более уверенным в своих силах, не чувствует себя беспомощным перед обществом, а готов, наоборот, противопоставить себя. При этом формирование таких коллективов играет негативную роль для общества, поскольку наркопреступник, пытаясь расширить свой авторитет и сферу влияния, привлекает в свою группу лиц, наиболее неустойчивых и податливых, тем самым увеличивая преступную сеть.

Для исследования личности наркопреступника в зарубежной криминологии и социологии чаще всего используют пирамиду Вильяма С. Берроуза. Преступников классифицируют в зависимости от общественной опасности и выполняемой функции, где выделяют следующие группы: организаторы наркобизнеса,

оптовые сбытчики, розничные сбытчики, наркоманы, начинающие потребители [5; 9].

Организаторы занимаются руководством всех остальных участников наркобизнеса. В распоряжении этих людей зачастую имеются достаточное количество денежных средств. Организаторы стараются не иметь непосредственного контакта с наркотиками, их задача заключается в поисках поставщиков наркотических средств, контроле над другими участниками преступной деятельности, привлечении большего количества покупателей. Таким образом, правоохранные органы сталкиваются с проблемой привлечения этих лиц к уголовной ответственности по данному преступлению [10, с. 309–311]. Кроме того, организаторы имеют криминальный опыт и познания в методах оперативной работы.

Сбытчики. Задача сбытчиков связана напрямую с незаконной реализацией наркотоговара. При этом данную категорию разбивают на подкатегории: оптовые сбытчики (данные участники наркобизнеса скупают наркотические средства и психотропные вещества в больших партиях) и розничные сбытчики (приобретают небольшие партии наркотиков с целью сбыть уже конкретным клиентам). Среди сбытчиков можно выделить перекупщиков (приобретают у оптовиков партии наркотоговаров и занимаются их расфасовкой, сбытом и пр.), которые являются соединяющим звеном между оптовым и розничным сбытчиками. Перекупщики и розничные сбытчики могут быть отнесены к лицам, употребляющим наркотические средства и психотропные вещества. Оптовики в большинстве случаев не являются потребителями.

Также в некоторых преступных группировках, занимающихся незаконным оборотом наркотиков можно выделить изготовителей и перевозчиков. Изготовители участвуют непосредственно в приготовлении наркопродукта. Учитывая рост популярности синтетических наркотиков, данная группа преступников становится наиболее опасной. Это связано, в том числе с отсутствием каких-либо требований к профессиональным навыкам лица (изготовление осуществляется по уже имеющейся схеме), а также с минимальными трудовыми и финансовыми затратами для изготовления, поскольку все это на себя берет сам организатор.

Изготовителям требуется своевременно осуществлять закупку необходимых химических веществ и найти подходящее помещение, в качестве которого выступают заброшенные дома в различных СНТ, фермерские хозяйства, склады, гаражи и другие места, которые правоохранные органы не могут порой контролировать ввиду объективных обстоятельств. Сбыт изготовленного вещества они могут осуществлять как самостоятельно, так и с привлечением иных лиц.

Перевозчики – лица, осуществляющие разные способы транспортировки наркотических средств от места их выращивания, изготовления либо хранения. Для поставок чаще всего привлекают случайных знакомых, родственников, а также лиц, которые в связи со своей деятельностью осуществляют передвижения в разные регионы (водители-дальнобойщики, работники железнодорожного транспорта).

Указанные доводы можно подтвердить, изучив материалы громкого уголовного дела, о котором стало известно в ноябре 2019 г. В городском округе Серпу-

хов пресекли деятельность крупнейшей за последние годы подпольной лаборатории по производству синтетических наркотиков. Производственные цеха были оборудованы в помещениях бывшего фермерского хозяйства на участке общей площадью около 4 га. По словам официального представителя МВД России: «Преступная группа действовала по четко выстроенной криминальной схеме – от производства наркотических средств до их реализации. Сбыт осуществлялся через интернет-магазин, размещенный в теневом сегменте интернета. Полицейские пресекли 18 поставок наркотиков в Новосибирскую, Тверскую, Владимирскую, Курскую, Калужскую, Архангельскую области, Республики Татарстан и Бурятия, Хабаровский край и Приморский край. На месте происшествия задержаны трое граждан Украины, которые выполняли функции химиков-технологов, а также курьер-закладчик [2]».

Как мы видим, наркобизнес представляет собой сложную иерархичную структуру, в которую вовлечено огромное количество людей. Крайне редко, когда правоохранительным органам удается пресечь деятельность организатора преступной группы. В основном, к уголовной ответственности привлекают сбытчиков наркотических средств, иногда изготовителей. Но даже привлечение организатора к уголовной ответственности не способно существенно снизить наркопреступность, поскольку его место быстро занимает новый претендент.

Таким образом, всестороннее изучение обстоятельств личности обвиняемого по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, играет важную роль для достижения целей уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника и ее формирование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1.
2. Более 1,5 тонны наркотиков изъяли из подпольной лаборатории в Серпухове // Московский день: [сайт]. – URL: <http://mosday.ru/news/item.php?2061058> (дата обращения: 20.12.2019).
3. Всероссийская организация здравоохранения: официальный сайт. – URL: https://www.who.int/substance_abuse/facts/ru/ (дата обращения: 20.08.2020).
4. Гребнева, Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмета доказывания по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Н. Гребнева. – Тюмень, 2006. – 220 с.
5. Зазулин, Г. В. Наркоэпидемия. Политика. Менеджмент / Г. В. Зазулин. – СПб., 2003.
6. МВД отметило рост зависимых от новых психоактивных веществ // МИА «Россия сегодня» [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20200215/1564813933.html> (дата обращения: 15.08.2020).
7. Особенности противодействия распространению новых синтетических наркотических средств и психотропных веществ : учебно-практическое пособие / [А. В. Морозов и др.] ; Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. – Домодедово : ВИПК МВД, 2016.

8. Прозументов, Л. М. Криминология: учебное пособие / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер. – Томск : Издательский Дом Томского Государственного университета, 2017.

9. Сибиряков, С. Л. Предупреждение девиантного поведения молодежи : (методологические и правовые проблемы) / С. Л. Сибиряков. – Волгоград : ВЮИ МВД России, 1998.

10. Синелобова, Н. С. Проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных и потенциально опасных психоактивных веществ посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Н. С. Синелобова, Е. С. Якушина // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права. сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки. – 2019. – С. 309–311.

11. Статистика наркомании в 2020 г. – URL: <https://lawvopros.ru/statistika-narkomanii-2020.html> (дата обращения 20.08.2020).

12. Шалагин, А. Е. Незаконный оборот наркотиков – угроза национальной безопасности / А. Е. Шалагин. – М. : Юрлитинформ, 2015.

Теткин Д. В.¹,

доцент кафедры уголовного процесса

Рязанского филиала Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Пудовкин А. А.²,

начальник кафедры уголовного процесса

Рязанского филиала Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

В настоящее время допрос является одним из самых распространённых и необходимых следственных действий, применяемых в расследовании преступлений против правосудия. Ведь не по всем уголовным делам проводятся следственные эксперименты и т. д.

Эффективность допроса при раскрытии преступлений против правосудия определяется получением максимума доказательственной информации. В деятельности следственных органов, проблема эффективности производства допроса остаётся одной из центральных. Здесь важным аспектом является грамотное определение тактики и умелое применение тактических приёмов, что позволяет следователю качественно и искусно провести допрос. От того, насколько квалифицированно проведен допрос, зависит дальнейшее расследование и раскрытие преступлений против правосудия.

С точки зрения уголовного процесса допрос представляет собой регулируемые уголовно-процессуальным законодательством взаимные действия (взаимодействие) следователя и допрашиваемого лица (ст.ст. 187–192 УПК РФ) [11]. Советский ученый-криминалист А. В. Дулов воспринимал допрос как прогнозируемое общение в определенной форме между следователем и допрашиваемым [3, с. 116]. Н. И. Порубов полагает, что сутью допроса является получение ценной информации органами, расследующими уголовное дело [8, с. 223].

Как показывает практика, особое значение имеет тактика подготовки к проведению допроса. В криминалистической литературе встречается несколько точек зрения относительно элементов подготовки к допросу. Ряд ученых выделяет четыре элемента, именуя их задачами: установление цели допроса; осознание собственной роли следователя в нем; определение тактических и психологических методов допроса; прогнозирование поведения допрашиваемого лица [1, с. 65]. Другие называют изучение материалов дела, ознакомление со специальными вопросами, изучение личности допрашиваемого и разработку плана до-

¹ © Теткин Д. В., 2020.

² © Пудовкин А. А., 2020.

проса и формулировки вопросов [5, с. 74]. Л. М. Карнеева, наряду с вышеизложенным, также выделяет выбор момента допроса, определение последовательности допроса нескольких обвиняемых, определение предмета допроса, выбор места допроса и вызова обвиняемого на допрос [6, с. 221]. А. В. Дулов выделяет изучение материалов уголовного дела и личности допрашиваемого, составление плана допроса, определение времени и места, создание необходимых условий для проведения допроса [4, с. 61].

Подготовка к допросу по преступлениям против правосудия, как правило, начинается с изучения материалов уголовного дела. Это отправная точка для дальнейших действий следователя, фундамент, на который будет наслаиваться полученная в дальнейшем информация, создавая цельную картину происшествия.

Изучение материалов дела позволит следователю определить круг лиц, подлежащих допросу по расследуемому делу, решить последовательность допроса этих лиц, какие доказательства ему следует предъявить на допросе, определить круг фактов, с помощью которых может быть проведен допрос. От объема и тщательности подготовки следователя напрямую зависят результаты допроса и всего расследования уголовного дела.

В целях изучения личности допрашиваемого, следователь может запросить его характеристики с места работы, учебы, получить необходимую информацию от оперативных работников, участкового уполномоченного.

Особое значение имеет информация о темпераменте, характере, психических недостатках допрашиваемого. Все эти данные помогут следователю в самом главном – установить психологический контакт с допрашиваемым [7, с. 126–132].

И. А. Роша, А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко рассматривают психологический контакт как особую психоэмоциональную атмосферу, благодаря которой допрос должен привести к желаемым результатам [10, с. 13; 4, с. 67]. Другие ученые-криминалисты относят установление психологического контакта к особой стадии допроса, на которой «оба собеседника окончательно вырабатывают в отношении друг друга общую линию поведения, а также определяют такие параметры, как ее темп, ритм, основные состояния собеседника, приемы устной речи, позы, мимику» [2, с. 141]. Данная позиция подвергалась критике Н. И. Порубовым, А. В. Дуловым, П. Д. Нестеренко по тем основаниям, что установление психологического контакта по своей сути является процессом, который должен сопутствовать всему ходу допроса, начинаться в анкетной стадии допроса и сохраняться даже во время фиксации показаний [9, с. 43; 3, с. 71–72].

При подготовке к допросу по преступлениям против правосудия, на основе изученных материалов уголовного дела следователь составляет план предстоящего допроса в соответствии с планом расследования и с учетом дополнительной информации. Он отражает основные вопросы и ключевые моменты, по которым следователю надлежит принять решения, чтобы успешно решить стоящие перед ним задачи допроса и достигнуть его цели.

В плане находят отражение:

- предмет допроса, определяются обстоятельства дела, подлежащие установлению, и их последовательность;
- круг лиц, вызываемых на допрос;

- способ вызова на допрос;
- место и время проведения допроса;
- определяется необходимость участия в допросе третьих лиц, а также способ вызова их на допрос и обеспечение их явки;
- определяются доказательства, которые могут быть предъявлены в ходе допроса;
- формулируются основные вопросы, которые следователь планирует задать.

Выбор времени допроса зависит от важности сведений, которыми может обладать допрашиваемый, от процессуального положения лица, его связей с другими лицами, участвующими в деле. По преступлениям против правосудия рекомендуется проводить допрос как можно скорее, ближе ко времени совершенного или воспринимаемого события, пока воспоминания о них еще свежи и хранятся в памяти. По прошествии времени многие важные детали могут быть безвозвратно утрачены, несмотря на выработанное криминалистикой многообразие тактических приемов, направленных на помощь в восстановлении в памяти забытого.

Закон запрещает проведение допроса в ночное время, за исключением случаев, не терпящих отлагательств (ч. 3 ст. 164 УПК РФ) [11]. В ситуации, когда на один день назначен допрос нескольких лиц, по преступлениям против правосудия необходимо принять меры, направленные на предупреждение их общения и оказания влияния друг на друга. Если существует вероятность сговора лиц, то также рекомендуется провести допрос как можно раньше.

Как правило, допрос по преступлениям против правосудия принято проводить в кабинете следователя, при этом создав спокойную обстановку, убрав все лишнее, не относящееся к предмету допроса, и отвлекающее от целей допроса. Не должны присутствовать посторонние лица, кроме следователя и допрашиваемого, за исключением случаев, когда законом разрешено присутствие третьих лиц, имеющих на то законные основания: защитник, психолог, законный представитель, переводчик, специалист, эксперт. Если предмет допроса сложен и требует специальных знаний, приглашают эксперта или специалиста. При допросе лиц, не владеющих языком, на котором ведется предварительное расследование, приглашают переводчика. Не запрещено присутствие на допросе защитника, поскольку он служит гарантом соблюдения и защиты прав и законных интересов обвиняемого. Никакие другие лица не имеют права присутствовать на допросе. Это вызвано требованием сохранения следственной тайны, а также оправдано тактически – человек теряется в присутствии посторонних лиц, замыкается, что не позволяет установить психологический контакт. Самое главное, чтобы обстановка способствовала установлению психологического контакта, сосредоточению внимания на предстоящем общении со следователем.

Подводя итоги рассмотренной темы, напрашивается вывод о том, что представленные тактические аспекты подготовки и проведения допроса являются необходимыми условиями производства следственных действий, применяемых в расследовании преступлений против правосудия в современных реалиях.

Библиографический список

1. Ахмедшин, Р. Л. Тактика коммуникативных следственных действий / Р. Л. Ахмедшин. – Томск, 2014.
2. Васильев, В. Л. Некоторые аспекты психологии допроса / В. Л. Васильев // Криминалистика на службе следствия. – 1967.
3. Дулов, А. В. Психология допроса на предварительном следствии / А. В. Дулов. – Минск, 1975.
4. Дулов, А. В. Тактика следственных действий / А. В. Дулов, П. Д. Нестеренко. – Минск, 1971.
5. Карацев, К. М. Основные процессуальные и криминалистические положения допроса обвиняемого / К. М. Карацев. – Алма-Ата, 1969.
6. Карнеева, Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений / Л. М. Карнеева, А. Н. Васильев. – М., 1970.
7. Кутякин, С. А. «Воры в законе»: Анализ истории и современности / С. А. Кутякин, Д. В. Теткин // Вестник Российского нового университета. – 2020. – № 1.
8. Порубов, Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. – М., 1998.
9. Порубов, Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии / Н. И. Порубов. – Минск, 1978.
10. Роша, И. А. Процессуальные и психологические начала допроса обвиняемого / И. А. Роша. – М., 1965.
11. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред. от 15.10.2020) // URL: <http://www.consultant.ru/law/ref/poleznye-sovety/detskie-posobija/posobie-po-bere-mennosti-i-rodam/> (дата обращения: 27.10.2020).

Раненкова Е. А.¹,

*старший преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук;*

Попов А. Ю.²,

*слушатель Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КРИМИНАЛЬНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ

В последнее время в средствах массовой информации все чаще появляются сообщения о различных преступлениях, правонарушениях и иных антиобщественных деяниях, совершенных подростками под лозунгами «АУЕ» – «арестантский уклад един», «арестантско-уркаганское единство» – аббревиатуры, используемой молодыми приверженцами современной криминальной субкультуры для идентификации себя и себе подобных. К сожалению, нам не удалось найти данные официальной статистики, отражающей реальное положение дел в части проникновения криминальной субкультуры в общество, так как правоохранительные органы фактически не ориентированы на ее выявление, отсутствует организационно-правовое обеспечение деятельности соответствующих субъектов профилактики по предупреждению приобщения несовершеннолетних к криминальной субкультуре.

Особое место при организации противодействия вовлечения несовершеннолетних в криминальные субкультуры должно занимать совершенствование соответствующей правовой базы и использование уже имеющихся у государства правовых рычагов для предотвращения и должного реагирования.

В 2018 г. в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная дума) был внесен законопроект № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», направленный на предотвращение и запрет пропаганды криминальной субкультуры, вносящий изменения в законы «О средствах массовой информации», «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6].

Между тем, данный законопроект обоснованно был отклонен Государственной думой в связи с тем, что для блокировки соответствующих интернет-сообществ правоохранительным органам хватает действующего законодательства.

¹ © Раненкова Е. А., 2020.

² © Попов А. Ю., 2020.

К тому же, по мнению авторов отзывов на законопроект, следует привести в соответствие с действующим законодательством понятийно-категориальный аппарат законопроекта. Поскольку использование терминов «пропаганда криминальной субкультуры», «социокультурные ценности преступного мира» не определены действующим законодательством, это может привести к свободной и неоднозначной правоприменительной практике. Правовое управление Государственной думы увидело в документе опасность для возникновения цензуры [5]. В их заключении также справедливо отмечается, что в отношении неформального молодежного сообщества АУЕ, о котором говорится в пояснительной записке к законопроекту как о носителе определенной субкультуры, пропагандирующей образцы поведения преступного сообщества, необходимо учесть, что, если она приобретает экстремистский характер, направленный на возбуждение социальной розни (по признаку отношения к «воровскому братству»), пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной принадлежности, воспрепятствование законной деятельности государственных (правоохранительных) органов, применяться должен Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [2].

В августе 2020 г. в средствах массовой информации появились сообщения о том, что Верховный суд РФ принял решение о признании общественного движения «Арестантское уголовное единство» экстремистским [1]. Убедиться в заявленной позиции не представляется возможным, так как судебное заседание, о котором идет речь, проходило в закрытом режиме в рамках административного судопроизводства по делу № АКПИ20-514С от 21 июля 2020 г. Решение по делу принято 17 августа 2020 г., иск Генеральной прокуратуры удовлетворен полностью.

18 августа 2020 г. в Государственную думу внесен законопроект № 1009841-7 в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространения криминальных субкультур в Российской Федерации». К сожалению, инициаторы данного законопроекта не учли отрицательный опыт своих предшественников, поэтому утверждать, что он будет принят, в настоящее время сложно.

Тем не менее, с положительной стороны стоит отметить попытку авторов сформулировать и закрепить на законодательном уровне понятие криминальной субкультуры, так как до настоящего времени в российской юридической науке не было четкой и согласованной позиции [7, с. 113]. Инициаторы законопроекта № 1009841-7 предлагают внести поправку в п. 8 ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в которой раскрывается понятие криминальной субкультуры: «система принципов, взглядов, образа жизни и норм поведения, разделяемых группой лиц, неформально объединяющихся в целях популяризации продвижения уголовных традиций, атрибутики уголовного мира, проявления нетерпимости к законопослушному поведению и оправдания преступного поведения» [3].

По нашему мнению, криминальная субкультура в традиционном понимании, включает в себя систему взглядов и идей, представляющих нормы и ценности преступного мира как единственно верные и справедливые. Она пропагандирует

философию лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, тюремные «понятия», романтизирует и идеализирует криминальный образ жизни и, в конечном счете, создает идеологическую основу для продуцирования и воспроизводства преступности.

Вместе с тем, предложенное в законопроекте определение криминальной субкультуры, а также наше «традиционное» понимание криминальной субкультуры характеризуют лишь так называемую «тюремную субкультуру», оставляя за бортом субкультуру представителей различных экстремистских и иных деструктивных группировок (колумбайн, скулшутинг и пр.).

Сформированные в рамках их идеологии парадигмы ставятся выше законодательства Российской Федерации, подрывают авторитет легитимных органов исполнительной и судебной власти, создают угрозу Конституционному строю Российской Федерации.

Стоит отметить попытку авторов вышеупомянутого законопроекта подробно раскрыть сущность деятельности по формированию и поддержке криминальной субкультуры (п. 9 ст. 2 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»), а также предложение дополнить п. 1 ст. 6 «Основные направления профилактики правонарушений» п. 17 следующим содержанием: «предупреждение деятельности по формированию и поддержке криминальной субкультуры, в том числе осуществляемой в сети «Интернет».

23 сентября 2020 г., под председательством Генерального прокурора Российской Федерации И. Краснова состоялось заседание Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации «О деятельности правоохранительных и иных уполномоченных органов по профилактике, выявлению, пресечению и расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних».

В целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов Координационное совещание руководителей правоохранительных органов Российской Федерации подготовило ряд конкретных мер, которые планируется выполнить в 2021 г. В частности, во взаимодействии с заинтересованными ведомствами предполагается [4]:

- принять дополнительные меры по повышению качества и эффективности профилактической работы среди детей, предупреждению вовлечения их в преступную и иную деструктивную деятельность;

- совместно с общественными организациями, волонтерскими движениями, благотворительными фондами, научным сообществом проработать вопрос о наращивании усилий по вовлечению несовершеннолетних в общественные объединения правоохранительной направленности.

Также будет изучен ряд вопросов по совершенствованию ведомственной отчетности, межведомственного взаимодействия, оперативной и следственной работы в рассматриваемой сфере. Подводя итоги работы Координационного совещания, Игорь Краснов указал на необходимость принятия комплексных мер, прежде всего, превентивного характера в целях нейтрализации крими-

нальных угроз в подростковой среде и на необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «криминальная субкультура» с установлением факта вовлечения в нее несовершеннолетних в качестве отягчающего наказание обстоятельства.

В данной связи, хотелось бы отметить, что после вступления анонсированного в средствах массовой информации решения Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. о признании движения «АУЕ» экстремистской организацией в законную силу, а также в случае принятия законопроекта № 1009841-7 у правоохранительных органов появится больше оснований для привлечения основных организаторов и участников к уголовной и административной ответственности. Между тем, пока еще абсолютно непонятно за какие именно противоправные действия будут привлекать к ответственности участников и активистов этого так называемого движения.

Основными идеологами и носителями криминальной субкультуры являются участники организованных преступных сообществ и организаций, ответственность за участие в которых предусмотрена в отдельных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако несовершеннолетние в возрасте до шестнадцати лет не являются субъектами преступлений, предусмотренных ст.ст. 205⁴, 205⁵, 208, 209, 210, 282¹ и 282² УК РФ, поэтому за их вовлечение в деятельность этих преступных групп уголовная ответственность не предусмотрена. Кроме того, к участию в преступных сообществах и бандах привлекаются, в том числе и малолетние (лица, не достигшие возраста четырнадцати лет), в сознании которых формируется искаженное представление о криминальной субкультуре как о нормальной форме человеческой жизнедеятельности, обеспечивающей кажущееся социальное благополучие, относительную финансовую независимость и мнимую защищенность от возможного уголовно-правового преследования.

УК РФ содержит норму об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), однако ее применение невозможно в случаях, когда несовершеннолетний хотя и участвует в деятельности соответствующих преступных групп, но в силу возраста или иных обстоятельств не может быть субъектом совершения преступления даже в форме участия в таких группах. При этом само участие может выражаться в разовых поручениях, которые даже не связаны непосредственно с преступной деятельностью конкретной преступной группы (например, члены банды, которая совершает разбойные нападения, предлагают совершить несовершеннолетнему мелкое хищение, хулиганство, чтобы доказать свою преданность «воровским» идеалам). Иными словами, характер и степень вовлеченности несовершеннолетнего в преступную группу незначительный, но криминальное воздействие на него происходит существенное. Кроме того, само понятие «преступная группа» не позволяет четко определить, идет ли речь о форме соучастия в уголовно-правовом смысле или же о любой групповой преступной деятельности, даже не предусмотренной уголовным законодательством.

Для устранения указанного выше пробела в правовом регулировании предлагаем внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру.

Дополнить ч. 2 ст. 150 УК РФ следующими словами: после слов «...То же деяние, совершенное: ...» словами «...а) родителем, педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего; б) в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности; в) в отношении двух или более лиц; г) публично, или с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")».

Дополнить ч. 4 ст. 150 УК РФ следующими словами: после слов «...связанные с вовлечением несовершеннолетнего:...» словами «...а) в деятельность устойчивой вооруженной группы (банды), преступного сообщества (преступной организации), экстремистского сообщества, экстремистской организации, террористического сообщества, террористической организации; б) в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; в) в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, –...».

В Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» необходимо внести изменения в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру.

Дополнить ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» абз. 9 после слов «...в социально опасном положении; ...» словами: «приобщение к криминальной субкультуре – это систематическая деятельность, направленная на вовлечение несовершеннолетних в преступные группировки общеуголовной и экстремистской направленности».

Кроме того, предлагаем внести изменения в Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (ред. 28.11.2017) в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечения несовершеннолетних в криминальную субкультуру. Дополнить п. 2.5 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной Приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» (ред. 28.11.2017) после слов «...и правонарушений несовершеннолетних...» словами «..., а также предупреждение приобщения несовершеннолетних к криминальной субкультуре».

Библиографический список

1. В России запретили движение АУЕ // URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения: 18.09.2020).

2. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» (первое чтение) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Законопроект № 1009841-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространения криминальных субкультур в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения: 11.09.2020).

4. Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них // URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1890336/> (дата обращения: 25.09.2020).

5. Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 14.03.2018 № 1965п-П44 На проект федерального закона № 318286-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части запрета пропаганды криминальной субкультуры» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Распространение криминальной субкультуры в социальных сетях приравняют к пропаганде экстремизма // URL: <http://www.nasledie.ru/?q=node%2F8121> (дата обращения: 20.09.2020).

7. Пирожков, В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура) / В. Ф. Пирожков. – Тверь, 1994.

8. Уваров, А. И. Юридическая дефиниция криминальной субкультуры / А. И. Уваров // Юрист-Правоведь. – 2012. – № 4 (53).

Мурадян С. В.¹,

преподаватель кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЛОСТНОГО УКЛОНЕНИЯ ЛИЦА ОТ ОТБЫВАНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ ПО Ч. 1 СТ. 314 УК РФ

Существующие правовые средства, которые обеспечивают неукоснительность судебных решений, должны способствовать исполнению наказания в полном объеме. Данное правило имеет существенное значение, учитывая, что суд избирает такое уголовное наказание, реализация которого целиком способствует возможности достижения целей восстановления социальной справедливости, исправления лица, осужденного за совершение преступления, и предупреждения совершения им новых преступлений.

По сути, ч. 1 ст. 314 УК РФ – это реакция законодателя в рамках уголовного права на негативное посткриминальное поведение лица, делающее невозможным исполнение наказания по прошлому приговору суда и влекущее предусмотренные законом последствия, способствующие ухудшению правового положения такого лица [4]. Однако, на наш взгляд, мера уголовно-правового характера, выраженная в замене наказания, согласно указанной статье, скорее направлена на его индивидуализацию в процессе дальнейшего исполнения. М.А. Кауфман предлагает дополнить Раздел VI УК РФ главой «Замена наказания в связи с уклонением от его отбывания» [4]. Мы данную позицию поддерживаем, но предлагаем данную главу включить в Раздел III УК РФ «Наказание», поскольку речь идет об уклонении от его исполнения и его замене на другое наказание.

Общественная опасность подобных преступлений заключается в том, что осужденные используют во вред предоставленные законодателем квоту доверия и льготы, тем самым нарушая процесс исполнения наказания и затрудняя реализацию обвинительного приговора, что не позволяет достигнуть реальных целей ограничения свободы [11, с. 1376].

Анализ судебной практики применения ч. 1 ст. 314 УК РФ показал, что именно эта норма уголовного закона применяется достаточно активно (что вполне логично), учитывая происходящие социально-экономические и политические процессы в России, которые влекут за собой активное применение наказаний, которые не связаны с изоляцией осужденного от общества, а также учитывая рост количества уклонений осужденных от отбывания наказания. Так, в 2015 г. в России по ч. 1 ст. 314 УК РФ было осуждено 419 лиц, в 2016 – 414, в 2017 – 381, в 2018 – 355, в 2019 – 414 [10].

Непосредственным объектом преступления по ч. 1 ст. 314 выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу исполнения обязанности ви-

¹ © Мурадян С. В., 2020.

новного претерпевать отрицательные последствия и права государства применить к виновному меры государственного принуждения, связанные с совершением им преступления, то есть отношения по поводу уголовной ответственности в форме исполнения ограничения свободы, назначенного судом в виде дополнительного наказания.

Можно встретить позицию, когда выделяется дополнительный объект преступления по ч. 1 ст. 314 УК РФ, в том числе нормальная деятельность учреждений, которые исполняют уголовное наказание, авторитет правосудия и т. д. Такие отношения претерпевают некоторые изменения, однако не обязательно, чтобы им напрямую был причинен определенный вред, тем более, что его сложно подсчитать или ввести в определенные правовые рамки [3, с. 111]. Рассматриваемые деяния причиняют вред уголовно-исполнительным либо уголовно-процессуальным отношениям, но их социальная сущность заключается именно в уклонении от уголовной ответственности.

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления, характеризуется деянием в форме бездействия, а именно злостного уклонения, т. е. неисполнения требований, которые суд возложил на осужденного при назначении ограничения свободы как дополнительного наказания. В УК РФ используются оценочные понятия нравственно-этического характера и количественные. Первые, куда входит злостность, не могут быть измерены. Вторые характеризуют некую меру определенного качества и могут подлежать количественной оценке [8].

Наличие в норме оценочных признаков нравственно-этического характера часто приводит к неоднозначному восприятию и вызывает серьезные затруднения в их оценке правоприменителями. Существующая тенденция ведет к неизбежности их минимизации в уголовном законе. Сфера применения признака злостности также сокращена. Практику, аналогичную примененной в ст. 157 УК РФ, где злостность заменена на неоднократность, было бы целесообразно переложить и на конструкцию ч. 1 ст. 314 [8].

С точки зрения объективной стороны, состав данного преступления формальный: начало злостного уклонения – это и есть момент окончания преступления.

Субъективная сторона предполагает вину в форме прямого умысла, когда виновный осознает общественную опасность злостного уклонения от ограничения свободы и желает действовать таким образом.

Субъект данного преступления – специальный, а именно осужденный, которому назначено ограничение свободы как дополнительное наказание. Судимость лица является конструктивным элементом состава данного преступления, а рецидив преступлений представляет собойотягчающее наказание обстоятельство в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. В этой связи статус «осужденного» у субъекта преступления может осложнить процесс применения ч. 1 ст. 314 УК РФ.

В качестве аналогичного можно привести пример из Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 2014 г. по делу гражданина З., который ранее был судим по п. «в» ч. 3 ст. 131, п. «в» ч. 3 ст. 132 УК РФ. Гр. З. осужден по ч. 5 ст. 132 УК РФ. В ходе рассмотрения дела в апелляционном порядке Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части назначенного наказания, смягчив наказание

осужденному по ч. 5 ст. 132 УК РФ с учетом ч. 2 ст. 63 УК РФ, указав, что судимость по прошлому приговору суд учел не только в качестве квалифицирующего признака преступления по ч. 5 ст. 132 УК РФ УК РФ, но и как отягчающее наказание обстоятельство согласно п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ [5].

Ограничение свободы назначается и как основной вид наказания на срок от 2-х месяцев до 4-х лет за преступления небольшой и средней тяжести, в качестве дополнительного к принудительным работам или к лишению свободы – на срок от 6 месяцев до 2-х лет. Злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, согласно ч. 5 ст. 53 УК РФ, влечет замену его неотбытой части принудительными работами или лишением свободы. Уклонение от отбывания ограничения свободы как основного и как дополнительного наказания влечет разные последствия, указывающие на несоответствия в оценке опасности уклонения от отбывания ограничения свободы, назначенного в двух этих видах. Интересным является еще и тот факт, что злостное уклонение от иных видов дополнительного наказания законодателем не расценивается как преступление [9].

Представляется заслуживающим внимания предложение К. С. Федосеева изложить ч. 1 ст. 314 УК РФ в следующей редакции: «1. Злостное уклонение лица, осужденного к обязательным работам, ограничению свободы от отбывания наказания, – наказывается...» [12, с. 298]. Криминализация злостного уклонения от этих наказаний и уголовно-исполнительных мер, по логике законодателя, обеспечит эффективность предупреждения данных деяний.

Трудности могут возникнуть у правоприменителей в процессе назначения наказания за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы. Лицо основное наказание в виде лишения свободы отбыло, а от ограничения свободы уклоняется согласно ч. 1 ст. 314 УК РФ, за что законодателем предусмотрены принудительные работы или лишение свободы. Возникает вопрос о порядке назначения наказания по совокупности приговоров. Сложить эти виды наказаний с ограничением свободы не представляется возможным, так как закон установил правило сложения только для основного наказания. Соответственно, ограничение свободы и лишение свободы должны исполняться отдельно.

Постановлением Президиума Орловского областного суда от 3 декабря 2015 г. № 44У-39/2015 приговор суда был изменен в связи с неправильным применением уголовного закона. Присоединение дополнительных видов наказаний при назначении наказания по совокупности приговоров производится по правилам ч. 4 ст. 69 УК РФ в соответствии с ч. 5 ст. 70 УК РФ. При совокупности преступлений к основным видам наказаний могут быть присоединены дополнительные виды наказаний. При этом итоговое значение дополнительного наказания при частичном или полном сложении наказаний не может превышать максимального срока или размера, предусмотренного для данного вида наказания Общей частью УК РФ. Согласно ч. 5 ст. 58 УИК РФ в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания либо избранного в порядке замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы в соответствии со ст. 80 УК РФ, уголовно-исполнительная инспекция передает в суд представление о замене ему неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы наказанием в

виде лишения свободы. Злостное уклонение осужденного от отбывания наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» [7] ограничение свободы, назначенное в качестве дополнительного наказания, подлежит самостоятельному исполнению. Не учитывая изложенное, суд первой инстанции присоединил неотбытую часть дополнительного наказания в виде ограничения свободы как неотбытую часть основного наказания по правилам ст. 71 УК РФ, которые применяются лишь в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы как основного вида наказания, то есть назначил наказание с нарушением уголовного закона [6].

В этой связи И. В. Губко и Л. А. Прохоров обращают внимание, что осужденный снова должен отбывать лишение свободы за уклонение от отбывания ограничения свободы, а затем отбывать ограничение свободы [2, с. 25]. В случае последующего нарушения установленных судом ограничений, данный процесс повторится, что вызовет некую цикличность в ходе исполнения наказания.

Так, гр. Д., осужденный Аткарским судом Саратовской области 9 декабря 2015 года, с учетом изменений по постановлению Пугачевского суда Саратовской области от 1 марта 2017 г. и от 30 ноября 2017 г., по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ осужден к 2 годам 6 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год 6 месяцев; освобожден по отбытию наказания в виде лишения свободы 12 декабря 2017 г.; по приговору мирового судьи судебного участка № 2 Красноармейского района Саратовской области от 31 января 2019 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ, с применением ст. 70, ст. 69 УК РФ к 5 месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 8 месяцев 19 дней. Срок отбывания основного наказания предусмотрен с 31 января 2019 г., наказание отбыто не было. 14 мая 2019 года гр. Д. осужден Красноармейским судом Саратовской области по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к 7 месяцам лишения свободы; по ч. 1 ст. 314 УК РФ к 5 месяцам лишения свободы; на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к 8 месяцам лишения свободы; на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказания, назначенного по данному приговору, и неотбытого основного наказания, исчисленного с 31 января 2019 г. по приговору мирового судьи судебного участка № 2 Красноармейского района Саратовской области и с полным присоединением на основании ч. 4 ст. 69 УК РФ дополнительного наказания, назначенного по приговору мирового судьи судебного участка № 2 Красноармейского района Саратовской области от 31 января 2019 г., окончательно назначено наказание 10 месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на 8 месяцев 19 дней [1].

Учитывая изложенное, предлагаем изложить ч. 5 ст. 53 УК РФ в следующей редакции: «В случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде

ограничения свободы, может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы из расчета один день принудительных работ или один день лишения свободы за два дня ограничения свободы». И исключить уголовную ответственность за злостное уклонение от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания, что приведет к утрате силы ч. 1 ст. 314 УК РФ и примечания 1 к ст. 314 УК РФ и позволит создать единый регламент замены наказания в случае злостного уклонения от исполнения ограничения свободы как основного и как дополнительного наказания.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 13.08.2019 по делу № 22-2427 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
2. Губко, И. В. Криминализация злостного уклонения от отбывания ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ): вопросы обоснованности и целесообразности / И. В. Губко, Л. А. Прохоров // Российский следователь. – 2012. – № 16.
3. Касаткин, В. В. Уголовная ответственность за уклонение от отбывания наказания: проблемы толкования и применения / В. В. Касаткин // Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых : в 5 т. / отв. ред. А. А. Горохов. – Курск, 2020.
4. Кауфман, М. А. Уклонение от исполнения и отбывания наказания как вид негативного посткриминального поведения и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. – 2018. – № 1.
5. Определение Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2014 № 44-АПУ14-36 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
6. Постановление Президиума Орловского областного суда от 03.12.2015 № 44У-39/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
8. Рарог, А. И. О количественных признаках состава преступления / А. И. Рарог // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
9. Рарог, А. И. Ошибки законодателя: виды, причины, пути исправления / А. И. Рарог // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.09.2020).
10. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 07.09.2020).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации. Комментарий с путеводителем по судебной практике / под ред. А. И. Чучаева. – М., 2020.
12. Федосеев, К. С. Правовой регламент уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания (ст. 314 УК РФ) // Сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. – Рязань, 2019.

Корниенкова М. Р.¹,

преподаватель кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ДАЧИ ВЗЯТКИ

В Российской Федерации на протяжении длительного времени одной из приоритетных задач является противодействие коррупционным преступлениям. Одной из мер ее разрешения стало принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Указанным нормативным правовым актом были внесены значительные корректировки в редакцию ст. 291 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за дачу взятки.

Дача взятки представляет собой уголовно наказуемое деяние, которое связано с получением взятки. Получение взятки не состоится, если нет ее дачи. Иными словами, сама по себе дача взятки есть своеобразное необходимое соучастие в получении взятки. При этом, в отличие от других случаев соучастия, данное преступление, направленное против интересов публичной службы, и выделено в самостоятельный состав уголовно наказуемого деяния.

Официальные статистические данные ГИАЦ МВД России показывают, что по ст. 291 УК РФ в 2015 г. было зарегистрировано 6 816 преступлений, в 2016 г. – 4640, в 2017 г. – 2272, в 2018 г. – 2612, а в 2019 г. – 3174 [8]. Резкое снижение количества зарегистрированных преступлений в 2016 г. произошло в связи с изменениями в УК РФ, а именно криминализацией мелкого взяточничества.

В практической деятельности и в теории права остаются нерешенными многие вопросы квалификации дачи взятки. Обратим особое внимание на проблему признания дачи взятки оконченным преступлением.

Так, Ю. Е. Пудовочкин считает, что момент окончания во взяточничестве аналогичен моменту окончания хищения, так как данное преступление корыстное [6, с. 97–99]. Трудно не согласиться с тезисом о корыстности получения и дачи взятки.

В соответствии с другой позицией, дача взятки – это все-таки факт передачи части взятки (или в полном объеме), вне зависимости от того, принимает ли ее взяткополучатель либо нет. Иными словами, при этом подходе момент окончания анализируемого деяния прямо не связан с последующим поведением должностного лица [3, с. 115–118].

Разнообразие позиций при определении момента окончания преступления оказывает негативное воздействие на правоприменительную практику. Одним и тем же фактическим обстоятельствам суды иногда дают весьма противоречивую оценку, вследствие чего однотипные действия взяткодателей квалифицируются по-разному.

¹ © Корниенкова М. Р., 2020.

Обвинительным приговором районного суда признаны оконченным преступлением и квалифицированы по ч. 2 ст. 291 УК РФ действия П., который во избежание составления протокола об административном правонарушении в помещении контрольного поста ДПС поставил на стол инспектору ГИБДД бутылку коньяка стоимостью 347 руб. Другим судом, по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 291 УК РФ, как неоконченное преступление, квалифицированы аналогичные действия Б., который с целью избежать административной ответственности за нарушение правил дорожного движения на протокол, составленный инспектором ДПС ГИБДД, положил 400 рублей. Б. было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 2 года и 6 месяцев [7].

В судебной практике также встречаются случаи, когда взятка передается за несколько различных деяний. Так, например, Оренбургский областной суд разъясняет, что за передачу взятки должностному лицу за незаконное бездействие (например, несоставление протокола об административном правонарушении) и непродолжение проведения проверки за правонарушение, то есть незаконное действие – разные поступки. Правильным будет квалификация именно по тому признаку, который имел место [4].

Приведем пример из судебной практики. Так, приговором № 22-1/2020 22-1429/2019 от 16 марта 2020 г. по делу № 1-11/2019 был оправдан осужденный по ч. 3 ст. 291 УК РФ гр. В., который ранее судом был осужден по факту того, что он, являясь студентом, осознавая незаконный характер своих действий, договорился с неустановленным лицом о том, что он выступит посредником в передаче взятки доценту кафедры, обладающему организационно-распорядительными функциями за проставление гражданину В. удовлетворительных оценок без фактической сдачи экзаменов по дисциплинам. Однако в процессе рассмотрения апелляционной жалобы гражданина В. ранее вынесенный приговор был отменен ввиду отсутствия события преступления [5].

Представляет интерес также в современных реалиях момент окончания дачи взятки с использованием электронных средств платежа. Некоторые ученые считают, что при переводе денежных средств на счет взяткополучателя и их поступлении туда преступление будет считаться оконченным [2, с. 23–28]. Другие же полагают, что момент окончания преступного деяния будет наступать при снятии взяткополучателем (либо посредником) средств со счета.

Так, например, апелляционным постановлением № 22-1380/2016 от 18 августа 2016 г. по делу № 22-1380/2016 были переквалифицированы действия гр. Ш. с ч. 1 ст. 291 УК РФ на ч. 1 ст. 291.2 УК РФ в связи размером взятки. Интерес представляют действия гр. Ш., которая получила смс сообщение от взяткополучателя о номер карты и лично путем перечисления денежных средств на счет совершила незаконные действия. Время перечисления денежных средств, а именно рабочее либо не рабочее у должностного лица, для квалификации содеянного значения не имеет [1].

Думается, что, хотя дача взятки и представляет собой преступление с формальным составом, но оконченным оно должно признаваться лишь с момента фактического получения передаваемого незаконного вознаграждения или его части должностным лицом. В случае же, если взяткополучатель не получил хотя

бы части взятки, а тем более, если был отказ должностного лица ее принимать, деяние пытающегося дать взятку должно быть квалифицировано по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 291 УК РФ, как покушение на дачу взятки.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Томского областного суда № 22-1380/2016 от 18.08.2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/G4m7r1DQnOUx/> (дата обращения: 20.09.2020).

2. Бабий, Н. А. О моменте окончания и стадиях получения взятки / Н. А. Бабий // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 4. – С. 23–28.

3. Кадников, Н. Г. К вопросу об ответственности за взяточничество / Н. Г. Кадников, В. А. Шафорост // Общество и право. – 2012. – № 1. – С. 115–118.

4. Обобщение практики рассмотрения районными и городскими судами оренбургской области уголовных дел о взяточничестве и иных преступлениях коррупционной направленности и о проблемных вопросах, возникающих при их квалификации, за период 2016 г. // URL: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php?id=541&name=docum_sud (дата обращения: 20.09.2020).

5. Приговор Тамбовского областного суда № 22-1/2020 от 16.03.2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/A5nuLNS2Dm5H/> (дата обращения: 20.09.2020).

6. Пудовочкин, Ю. Е. Получение взятки как корыстное преступление / Ю. Е. Пудовочкин // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 97–99.

7. Справка по результатам обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 285, 286, 290, 291 УК РФ за 2013 г. // URL: http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1389 (дата обращения: 20.09.2020).

8. ГИАЦ МВД России [сайт]. – URL:// <http://10.5.0.16/> (дата обращения: 20.09.2020).

Азизов Р. А.¹,

*аспирант факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В рамках данной статьи наибольший интерес представляет правовая регламентация института освобождения от уголовной ответственности в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Обращаясь к прошлому, стоит отметить, что до 1991 г. Республика Таджикистан входила в состав Союза Советских Социалистических республик [1, с. 120]. Таким образом, до распада СССР правовая регламентация института освобождения от уголовной ответственности была полностью идентична. Однако, сейчас в каждом из рассматриваемых государств действуют свои уголовные кодексы, анализируя которые можно выделить как схожие черты в правом регулировании, так и существенные различия.

Для начала стоит отметить, что ни УК РФ, ни УК РТ не предлагают законодательной регламентации понятия «освобождение от уголовной ответственности», что порождает в науке уголовного права множество различных мнений по данному вопросу. Так, под освобождением от уголовной ответственности понимается отказ компетентных государственных органов от применения мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших деяние, в котором присутствуют все признаки состава преступления [2, с. 217]. Таким образом, в случае отсутствия в деянии лица признаков конкретного состава преступления, предусмотренного уголовным законодательством, институт освобождения от уголовной ответственности не работает.

На основании вышеизложенного, можно предложить основные признаки освобождения от уголовной ответственности:

1. Освободить лицо от уголовной ответственности можно только до вынесения приговора по конкретному уголовному делу.
2. При освобождении от уголовной ответственности к подозреваемому (обвиняемому, подсудимому) не применяются меры уголовно-правового воздействия, в том числе наказание.
3. Освобождение от уголовной ответственности применяется в случае нецелесообразности применения мер уголовно-правового воздействия.

Таким образом, освобождение от уголовной ответственности – как юридический факт, в силу которого реализуется охранительное уголовное правоотношение и аннулируются взаимные права и обязанности субъектов такого правоотношения.

¹ © Азизов Р. А., 2020.

Как в УК РФ, так и в Уголовном кодексе РТ основания освобождения от уголовной ответственности предусмотрены 11 главами. В целом, данные главы схожи по содержанию [3, с. 73]. В данном факте проявляется основная схожесть правового регулирования рассматриваемого института.

Что касается видов освобождения от уголовной ответственности, то тут существуют определенные различия. Так, в Уголовном кодексе РТ предусмотрены следующие четыре вида освобождения от уголовной ответственности: деятельное раскаяние лица, совершившего преступление, примирение с потерпевшим, изменение обстановки, истечение срока давности [3, с. 74]. В свою очередь, УК РФ предусматривает пять видов освобождения от уголовной ответственности, среди которых выделяют: деятельное раскаяние лица, совершившего преступление, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба, назначение судебного штрафа и истечение сроков давности.

Таким образом, в кодексах анализируемых стран есть общие виды освобождения от уголовной ответственности, такие как: деятельное раскаяние лица, совершившего преступление, примирение с потерпевшим, истечение сроков давности. Отсутствуют в таджикском законодательстве такие виды освобождения от уголовной ответственности, как: возмещение ущерба и назначение судебного штрафа. Что касается изменения обстановки как вида освобождения от уголовной ответственности, то стоит отметить, что данный вид российский законодатель отменил в 2003 г., ранее данный вид был предусмотрен ст. 77 УК РФ.

Статья 72 УК РТ почти полностью дублирует ст. 75 УК РФ. Обе статьи посвящены такому виду освобождения от уголовной ответственности, как деятельное раскаяние. В первых частях указанных статей рассматриваются основные условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Среди них законодатели выделяют: преступление, совершенное впервые, преступление небольшой или средней тяжести, явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, возмещен ущерб или вред заглажен иным образом [3, с. 76]. Отличительной чертой УК РФ является то, что в нем указано, что вследствие деятельного раскаяния лицо, совершившее преступление, перестало быть общественно опасным.

Вторые части анализируемых статей являются полностью идентичными и делают акцент на преступлениях со всеми признаками, указанными в части первой, но относящимися к иным категориям. В данном случае законодатели обеих стран отсылают правоприменителя к статьям Особенной части Кодексов.

Следующим видом освобождения от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим. Данное основание предусмотрено ст. 73 УК РТ и ст. 76 УК РФ. Данные статьи являются абсолютно идентичными и предполагают, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред [3, с. 75].

Еще одним видом, который предусмотрен законодательством обеих анализируемых стран, является истечение сроков давности. Анализируя ст. 75 УК РТ и ст. 78 УК РФ также можно сделать вывод об их идентичности. Части первые данных статей регламентируют размеры сроков давности по различным категориям

преступлений. В российской Федерации и Республике Таджикистан они одинаковы: два года после совершения преступления небольшой тяжести, шесть лет после совершения преступления средней тяжести, десять лет после совершения тяжкого преступления, пятнадцать лет после совершения особо тяжкого преступления. Далее указаны правила исчисления сроков давности [3, с. 76].

Статья 74 УК РТ предусматривает такой вид освобождения от уголовной ответственности, как изменение обстановки. Стоит заметить, что данное основание существовало и в российском законодательстве, однако на данный момент Российский законодатель от него отказался. Согласно данному виду, если лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести впервые и если в ходе предварительного следствия установлено, что совершившее противоправное деяние лицо или совершенное им противоправное деяние перестало быть общественно опасным, то лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности [3, с. 77].

В свою очередь ст. 76.1 УК РФ предусматривает такой вид освобождения от уголовной ответственности, как возмещение ущерба. Данный вид имеет место при совершении преступлений в сфере экономической деятельности. Для освобождения от уголовной ответственности необходимы следующие условия: совершение преступления впервые; совершение преступления, предусмотренного ст.ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 УК РФ, либо преступления, указанного в перечне ч. 2 ст. 76.1 УК РФ; возмещение ущерба, перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения или дохода, полученного в результате совершения преступления, в объеме, предусмотренном ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, либо денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления. Ущерб складывается из суммы недоимки по налогам и сборам, соответствующей пени, а также суммы штрафа в размере, определяемом согласно законодательству.

Статья 76.2 УК РФ регламентирует правила освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Особенностью этого вида освобождения от уголовной ответственности является то, что рассматриваемый вид является условным, поскольку в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок освобождение отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Рассматривая вопрос специальных видов освобождения от уголовной ответственности, стоит сказать, что законодатели обеих стран идентично подходят к данному вопросу. Так, законодатели обеих стран создают примечания к статьям Особенных частей Кодексов, в которых предусматривают дополнительные условия освобождения от уголовной ответственности. Так, например, согласно примечанию к ст. 130 УК РТ и примечанию к ст. 126 УК РФ, лицо, добровольно

освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности. Подобная конструкция примечаний содержится в других статьях Особенных частей анализируемых Уголовных кодексов.

Статья 82 УК РТ и ст. 84 УК РФ регламентируют применение акта амнистии как вид освобождения от уголовной ответственности. Актом об амнистии лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности [3, с. 78]. Схожесть в правовом регулировании проявляется в том, что амнистия в обоих государствах объявляется в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Отличие состоит в том, что в России амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации, а в Таджикистане необходимо принимать Закон Республики Таджикистан о применении амнистии. Также, стоит отметить, что законодатель Республики Таджикистан дополнительно указывает на то, что акт амнистии распространяется на уголовно наказуемые деяния, совершенные до его принятия, российский законодатель об этом умалчивает.

Анализируя вопросы освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних стоит отметить, что в УК РФ данному вопросу посвящены три статьи (ст.ст. 90, 91, 92 УК РФ), а УК РТ – всего одна статья (ст. 90 УК РТ) [3, с. 78]. Однако, несмотря на это, оба законодателя идентично указывают на то, что если несовершеннолетний впервые совершает преступление небольшой или средней тяжести, то может быть освобожден от уголовной ответственности с применением к нему мер воспитательного характера. Сами меры воспитательного характера, как в России, так и в Таджикистане одинаковы, среди них законодатели выделяют: предупреждение, передачу под надзор родителей, ограничение досуга, возмещение причиненного преступлением вреда.

Проанализировав все вышеизложенное, стоит отметить, что в Уголовном кодексе РФ и Уголовном кодексе РТ в отношении правового регулирования института освобождения от уголовной ответственности имеются как схожие моменты, так и существенные отличия. Схожесть правового регулирования обусловлена тем, что оба государства ранее входили в состав Союза ССР, и после его распада законодатели кардинально не изменяли уголовные кодексы. Различия обусловлены свойственными политическими, экономическими и социальными аспектами развития рассматриваемых стран.

Библиографический список

1. Колесников, Р. В. Ретроспективный анализ института освобождения от уголовной ответственности и от наказания / Р. В. Колесников // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. – 2017. – № 3–1. – С. 118–123.
2. Панов, А. А. Проблемы законодательного регулирования освобождения от уголовной ответственности как формы уголовно-правового воздействия / А. А. Панов // *Социальная политика и социология*. – 2016. – № 10 (64). – С. 215–220.
3. Тайфуров, З. Освобождение от уголовной ответственности по Уголовному кодексу Республики Таджикистан / З. Тайфуров // *Вестник Таджикского Национального университета*. – 2014. – № 3–5. – С. 73–78.

Абдрахимова Э. О.¹,

*преподаватель кафедры подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
и подразделений по вопросам миграции*

*Центра подготовки сотрудников полиции для подразделений
по охране общественного порядка ВИПК МВД России*

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ НА СТАДИИ ДОСУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Фальсификация доказательств, предусмотренная ст. 303 УК РФ, является одним из видов преступлений против правосудия, закрепленных в главе 31 УК РФ. В нашей стране правосудие осуществляется судом. В уголовном праве под правосудием понимается деятельность не только судов, но и органов государственной власти, которые способствуют расследованию уголовных дел. В судебной статистике зафиксировано небольшое количество преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ. Так, в 2019 г. по указанной статье осуждено 28 лиц (2018 г. – 26), прекращены уголовные дела по иным основаниям в отношении 18 лиц (2018 г. – 10) [4]. О фальсификации доказательств в настоящее время мы слышим из средств массовой информации и почти все случаи публичного освещения сопровождаются негативными высказываниями в адрес правоохранительных органов. На практике довольно часто можно столкнуться с проблемами фальсификации доказательств. Выявление обстоятельств фальсификации доказательств вызывает определенные затруднения и вызывает много дискуссий в теории.

Актуальность вопросов, связанных с фальсификацией доказательств по уголовному делу, обуславливается общественной опасностью данного вида преступления, так как фальсификация доказательства по уголовному делу препятствует вынесению справедливого решения суда и может повлечь привлечение к уголовной ответственности невиновного лица или освобождение от уголовного наказания виновного.

Хотелось бы более подробно остановиться на проблемных аспектах ч. 2 ст. 303 УК РФ. Законодатель в диспозиции указанной статьи не определил, что же является фальсификацией. В теории уголовного права существует множество определений понятия фальсификации. Одни ученые считают, что фальсификация доказательства – это искажение фактических данных, которые являются доказательствами, имеющих существенное значение для разрешения дела [7, с. 582]. Другие утверждают, что фальсификация доказательств – подделка, подмена подлинных видов доказательства ложными, не соответствующими истине. Л. В. Лобанова, считает, что фальсификация включает в себя помимо уничтожения доказательства, его изъятие из уголовного дела [3, с. 162]. По нашему мнению, фальсификация – это любое изменение, а также изготовление не под-

¹ © Абдрахимова Э. О., 2020.

линного носителя информации, признанного доказательством, в том числе и изъятие доказательства из уголовного дела, которое может сопровождаться или не сопровождается заменой на искаженное или не соответствующее действительности.

Непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность суда, прокуратуры, органов предварительного следствия и дознания, а дополнительным объектом являются интересы потерпевшего, обвиняемого. Также в диспозиции данной части статьи в качестве обязательного признака включен предмет фальсификации. К нему относятся письменные и вещественные доказательства. Необходимо обратить внимание, что сфальсифицировано может быть только то, что является доказательством: это вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы. Таким образом, подделка каких-либо процессуальных документов, не являющихся доказательством, может квалифицироваться по ст. 327 УК РФ.

Виды фальсификации в настоящее время очень разнообразны, так например: внесение ложных сведений в уже составленный протокол путем подделки, подчистки, изготовление ложного по содержанию процессуального документа или с частичной заменой листов протоколов или постановлений, а также составление протокола без проведения следственного действия, внесение в протокол следственного действия данных об участнике следственного действия, который фактически участия в нем не принимал, подделывание заключений экспертов, ответов из организаций, предоставляемых по запросу.

Объективная сторона выражается в форме действий. В. Н. Кудрявцев считает, что объективная сторона выражается в таких действиях, как искажение, уничтожение, сокрытие либо искусственное создание доказательств [6, с. 453]. Мы полагаем, что можно также говорить о форме в виде бездействия. Примером такого бездействия может быть ситуация, когда следователь на допросе свидетеля или обвиняемого не вносит в протокол допроса важные данные или информацию, которые могут повлиять на дальнейшее рассмотрение уголовного дела в суде. Но если рассматривать диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ, где субъектом может являться защитник, то затруднительно представить какие могут быть примеры бездействия со стороны защитника при фальсификации доказательств по уголовному делу.

Состав преступления является формальным, то есть наступление юридически значимых последствий не требуется. Когда данное преступление считается оконченным, в теории уголовного права существует много дискуссий. Так, существуют мнения, что преступление окончено с момента представления в органы предварительного следствия или дознания фальсифицированных доказательств, независимо от того сыграли они или нет какую-либо роль при рассмотрении дела [2, с. 589]. Другие утверждают, что момент окончания преступления – с момента приобщения фальсифицированного доказательства к материалам уголовного дела. И данное утверждение, по нашему мнению, является более точным, так как только после приобщения материалы уголовного дела становятся доказатель-

ствами, а если защитник вносит ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела фальсифицированного доказательства, то его действия могут квалифицироваться как покушение на фальсификацию доказательства.

Субъектом, согласно диспозиции, является лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник. По поводу субъектов указанного преступления в теории существуют разные точки зрения. Так, например, одни ученые в качестве субъектов выделяют первых трех лиц, так как уголовное дело находится в их производстве и они наделены полномочиями по проверке доказательств. Однако, такое нельзя сказать про защитника, так как у него отсутствуют какие-либо полномочия по проверке доказательств. Получается, что уголовная ответственность может наступить у защитника за действие, выраженное в ходатайстве о приобщении доказательств, которые являются ложными. Дискуссию также вызывает и необходимость включения в диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ таких субъектов как эксперт и специалист. Так, А. В. Яшин указывает данных субъектов, которые имеют возможность исказить содержание первоначальных доказательств, на основании которых проводится экспертиза или дается заключение [8, с. 253]. С его позицией нельзя не согласиться, так как действительно на практике, когда к эксперту попадают материалы для экспертизы, у него есть возможность сфальсифицировать доказательства, а потом провести экспертизу.

Субъективная сторона данного преступления выражается только в виде прямого умысла. То есть субъект преступления осознает общественную опасность, предвидит возможность наступления или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ, является преступлением средней тяжести. Выявить фальсификацию на практике достаточно трудно. Это обуславливается тем, что сфальсифицировать доказательства по уголовному делу следователь или дознаватель может уже после ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, а при рассмотрении судом уголовного дела могут полностью не исследоваться доказательства, например, при рассмотрении уголовного судом дела в особом порядке, либо по ходатайству следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Отсюда также следует, что к ответственности за фальсификацию доказательств чаще всего привлекаются субъекты преступления, по заявлению лиц, чьи права и законные интересы нарушены.

В 2020 г. рассматривается вопрос о повышении уголовной ответственности и признании фальсификации доказательств по ч. 2 ст. 303 УК РФ тяжким преступлением [5]. Мы придерживаемся той позиции, что повышение ответственности субъекта преступления не принесет нужного вклада в минимизацию преступлений, связанных с фальсификацией доказательств. Необходимо не повышать уголовную ответственность, а пресекать и выявлять случаи фальсификации доказательств, а сделать это можно путем более тщательной проверки органами прокуратуры и суда материалов уголовного дела при его изучении, обращать внимание на какие-либо исправления в материалах уголовного дела, проверять данные об участниках следственных действий, также в суде осуществлять до-

прос свидетелей, а не зачитывать протоколы допросов свидетелей на предварительном следствии. Эти меры повысят эффективность в установлении фактов фальсификации доказательств.

Таким образом, в настоящее время остается ряд проблем, которые влекут латентность деяний, среди них отсутствие четкого понимания самого понятия фальсификации доказательства, их признаков, установления момента окончания преступления, а также спорные вопросы по определению субъектов указанного преступления. Все перечисленные проблемы снижают эффективность в выявлении фальсификации доказательств по уголовному делу и требуют научной проработки и корректировки нормы уголовного закона.

Библиографический список

1. Благодарь, И. С. Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. С. Благодарь. – 221 с.
2. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 6-е изд., перераб и доп. – М., 2009. – 960 с.
3. Лобанова, Л. В. преступления против правосудия: проблемы квалификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. докт-ра юрид. наук. – Казань, 2000.
4. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 и 2019 гг. – URL: <https://www.cdep.ru> (дата обращения: 29.09.2020).
5. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2020).
6. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 543 с.
7. Уголовное право Российской Федерации : учебник / под общей ред. И. А. Бобракова, А. А. Телегина. – Брянск : МосУ МВД России, 2008. – 627 с.
8. Яшин, А. В. Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства : дис. докт. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Яшин. – Саратов, 2018. – 486 с.

Поляков В. Ю.¹,

преподаватель кафедры тактико-специальной,

огневой и физической подготовки

Московского областного филиала

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗНАЧЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДЛЯ ПРАВИЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Обеспечение законной и справедливой уголовно-правовой оценки посягательств на безопасность дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, является одним из важнейших направлений правоприменительной деятельности. Однако зачастую применительная практика складывается в результате попыток судов разграничить составы, смежные с дорожными преступлениями, выглядит неоднозначно. Обусловлено это наличием проблем, связанных с бланкетностью правовых норм, недостаточностью толкования необходимых понятий или вовсе их отсутствие в законодательных актах и, как мы считаем, не качественным подходом к определению места преступления.

Бесспорно, подход, обеспечивающий единообразность в вопросах квалификации действий дорожных преступников эффективно воздействует на безопасность дорожного движения в целом.

Статья 264 содержит в себе ряд переменных признаков состава преступления (бланкетные и отсылочные). Бланкетных признаков относительно отсылочных в рассматриваемом составе преступления больше. Например, определение таких понятий как «дорожное движение» и «дорога», в пределах которой совершаются преступления, предусмотренные ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения» (далее – ПДД РФ) и в Федеральном законе от 10.12.1995 № 196 «О безопасности дорожного движения».

«Дорожное движение» – это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог [4]. В свою очередь «дорога» – это обустроенная или приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли либо поверхность искусственного сооружения. Соответственно, в определении понятия «дорога» содержится две конструкции: первая строится на принципе обустроенности (обустроенность подразумевает под собой наличие дорожных знаков, дорожной разметки, обочины и т. д.), вторая строится на принципе приспособленности (приспособленность представляет собой,

¹ © Поляков В. Ю., 2020.

например, наличие образованной в результате систематического движения по одному и том же месту колеи на участке местности).

В судебной практике с оценкой таких категорий, как «дорога», а именно «приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли» зачастую возникают трудности. Итак, рассмотрим на примерах из судебной практики наиболее часто встречающиеся подходы к определению места преступления, как элемента объективной стороны данного вида преступлений.

Так, 14.10.2018 С. А. Родин, находясь в лесном массиве, вне дороги, управлял трактором, нарушая п. 22.8 ПДД РФ, осуществлял перевозку в кузове трактора А., находящегося в состоянии алкогольного опьянения. В нарушение п. 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, не выбрал безопасную скорость для движения, в результате допустил опрокидывание трактора. Сидящий в кузове трактора А. выпал из кузова и был придавлен трактором, вследствие чего скончался. Действия С. А. Родина суд квалифицирует по ч. 1 ст. 109 УК РФ [7]. В данном случае суд без каких-либо обоснований решил, что преступное событие было совершено вне дороги и положения ПДД РФ на указанный участок не распространяются.

В качестве следующего примера можно привести решение Сергиево-Посадского Городского Суда [5], который в приговоре по уголовному делу № 1-39/2016 от 10.2016 ссылается на конкретные мотивы принятого решения о квалификации действий О. В. Филина по ч. 1 ст. 109 УК РФ, а не ч. 4 ст. 264 УК РФ. Так, О. В. Филин, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения следовал по полю. В пути по ходу движения автомобиля не заметил лежащую женщину и совершил на нее наезд. В результате наезда женщина скончалась. Оценив исследованные по делу доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу о доказанности виновности подсудимого в совершении преступления, изложенного в описательной части приговора, и его действия в соответствии с предложением гос. обвинителя считает необходимым переqualифицировать со ст. 264 ч. 4 УК РФ на ст. 109 ч. 1 УК РФ. При этом суд исходит из того, что, в соответствии с п. 1.2 ПДД РФ, дорогой является в т. ч. приспособленная и используемая для движения транспортных средств полоса земли. Однако в данном случае суду не представлено достаточных объективных доказательств того, что участок поля, по которому двигался подсудимый, был приспособлен для движения транспортных средств.

Еще одной версией правоприменения является идея о универсальности правил дорожного движения, то есть, если транспортное средство используется для перевозки людей или грузов водитель обязан соблюдать универсальные правила дорожного движения и эксплуатации транспортного средства независимо от места движения. Так, из материалов апелляционного постановления Московского областного суда от 21.02.2017 [6] следует, что Лазарев, управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения совершил наезд на лежащего на Киреева, который от полученных травм скончался. Автор апелляционного представления считает, что Лазарев использовал транспортное средство не по назначению, не для передвижения, а для организации своего досуга, что не регулируется ПДД РФ. Более того, автор указывает в представлении, что действия Лазарева,

управляющего транспортным средством, не противоречили Правилам дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, им было допущено иное нарушение иных правил предосторожности, не относящихся к безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и поэтому его действия не могут быть квалифицированы по ст. 264 УК РФ. Суд апелляционной инстанции указал следующее: из обвинения следует, что автомашина использовалась Ю. А. Лазаревым в качестве транспортного средства, поэтому водитель обязан соблюдать универсальные правила движения и эксплуатации транспортного средства независимо от места движения.

Далее, в качестве примера, рассмотрим апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан [1], в котором сделан акцент на таком признаке, как наличие данных о техническом учете того или иного участка местности, на котором совершено преступление. Из обстоятельств дела следует, что Романова, находясь вне дороги в поле за селом, управляя транспортным средством, совершила наезд на потерпевшего, в результате чего последний скончался на месте. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и указал, что довод апелляционной жалобы о том, что действия Романовой подлежат квалификации по ч. 4 ст. 264 УК РФ, является необоснованным. Согласно техпаспорту автодорог участок земли, находящийся в 53 метрах от проезжей части, не является дорогой или прилегающей территорией, соответственно правила дорожного движения на ее действия не распространялись. Поэтому суд обоснованно квалифицировал ее действия по ч. 1 ст. 109 УК РФ.

В заключение хотелось бы обратить внимание на фактические данные, полученные из анализа судебной практики. Решая вопрос об уголовной ответственности виновного нарушителя правил дорожного движения, суды неоднозначны и используют следующие подходы к определению места совершения преступления.

При отсутствии элементов обустроенности (например, наличие дорожных знаков, дорожной разметки, обочины и т. д.) полностью игнорируют без каких-либо дополнительных объяснений конструкцию приспособленности поверхности земли, относя место совершения дорожного преступления к категории «вне дороги». По-нашему мнению, такие участки земли рассматривать с позиции обустроенности недопустимо, но при этом категорически нельзя исключать конструкцию «приспособленности». От правильного определения места совершения преступления в каждом конкретном случае зависит квалификация деяния и пределы уголовной ответственности.

При отсутствии элементов обустроенности суды принимают во внимание предоставленные доказательства, подтверждающие факт приспособленности участка земли для движения транспортных средств. В случае отсутствия указанных доказательств суд принимает решение о рассмотрении места совершения преступления как категорию «вне дороги». По нашему мнению, суды, принимая такое решение, поступают верно, поскольку тем самым они реализуют принцип презумпции невиновности¹ [2], согласно которому все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены, толкуются в пользу обвиняемого.

¹ Статья 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Необходимо в каждом конкретном случае устанавливать, в каких целях использовалось транспортное средство. При использовании его по прямому назначению (перевозка людей или грузов) любой выбранный для этого участок целесообразно понимать как приспособленный для движения участок местности, то есть дорога, и соблюдение универсальных правил дорожного движения является обязательным, независимо от места движения. В другом случае, когда транспортное средство используется для иных целей, в целях развлечения (например, использование автомобиля для тюбинга¹) целесообразно говорить о выбранном для таких целей участке поверхности земли как о категории, относящейся к понятию «вне дороги».

Решать вопрос о том, к какой категории следует отнести место совершения дорожного преступления, необходимо принимая во внимание данные о техническом учете рассматриваемого участка поверхности земли. По нашему мнению, такой подход к решению обозначенных трудностей в правоприменении не подходит. В соответствии с ГОСТ 33388-2015 [3], технический учет автомобильной дороги – это систематический сбор данных о технических и эксплуатационных характеристиках автомобильной дороги для составления и ведения технического паспорта автомобильной дороги. Разграничивать составы преступления, предусмотренные ст. 109 УК РФ и соответствующей частью ст. 264 УК РФ, принимая во внимание ранее указанный ГОСТ для отнесения участка местности, на котором совершено преступление, к категории «дорога» недопустимо, поскольку функциональное предназначение государственного стандарта – создание благоприятных и безопасных условий для дорожного движения, отвечающих необходимым требованиям, а не регулирование отношений в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Более того, произвести учет каждой приспособленной для движения транспортных средств полосы земли на территории нашего государства не представляется возможным из-за ее размеров.

Во всех подобных случаях перед судом встает вопрос о квалификации деяния виновного лица либо по ст. 109 УК РФ, либо соответствующей части ст. 264 УК РФ, что напрямую зависит от того, к какой категории суд отнесет место преступления. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 109 УК РФ относится к категории преступлений небольшой тяжести с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок не более двух лет. В то время как преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 264 УК РФ, относится к категории тяжких преступлений, с назначением максимального наказания в виде лишения свободы на срок до 12 лет. Следует отметить, что нахождение лица в состоянии опьянения для квалификации деяния лица по ст. 109 УК РФ особого значения не имеет, чего нельзя сказать про состав преступления, предусмотренный ст. 264 УК РФ. В этом случае законодатель подходит к решению вопроса об уголовной ответственности

¹ Тюбинг – это вид активного отдыха, заключающийся в использовании подушки, выполненной из прочного скользящего материала и наполненной газом (например кислородом) посредством скатывания с горы или перемещения за счет буксировки наземными транспортными средствами (автомобилями, снегоходами, квадроциклами).

за данное преступление более дифференцированно. Если виновное лицо находилось в состоянии опьянения, то деяние необходимо квалифицировать по п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ с максимально предусмотренным наказанием в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет.

Для реализации уголовно-правового принципа справедливости и с целью назначения в конечном итоге более справедливого наказания правоприменителю необходимо целостно и всесторонне рассматривать каждое преступное событие, чтобы правильно определять место данного вида преступлений, имеющее кардинально важное значение для каждой из сторон уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правоотношений.

Библиографический список

1. Апелляционное постановление Верховного Суда республики Башкортостан от 13 декабря 2016 г. № 22-11237/2016 по делу № 22-11237/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Vr6oOvcj1qHN/> (дата обращения: 26.10.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-34481/ (дата обращения: 04.11.2020).
3. Межгосударственный стандарт «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к проведению диагностики и паспортизации» № 33388 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200135143> (дата обращения: 27.10.2020).
4. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196 «О безопасности дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Приговор № 1-39/2016 1-630/2015 от 10 марта 2016 г. по делу № 1-39/2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/LwPTPN4NFO11/?page=2®ular-court=Сергиево-Посадский+городской+суд+%28Московская+область%29&-regulardate_from=10.03.2016®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=®ularworkflow_stage=®ulardate_to=10.03.2016®ulararea=1012®ular-txt=&_=16-03354595869®ular-judge (дата обращения: 21.10.2020).
6. Апелляционное постановление № 22-1260/2017 от 21 февраля 2017 г. по делу № 22-1260/2017 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/R0qPWC0zIdxq/> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Приговор № 1-1-256/2018 1-1-33/2019 от 23 января 2019 г. по делу № 1-1-256/2018 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/rjQNBc8BoMWr/?regulartxt=-®ularcase_doc=®ularlawchunkinfo=®ulardate_from=23.01.2019®ularate_to=23.01.2019®ularworkflow_stage=®ulararea=1024®ularcourt=Собинский++городской+суд+%28Владимирская+область%29®ularjudge=&_=1603284767485 (дата обращения: 21.10.2020).

Горяева А. Ю.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКИХ КАРТ СОТРУДНИКАМИ БАНКОВ

Становление информационного общества, развитие компьютерных технологий, компьютеризация производства и диджитализация банковского сегмента привели к повышению роста хищений денежных средств с банковских карт. Так, Судебным Департаментом России представлены статистические данные, согласно которым в 2019 г. вынесены обвинительные приговоры по краже денежных средств – 136 624, из которых по ст. 158 ч. 3 п. «г» – 6 378, также по ст.ст. 159, 159.1–159.6 – 21 057 [7]. Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации также неутешительна: так, в августе 2020 г. 36 % от общего числа преступлений составляют кражи, из которых 23,3 % – это преступления, совершенные с использованием информационных технологий [6]. При этом по общим подсчетам рынок безналичного ритейла составил: в 2017 г. – 1,0356 триллиона рублей; в 2018 г. – 1,172 триллиона рублей; прогноз на 2019 г. – при приросте от 13–19 % составит 1,32–1,39 триллионов рублей, а в 2020 г. – 10 триллионов рублей [5].

Нехватка кадров, недостаточный уровень предъявляемых требований к отбору банковских служащих, пробелы в системах электронной безопасности банков, а также недостатки в компьютерных программах, обеспечивающих проведение безналичных расчетов, создали благоприятную среду для роста хищений с банковских карт и иных платежных документов [1]. Так, в практике встречаются случаи, когда сотрудники банка, пользуясь служебным положением, указывают персональные данные граждан, не желающих получения кредита, вводя в заблуждение уполномоченного на принятие решения о выдаче займа работника кредитной организации, оформляют пластиковую карту, активируют и впоследствии производят оплату каких-либо товаров или услуг.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Новосибирска В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159.3 УК РФ. В судебном заседании установлено, что в период с 07.05.2013 по 27.08.2013 менеджер по продажам ОАО «Сбербанк России» В. в рабочее время, находясь на рабочем месте, используя свое служебное положение, имея доступ к электронной базе данных клиентов ОАО «Сбербанк России», подписал от имени ряда клиентов этого банка в их отсутствие заявления на получение кредитных карт, сформировал досье на получение займа, после чего получил от имени клиентов кредитные карты с предодобренным лимитом денежных средств вместе с

¹ © Горяева А. Ю., 2020.

ПИН-кодами к ним, необходимыми для их активации и обналичивания денежных средств, тем самым получив возможность распорядиться лимитом доступных к использованию денежных средств в крупном размере в общей сумме 3 886 000 рублей в личных корыстных целях [9].

На наш взгляд, совершение сотрудниками банков подобных преступлений несут большую угрозу для общества и наносят вред банковской системе Российской Федерации. Так, по социальному опросу у граждан снизилось доверие к банкам на 58 % в 2019 г., особое недоверие вызывает Сбербанк России [4], в связи с чем считаем целесообразным более подробно изучить правовой статус сотрудника банка, его функционал. В соответствии с типовой должностной инструкцией операциониста банка в обязанности последнего входят: осуществление расчетных операций, переводов денежных средств по банковским счетам на основании распоряжений клиентов, открытие, ведение и закрытие счетов, осуществление проверки правильности оформления расчетных (платежных) документов, осуществление операции по зачислению или списанию денежных средств со счета клиента в автоматизированной системе, регистрация клиента в автоматизированной системе для открытия счета, идентификация владельца счета, работа с персональными данными [10].

В соответствии со ст. 857 ГК РФ, банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, а также операций по счету и сведений о клиенте. Таким образом, на наш взгляд, сотрудники банков помимо злоупотребления служебными полномочиями, незаконно используют сведения, которые являются банковской тайной.

В соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ, под должностным лицом понимается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

К организационно-распорядительным функциям согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. На наш взгляд, функции по принятию решения об оформлении кредитной карты, составления досье на получение займа относятся к организационно-распорядительным функциям, однако рядовые сотрудники банка не обладают полномочиями по управлению трудовым коллективом.

К административно-хозяйственным функциям согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» относятся полномочия должностного

лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций.

ПАО «Сбербанк России» является акционерным обществом, регулятором которого выступает Правительство Российской Федерации, также Правительство Российской Федерации является основным акционером ПАО «Сбербанк России», его доля составляет 50 % акций +1 акция.

Таким образом, на наш взгляд сотрудники Сбербанка России наделены всеми признаками должностного лица и по сути могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ.

Однако, как справедливо отмечает В. И. Динека, «раскрывая проблему должностного преступления и должностного лица, крайне важно установить, какие конкретно отношения претерпевают вред: отношения между представителем власти и субъектом в лице гражданина, юридического лица (предприятие, хозяйствующий субъект) либо отношения между должностным лицом и субъектом в лице органа власти или управления, в котором работает должностное лицо. От правильного ответа на данный вопрос зависит точное определение объекта преступного посягательства» [3].

При совершении хищения денежных средств с банковского счета держателей карт сотрудником банка посягательство направлено на право собственности, в связи с чем действия сотрудников банка квалифицируются по ст. 158 ч. 3 п. «г» УК РФ. При совершении таких преступлений сотрудниками банков в США последние привлекались бы к уголовной ответственности по ст. 1029 Уголовного кодекса США и ст. 224.6, а также за злоупотребление служебными положениями.

Учитывая изложенное, считаем необходимым увеличить уголовную ответственность сотрудникам банков, так как преступные действия последних наносят вред не только владельцам банковских счетов, карт, но и банковской системе в целом.

Библиографический список

1. Горяева, А. Ю. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковских карт и иных платежных документов / А. Ю. Горяева // Криминологический журнал. – 2018. – № 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп. вступившими в силу с 31.12.2018). – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.09.2020).
3. Динека, В. И. Особенности правового положения должностного лица и представителя власти / В. И. Динека // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5.
4. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/doverie-rossiyan-k-bankam-v-2019-godu-snizilos-do-58percent-mfo-doveriyayut-lish-4percent-opros-nafi-1028568206> (дата обращения: 21.09.2020).
5. Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. – URL: https://www.iep.ru/files/-Nauchnyy_vestnik.ru/9-2018/9-2018.pdf (дата обращения: 21.09.2020).
6. Официальный сайт Портала правовой статистики. – URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 21.09.2020).

7. Официальный сайт Судебного Департамента России. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5258> (дата обращения: 21.09.2020).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // URL: <https://rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html> (дата обращения: 21.09.2020).
9. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 26 августа 2014 г. по делу № 1-39/2015. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/ejbXHqxArFVE> (дата обращения: 21.09.2020).
10. СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.-cgi?req=doc&ts=156895871808362012914585361&cacheid=0C7916AAF16D6F6CD7C9D085CB877C83&mode=splus&base=DOF&n=59856&rnd=15E10C607D19EBA6CD6F1A72E92131B40#a0ioev8gka0> (дата обращения: 21.09.2020).

Иевлева А. А.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ НАЛИЧИЯ ЛИБО ОТСУТСТВИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ)

В ст. 8 УК РФ говорится, что основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

Когда решается вопрос о возбуждении уголовного дела по доведению до самоубийства, перед сотрудниками, осуществляющими предварительное расследование, возникает необходимость проведения ряда следственных действий с целью выявления всех элементов состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

В теории уголовного права уже сформировались различные точки зрения относительно классификации причин совершения потерпевшим самоубийства или покушения на его совершение.

Ю. А. Уколова пишет, что непосредственной ближайшей причиной совершения самоубийства является возникающий в сознании человека «тупик» – бессмысленность своего существования, невозможность выйти из сложившихся обстоятельств [7, с. 19]. Чаще всего депрессивное состояние человека, который отчаялся, приводит его к совершению самоубийства, в некоторых случаях, не без участия посторонних лиц, которые могли угрожать потерпевшему, жестоко обращаться с ним, систематически унижать его достоинство, воспользовавшись его состоянием.

Среди причин Ю. А. Уколова выделяет:

- снижение уровня культуры общества;
- утрату общепринятых ценностей и веры;
- резкое социальное расслоение;
- информационный негативизм;
- пропаганду невосприятия чужой боли и страданий;
- общее униженное положение населения;
- состояние незащищённости [7, с. 17].

Иной перечень причин самоубийства дает В. Б. Хатуев. К самоубийству могут подтолкнуть, например, неуверенность в будущем в условиях неудовлетворительного экономического, нравственного, семейного положения конкретной личности; ненадлежащая организация государством оказания социальных услуг населению; чрезмерная бюрократизация.

¹ © Иевлева А. А., 2020.

К числу распространенных причин доведения до самоубийства среди несовершеннолетних относятся – конфликты с одноклассниками и в семье, насилие в неблагополучных семьях по отношению друг к другу, что может довести несовершеннолетнего до самоубийства.

Основная причина самоубийств военнослужащих – насилие как со стороны начальствующего состава, так и сослуживцев [8, с. 23].

Е. К. Волконская выделяет следующие детерминанты доведения до самоубийства:

- пороки семейного воспитания;
- социальное расслоение;
- алкоголизация и наркотизация молодежи;
- распространенность в обществе представлений о допустимости насилия (как физического, так и психологического) для решения различных жизненных задач, в том числе в быту;
- нереагирование граждан на факты применения насилия, иного аморального или противоправного поведения, оставление потерпевшего без помощи в опасной ситуации;
- провоцирующие на конфликты взаимоотношения в семье, в школе, с сослуживцами и др. [3, с. 102].

Так, в период с 1998 г. по 7 августа 2012 г., гражданин Н., проживающий в гражданском браке с гражданкой Ж., на почве личных неприязненных отношений систематически унижал человеческое достоинство последней, постоянно оскорбляя ее грубой нецензурной бранью, в том числе в присутствии посторонних лиц и их совместных детей.

В результате указанных противоправных действий Ж., находясь в вечернее время дома, в состоянии сильной эмоциональной напряженности, вызванной длительной психотравмирующей ситуацией ввиду жестокого обращения с ней Н., выраженного в систематическом причинении ей телесных повреждений и систематического унижения человеческого достоинства, в том числе в присутствии посторонних лиц и их совместных детей, предприняла попытку покончить жизнь самоубийством через повешение. Однако покушение на самоубийство было пресечено действиями ее сестры.

Подсудимый Н. вину по предъявленному обвинению не признал и показал, что угроз убийством не высказывал. На протяжении совместной жизни в ходе ссор не оскорблял, не унижал, телесных повреждений не наносил, потерпевшая и свидетели его оговаривают по неизвестной ему причине.

Несмотря на непризнание вины самим подсудимым Н., его вина нашла свое подтверждение в ходе исследования доказательств в судебном заседании. Так, к примеру, из показаний потерпевшей Ж. следует, что она сожительствует с Н., который своими действиями довел ее до отчаяния, она чувствует свою униженность, стыд и безысходность, в связи с этим не видит смысла дальнейшей жизни, Н. постоянно роняет ее самооценку в глазах детей путем избиений, оскорблений и угроз. Так, в один из вечеров он снова начал ее оскорблять, схватил за шею,

прижал к стене, ей стало не хватать воздуха, она вырвалась и попыталась убежать, однако Н. вновь схватил ее, надел на голову ведро и стал руками наносить удары по ведру. Затем схватил лом, перекинул его через шею потерпевшей и стал прижимать ломом к себе, при этом высказывал угрозу убийством, которую Ж. восприняла реально, опасаясь за свою жизнь, после чего потеряла сознание. Очнувшись, Ж. впала в глубокое отчаяние и решила покончить жизнь самоубийством. Суд признал Н. виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 119 и ст. 110 УК РФ [5].

Решение вопроса о возбуждении уголовного дела зависит от того, как дознаватель или следователь, рассматривая фактические обстоятельства и признаки состава доведения до самоубийства, стремится установить не только их тождество или различие, но и доказательства отношения того или иного субъекта к факту самоубийства. Часто, не обнаружив признаки жестокого обращения подозреваемого с жертвой, следователь выносит отказ о возбуждении уголовного дела по ст. 110 УК РФ. Однако, помимо жестокого обращения, законодатель предусматривает иные способы доведения до самоубийства: угрозы или систематическое унижение человеческого достоинства, которые в свою очередь должны быть причиной решения жертвы уйти из жизни. Эти способы весьма трудно доказуемы, в отличие от жестокого обращения, но, тем не менее, как совершенно справедливо отмечали Ю. А. Красиков и А. Н. Игнатов, они посягают на безопасность жизни другого человека, рассматриваемые деяния характеризуются исключительной безнравственностью, циничным отношением к достоинству, душевному состоянию другого человека [6, с. 64]. При наличии данных о таких действиях подозреваемого необходимо учитывать доктринальное и судебное толкование, т. к. эти способы являются оценочными понятиями и требуют тщательного анализа фактических обстоятельств. Например, в 2007 г. после долгого разбирательства Красносельский суд Петербурга вынес решение по делу учительницы В.Н. – она была приговорена к четырем годам условно; кроме того, должна была выплатить пострадавшим 300 тысяч рублей. В.Н. признали виновной в доведении до самоубийства ученика Романа Лебедева. В 2005-м четырнадцатилетний Роман покончил с собой, бросившись под поезд. В предсмертной записке он утверждал, что не может больше терпеть унижения со стороны своей классной руководительницы. Сама учительница свою вину полностью отрицала. По мнению следствия, в этой истории были и другие пострадавшие: по крайней мере, двое одноклассников Романа Лебедева подтвердили, что учительница Новак оскорбляла и унижала детей (всего следствие доказало 15 эпизодов избивания детей и оскорблений в их адрес). Помимо приговора учительнице суд вынес частное определение: в школе царит нездоровая, пагубно влияющая на психическое здоровье детей обстановка [9].

Поиск признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, в фактически совершенном деянии осуществляется, как правило, путем опросов лиц, с которыми потерпевший жил, общался, вел совместную деятельность. Это могут быть родственники, соседи, коллеги, друзья и знакомые. Особое внимание следует обратить на наличие угроз, выраженных

устно или письменно (в том числе и электронных сообщений), насмешек, неоднократных публичных оскорблений и унижений, следов применения насилия и иного жестокого обращения, пыток, грубых придировок, предвзятого отношения, требований выполнения незаконных действий.

Помимо опросов важно собрать характеристики с мест работы, службы, проживания, учебы, секций и прочих мест, которые посещал потерпевший. Запросить справки из психоневрологического и наркологического диспансеров о том, не состоял ли потерпевший на учете. Изучить переписки, чаты и группы, в которых состоял потерпевший, что он писал, какой характер общения носят переписки. Какие книги читал, какие фильмы предпочитал, вел ли личный дневник.

При анализе материалов проверки по таким случаям важное место занимают мотивы совершения самоубийства или попытки их совершения. Мотив – это внутренне побуждение человека к совершению определённых действий. Выясняя мотив действий жертвы, с целью получения нужных доказательств необходимо давать оценку самой личности потерпевшего с точки зрения психического состояния, длительности негативного воздействия на него и реакции окружающих. Например, в 2014 г. в Ростовской области свекровь получила шесть месяцев колонии за доведение невестки до самоубийства. Жительница Песчанокского района Ростовской области Н. после свадьбы сына осталась жить вместе с молодой семьей. Как выяснило следствие, на протяжении почти двух лет (с апреля 2012 по июнь 2014 г.) этой сложной семейной жизни Волошина постоянно унижала невестку: оскорбляла ее, нецензурно бранила, требуя, чтобы женщина отказалась от родительских прав на собственного ребенка. По сообщениям прокуратуры, Н. также неоднократно предлагала невестке свести счеты с жизнью, чем «ввела ее в состояние острой безвыходности», которое, как выразилась старший помощник прокурора Ростовской области, «возникло на фоне хронического и постоянно нарастающего психического напряжения». В результате 6 июня 2014 г. невестка Н. не выдержала травли и повесилась в своем доме [9].

Мотивы могут быть не обязательно криминальной направленности. Человека могут подтолкнуть к самоубийству и иные причины: неудачи на работе, семейные неурядицы, чрезмерная утомленность, постоянные конфликты с руководителем или коллегами, наличие неизлечимой болезни и т. д. Например, в ходе одной проверки установлено, что гражданка Л. покончила жизнь самоубийством. 29 марта 2009 г. в следственный отдел по Октябрьскому району г. Саратова СУ СК при прокуратуре Российской Федерации по Саратовской области поступило сообщение о том, что из окна 8-го этажа дома по ул. Белоглинская г. Саратова выпал человек и упал на крышу магазина «Пятерочка». Труп женщины был обнаружен на крыше магазина, расположенного в пристройке к первому этажу многоэтажного дома, с множественными телесными повреждениями, характерными для падения с большой высоты. Погибшей оказалась гражданка Л., 1943 г.р., которая проживала в указанном доме. В ходе осмотра квартиры Л., было обнаружено открытое окно, точно под которым лежал труп. В зале указанной квартиры обнаружена предсмертная записка, в которой Л. просит никого не винить в ее смерти. Следов борьбы, сопротивления, беспорядка в квартире обна-

ружено не было. По данному факту следственным отделом по Октябрьскому району г. Саратова проведена проверка, в ходе которой оснований для возбуждения уголовного дела не выявлено. Установлено, что погибшая страдала психическим заболеванием и ранее высказывала мысли о самоубийстве, но таких попыток не предпринимала. В ходе проведенной проверки фактов, свидетельствующих о применении насилия, систематического унижения и иных действий, направленных на доведение Л. до самоубийства выявлено не было. 31 марта 2009 г. по факту суицида гражданки Л. принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т. е. за отсутствием события преступления. Законность принятого решения проверена прокуратурой района [4].

В следственной практике порой единственной зацепкой по выявлению мотивов самоубийств могут стать предсмертные записки потерпевших. Конечно, их наличие может свидетельствовать о доведении потерпевшего до самоубийства, но не всегда записку можно обнаружить при осмотре места происшествия, и не всегда информация, содержащаяся там, может иметь уголовно-правовое значение и вообще быть действительной.

Состав преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, сложный по своей структуре, весьма непростой сам процесс доказывания наличия либо отсутствия объективных и субъективных признаков данного состава преступления¹ [2, с. 20]. При установлении признаков объективной стороны очень важно найти связь с субъективной стороной состава доведения до самоубийства. Не всегда субъект стремится к такому исходу как самоубийство или покушение на самоубийство, сам субъект вряд ли признает себя виновным в доведении до самоубийства. Действительно, многие жестокие действия, угрозы, оскорбления в отношении другого человека совершаются из-за личных неприязненных отношений, в силу невоспитанности или непорядочности субъекта, подозреваемого в доведении до самоубийства. Поэтому необходим тщательный анализ всех фактических обстоятельств с учетом судебного и доктринального толкования, сложившейся судебной практики при анализе интеллектуального и волевого моментов поведения подозреваемого. На наш взгляд, требуется и совершенствование самой нормы УК РФ об ответственности доведения до самоубийства, чтобы дифференцировать ответственность в зависимости от субъективной стороны и иметь возможность более точно определить вид и направленность умысла в действиях подозреваемого.

Полагаем, что для правильной уголовно-правовой оценки фактов самоубийства необходимо современное судебное толкование.

¹ Есть много особенностей, которые необходимо учитывать при доказывании данного факта. См., например: Бурданова В. С. Расследование доведения до самоубийства : учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2004.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).
2. Бурданова, В. С. Расследование доведения до самоубийства : учебное пособие / В. С. Бурданова. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 2004.
3. Волконская, Е. К. Предупреждение доведения до самоубийства: уголовно-правовой и криминологический аспекты : монография / Е. К. Волконская. – М. : Юрлитинформ, 2014.
4. Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Саратовской области. – URL: <http://saratov.sledcom.ru/news/item/819064/> (дата обращения: 03.10.2020).
5. СудАкт: Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/yDXGqEqonE5x/?magistrate-txt3038#snippet> (дата обращения: 30.09.2020).
6. Игнатов, А. Н. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. / А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. – М., 1998. – Т. 2. Особенная часть.
7. Уколова, Ю. А. Доведение до самоубийства: особенности уголовно-правовой квалификации и доказывания : монография / Ю. А. Уколова, С. В. Лондон. – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 17–19.
8. Хатуев, В. Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство : монография / В. Б. Хатуев. – М. : Юрлитинформ. – М., 2015.
9. Статья «Доведение до самоубийства». Как она работает? // URL: [meduza.io>...2016/11/22...dovedenie-do-samoubiystva.../](http://meduza.io/...2016/11/22...dovedenie-do-samoubiystva.../) (дата обращения 03.10.2020).

Суверов С. Е.¹,

адъюнкт Омской академии МВД России

ПРИМИРЕНИЕ С ПОТЕРПЕВШИМ КАК ФИКТИВНОЕ ОСНОВАНИЕ, ИСПОЛЬЗУЕМОЕ ПРИ НЕЗАКОННОМ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Эффективное противодействие преступности немислимо без создания структурно-выверенной и непротиворечивой системы мер реагирования на совершаемые общественно опасные деяния. Формальное закрепление правовых институтов, внесение в текст закона определенных норм является недостаточными условиями для их реализации, для этого также требуются разработка и учет основополагающих начал (принципов) проводимой уголовной политики.

Прежде всего, речь идет о принципе неотвратимости уголовной ответственности (принцип неотвратимости наказания уже был подвергнут сомнению), который постепенно трансформировался в принцип неотвратимости уголовно-правового воздействия (принуждения) [6, с. 263–268]. В научной литературе неоднократно обращалось внимание на то, что не строгость наказания является основным фактором, который сдерживает лиц от совершения преступлений, а его неизбежность (неотвратимость). Подобное суждение было впервые высказано известным итальянским правоведом Ч. Беккариа.

Уделяя пристальное внимание действию норм, закрепленных в главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), В. Н. Борков отмечает, что: «Основу публичного интереса в сфере судопроизводства составляет обеспечение неотвратимости карательного воздействия на преступников» [1, с. 311].

Принимая значимость законного и справедливого судопроизводства, которое в равной степени должно исходить из постулатов, как о невозможности привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц, так и о невозможности освобождения от нее лиц без необходимых на то оснований, отечественный законодатель ввел в действие ст. 300 УК РФ, именуемую как «Незаконное освобождение от уголовной ответственности».

Диспозиция данной правовой нормы излагается следующим образом: «Незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем и лицом, производящим дознание».

Как указывает А. Е. Садыкова, для признания незаконным решения об освобождении лица от уголовной ответственности нужно удостовериться, что лицо фактически совершило преступление (наличествуют все элементы состава преступления), а также отсутствуют законные основания для его освобождения от нее [8, с. 153]. Согласимся с представленным мнением и дополним его тем, что для верной квалификации содеянного как содержащего признаки состава преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, необходимо понимать, в каких случаях у лица, производящего предварительное расследование (лица, утверждающего соответствующее решение), имелись необходимые доводы для принятия

¹ © Суверов С. Е., 2020.

решения об освобождении лица от уголовной ответственности по какому-либо из видов, установленных в уголовном законе.

В данной работе анализу будут подвергнуты юридически-значимые требования, необходимые для применения ст. 76 УК РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, поскольку данный вид освобождения от уголовной ответственности является наиболее применяемым на практике, а также может быть реализован соответствующими субъектами на этапе досудебного производства.

Более того, исходя из позиции В. В. Векленко и В. Н. Нешатаева о том, что применение видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных главой 11 УК РФ (к коим относится примирение с потерпевшим), реализует принципы справедливости и гуманизма [2, с. 128], следует вывод, согласно которому незаконное и необоснованное применение обозначенных норм приводит к дискредитации уголовного закона, нарушению его базовых начал (принципов).

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления заключается в незаконном освобождении от уголовной ответственности подозреваемого, обвиняемого, т. е. это решение должно быть принято без необходимых на то уголовно-правовых требований.

В свою очередь В. В. Сверчков пишет, что: «По законодательной конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 300 УК РФ, является формальным, считается оконченным в момент вынесения постановления о прекращении уголовного дела. Точнее говоря, с момента придания этому постановлению юридической силы – его подписания правоприменителем» [7, с. 5]. Исходя из того, что в юридической литературе, посвященной рассмотрению данного преступления, отсутствует единое мнение относительно таких аспектов, как 1) момента его окончания (например, недостаточно только вынесения соответствующего процессуального акта, но и требуется реальное освобождение лица от уголовной ответственности); 2) возможной формы совершения преступления (исключительно действия или как действия, так и бездействия); 3) содержания объективной стороны преступления (например, распространение действия на случаи незаконного отказа в возбуждении уголовного дела; необоснованного придания лицу статуса свидетеля, когда существовали основания для предъявления обвинения и т. д.), то мы будем исходить из точки зрения о том, что совершение преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, может быть осуществлено путем вынесения постановления об освобождении лица от уголовной ответственности (уголовного преследования) при отсутствии необходимых для этого юридических требований, что соответствует вышеобозначенной позиции В. В. Сверčkova.

На возможность совершения преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, путем вынесения указанного процессуального акта обращает внимание В. Л. Кудрявцев: «Данное преступление может быть совершено только путем действия – вынесения постановления о прекращении уголовного дела или постановления о прекращении уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого» [4, с. 28].

По нашему мнению, с точки зрения уголовно-правовой материи, для принятия законного решения об освобождении лица от уголовной ответственности в

связи с примирением с потерпевшим (по ст. 76 УК РФ), требуется установить наличие одного основания и совокупности условий, предъявляемых законом¹. Под сказанным мы понимаем то, что в рассматриваемом виде освобождения от уголовной ответственности существует одно основание (главное условие), которое определяет его сущность, специфику, и без наличия которого (или при исключении его из юридической конструкции) будет утеряна правовая природа этого вида. Таким основанием, на наш взгляд, является примирение с потерпевшим (факт примирения). В то же время, законодатель ставит иные условия, которые необходимо учитывать правоприменителю при принятии решения о возможности применения ст. 76 УК РФ: 1) совершение лицом преступления впервые; 2) совершение преступления небольшой или средней тяжести; 3) заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Подчеркнем, что, во-первых, данные условия являются общими для иных видов освобождения от уголовной ответственности, а потому, не могут быть положены в сущность обозначенного вида (являться его основанием), и, во-вторых, в ходе эволюции УК РФ 1996 г. они претерпели значительное изменение, относительно своего первоначального содержания (в данном случае речь идет о содержании термина «совершение преступления впервые», о расширении категорий преступлений, по которым возможно применение нормы, а также о допущении заглаживания причиненного потерпевшему вреда, а именно последствий в виде смерти этого потерпевшего). В свою очередь, фактическое содержание примирения с потерпевшим (равно как и его юридическое выражение, воплощаемое посредством подачи соответствующего заявления со стороны потерпевшего) не претерпело изменений.

Исходя из того, что «во многих случаях совершение данных действий (преступлений, предусмотренных ст. 300 УК РФ – примечание автора С.С.) нарушает законные права и интересы потерпевших от преступления» [3, с. 188], считаем, что в особенности данный тезис относится именно к случаям фиктивного применения ст. 76 УК РФ, применяемого для освобождения виновного лица от уголовной ответственности, поскольку характерной чертой данного вида освобождения от уголовной ответственности, в сравнении с иными видами, например, с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ) или назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), является наличие персонифицированного потерпевшего, интересы которого, а также причиненный которому вред, остаются без должного внимания со стороны компетентных органов.

Видится, что для верной квалификации совершенного общественно опасного деяния именно как незаконного освобождения от уголовной ответственности под видом реализации ст. 76 УК РФ требуется установить, что отсутствовали вышеобозначенные нами элементы (основание и условия) или хотя бы не было какого-либо из них.

¹ Обязательность наличия такого условия как заглаживание причиненного преступлением вреда является предметом научных дискуссий, однако в этом вопросе полагаем, что наиболее последовательно и аргументировано свою позицию выразил Л. В. Головкин, с которым мы солидарны. Более подробно по этому вопросу см.: Головкин Л. В. Прощение долга при прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Законодательство. 2000. № 5.

Ю. И. Кулешов обращает свое внимание на то, что применение нормы о примирении с потерпевшим является правом соответствующего органа, а не его обязанностью даже при наличии обозначенных нами элементов, поэтому в случае установления законности или незаконности освобождения от уголовной ответственности необходимо также исходить из установленных в законе требований, подлежащих оценке со стороны лица, принимающего такое решение [5, с. 143].

Зачастую, совершение преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, сопряжено с наличием в действиях виновного лица иных составов преступлений (например, ст.ст. 292, 303 УК РФ), что приводит к образованию их совокупности.

Изучение судебной практики убедительно доказывает, что совершение данного общественно опасного деяния под видом освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ связано с отсутствием какого-либо из указанных нами элементов.

Например, для незаконного освобождения от уголовной ответственности дознавателем в постановление о прекращении уголовного дела были внесены заведомо ложные данные о том, что потерпевший примирился с лицом, совершившим преступление, а также о полном заглаживании причиненного потерпевшему вреда. Предваряя это, этим же должностным лицом было изготовлено соответствующее заявление от имени потерпевшего, которое было подписано дознавателем¹.

Другой пример показывает нам «пренебрежение» таким условием как «совершение преступления впервые», путем исключения должностным лицом из уголовного дела настоящей справки о судимости подозреваемого (в которой была отражена информация о наличии непогашенной и неснятой судимости, что препятствовало применению ст. 76 УК РФ) и создания фиктивного документа о том, что виновный ранее не привлекался к уголовной ответственности. Кроме того, дознавателем также был составлен протокол допроса потерпевшей (без ведома последней), в котором была отражена информация о якобы состоявшемся примирении, а также о заглаживании причиненного вреда. Данный протокол был подписан дознавателем. Далее, должностным лицом было вынесено постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим².

Таким образом, для правильной и верной квалификации преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ, осуществленного путем незаконного освобождения от уголовной ответственности под видом реализации нормы о примирении с потерпевшим, требуется установить, что на момент принятия юридически значимого решения правоприменителем (вынесения постановления о прекращении уголовного дела / уголовного преследования) отсутствовали основание и (или) условия, необходимые для реализации ст. 76 УК РФ.

¹ Приговор Кировского района суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 5 февраля 2020 г. № 1-10/2020 1-545/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из официального Интернет-ресурса судебных и нормативных актов «СудАкт» (дата обращения: 10.11.2020).

² Приговор Октябрьского района суда г. Барнаула (Алтайский край) от 19 июня 2018 г. № 1-185/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из официального Интернет-ресурса судебных и нормативных актов «СудАкт» (дата обращения: 10.11.2020).

Библиографический список

1. Борков, В. Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами : дис. ... докт. юрид. наук / В. Н. Борков. – Омск, 2015.
2. Векленко, В. В. Теория и практика квалификации преступлений : монография / В. В. Векленко, В. Н. Нешатаев. – М. : Знание-М, 2020.
3. Зубкова, В. И. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Учение о преступлении : учебник для вузов / В. И. Зубкова, В. С. Комиссаров, И. М. Тяжкова. М. : Зерцало-М, 2002.
4. Кудрявцев, В. Л. Объективная сторона незаконного освобождения от уголовной ответственности: некоторые уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы / В. Л. Кудрявцев // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 1.
5. Кулешов, Ю. И. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: проблемы теории и практики применения / Ю. И. Кулешов // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 6.
6. Сабитов, Т. Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве / Т. Р. Сабитов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3.
7. Сверчков, В. В. Незаконное освобождение от уголовной ответственности / В. В. Сверчков // Законность. – 2000. – № 11.
8. Сыдыкова, А. Е. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты незаконного освобождения от уголовной ответственности / А. Е. Сыдыкова // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2008. – № 3.

Хоанг Ван Луан¹,

аспирант кафедры уголовного права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

Несмотря на достаточно высокий процент раскрываемости преступления в России и во Вьетнаме, количество нераскрытых преступлений в обеих странах остается неизменно высоким. Граждане, не сообщая о преступлениях и о лицах, готовящихся совершить преступления, причиняют вред интересам правосудия, и общественной безопасности. В некоторых случаях, деяние может стать причиной не предотвращения особо тяжких последствий, например: совершения теоретических актов, убийств, разбоев и т. д.

Общественная опасность несообщения о преступлении явилась основанием признания этого деяния в уголовном законодательстве Вьетнам с момента создания феодального государства.

Так, данное преступление впервые встречается в Своде законов Куок Чьеу 1470 г. – официальном Своде законов династии Ле. Ст. 500 этого Свода защищала интересы трона и регламентировала обязанности поданных, осведомленных о предстоящем заговоре против государственной власти, а также изгнание их в случае несообщения чиновникам такой информации. Чиновники таким же образом несли ответственность за сообщение этой информации царю, если в течение 12 часов не были приняты соответствующие меры.

Этот институт просуществовал до периода Французского владычества, длившегося вплоть до 1858 г., после чего следовали затяжные войны против Французского государства, Японской империи и Соединенных Штатов, которые окончились только в 1975 г. Это стало причиной отсутствия криминализации несообщения о преступлении на этом историческом этапе.

В 1985 г. во Вьетнаме был принят первый Уголовный кодекс и несообщение о преступлении было закреплено в ст. 19 и ст. 247. Ст. 19 Уголовного кодекса СРВ 1985 г. устанавливала, что: *«Несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса.»* А в ст. 247 предусматривалась ответственность за несообщение о конкретном виде преступления.

С тех пор Уголовный кодекс СРВ менялся 3 раза, а регламентация ответственность за несообщение о преступлении претерпела несколько изменений. Действующий в настоящее время Уголовный кодекс СРВ был принят в 2015 г., но только 1 января 2018 г. он начал действовать. В этом Кодексе ответственность за несообщение о преступлении закреплялся в ст.ст. 19 и 390.

¹ © Хоанг Ван Луан, 2020.

Суть проблемы криминализации несообщения о преступлении состоит в определении рациональности, допустимости и реализуемости осуществления уголовного запрета, а также ряда критериев, наличие которых будет свидетельствовать о том, что действия определенного субъекта права являются преступными. Другими словами, необходимо определить четкие критерии криминализации деяния.

В настоящее время согласно теории уголовного права и криминологии, криминализация деяния должна соответствовать следующим условиям:

Деяние должно быть общественно-опасным.

Криминализация деяния не противоречит Конституции, нормами международного права и других законов.

Криминализация деяния соответствует нормам общественной морали и нравственности.

Решающим критерием для криминализации какого-либо деяния является его общественная опасность. В настоящий момент в соответствии с данными, предоставляемыми Министерством общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам, уголовные дела за несообщение о преступлении по большей части связаны с убийствами и незаконным оборотом наркотических средств. В 2009 г. во Вьетнаме было возбуждено 59 уголовных дел по факту несообщения о преступлении, из которых, 41 уголовных дел по фактом несообщения об убийстве, 9 – по факту несообщения о преступлении, связанном с оборотом наркотических средств, и 9 – по фактом других преступлений. В последующим статистика возбуждения уголовных дел выглядит следующим образом: 2010 – 61, в 2011 г. – 57, 2012 – 62, 2014 – 69, 2015 – 59, 2016 – 67, 2018 – 65, 2019 – 63.

Удельный вес несообщения о преступлении, в общей массе зарегистрированных преступлений во Вьетнаме достаточно низкий и составляет стабильную цифру, не изменяющуюся на протяжении последней декады. В 2009 г. он был равен 0,12 % против 0,11 % в 2019 г. [2]. Невзирая на столь малое количество несообщений о преступлении, они причиняют существенный ущерб и являются проблемными в плане квалификации для правоохранительных органов.

Например, в 2019 г. в одной из провинций СРВ было возбуждено уголовное дело о несообщении о преступлении в отношении гражданки Буй Тхй Ким Тху. По версии следствия, приблизительно в 7 часов вечера четвертого февраля того года ее муж Ву Ван Конг в составе преступной группировки осуществил нападения на Као Ми Зуен с последующим насильственным удержанием ее для вымогательства денег у ее родственников. Более того, в период с 4 по 7 февраля в своем доме гражданин Ву Ван Конг вместе с своими подельниками совершил изнасилование и убийство Као Ми Зуен. Буй Тхй Ким Тху знала обо всех этих событиях с момента похищения девушки и, не находясь под угрозой, не сообщила об этом в правоохранительные органы. Таким образом, с точки зрения вьетнамского законодательства, бездействие гражданки Буй Тхй Ким Тху считается опасным, так как оно косвенно связано с гибелью гражданки Као Ми Зуен.

Резюмируя, можно отметить, что члены общества, не осуществляющие свои обязанности по несообщению о преступлении, причиняют вред интересам правосудия, а в случаях несообщения о лицах, готовящихся совершить преступления и интересам общественной безопасности.

Еще одним из условий законодательного признания определенных деяний преступными и наказуемыми является соответствие Конституции СРВ, а также нормам международного права и другой нормативно-правовыми актами.

СРВ подала заявку на членство в Организации Объединенных Наций в 1975 г. и была принята туда спустя 2 года – 20 сентября 1977 г. СРВ, как и Российская Федерация, признает международные принципы и нормы права, и они являются частью правовой системой этого государства.

Созданная ООН Декларация прав человека и гражданина, а именно ст. 29 Декларации, говорит о том, что каждый гражданин имеет обязанность перед обществом, а принятая в 2013 г. Конституция СРВ в ч. 3 ст. 15 повторяет этот тезис и говорит о том, что каждый человек имеет не только права, но и обязанности перед обществом и государством.

Итак, было определено что криминализации несообщения о преступлении как мера защиты гражданина, государства и общества была проведена с учетом положений Конституции СРВ, а также норм, установленных международными правом.

Для повышения результативности противодействия преступности Уголовно-процессуальный кодекс Социалистической республики Вьетнам от 2003 г. и 2015 г. регламентирует обязанности правоохранительных органов, учреждений и гражданских лиц в борьбе с преступлениями. Часть 1. ст. 5 УПК СРВ 2015 г. определила права и обязанности граждан и организаций сообщить о преступлении, возможность находить и принимать участие в борьбе с противозаконной деятельностью.

Кроме того, УК СРВ был принят 27 ноября 2015 г. и в ч. 3 ст. 4 четко указывает на обязанности каждого члена общества принимать активное участие в борьбе с преступлениями. Вовлечение в процесс противодействия преступности всего социума страны является наиболее результативной мерой. Уполномоченные государственные органы должны полагаться на гражданское общество, инициировать массовые движения для охраны социальной стабильности.

Таким образом, криминализация несообщения о преступлении была проведена для исполнения непосредственных предписаний УПК и УК СРВ.

Одним из фундаментальных критериев, по которым может быть осуществлена криминализация деяния, является соответствие нормам общественной морали и нравственности. Подобно российскому развитию событий, во Вьетнаме тоже наличествуют две диаметрально противоположные точки зрения на уголовную ответственность за несообщение о преступлении. Ряд исследователей предполагает, что подобная мера не укладывается в нормы морали в силу того, что она разрушает горизонтальные связи общества и стирает доверие между людьми.

Представляется, что криминализация несообщения о преступлении, таким как: убийство, изнасилование, измена государству, террористическая деятельность, является полностью соответствующим нормам морали и нравственности. В силу

того, что индивидуум, безопасность общества и конституционный строй являются наиболее важными общественными ценностями, их защита не может и не должна быть только обязанностью государственного аппарата, но и всех граждан страны.

Итак, криминализация несообщения о преступлении является в достаточной мере соответствующей морали.

Поводя итоги можно сделать следующие выводы: во-первых, несообщение о преступлении было криминализовано с момента возникновения феодального государств; во-вторых, криминализация несообщения о преступлении является необходимой, обоснованной и целесообразной.

Библиографический список

1. Phạm Mạnh Hùng. Về các trường hợp tội phạm hóa, phi tội phạm hóa trong Bộ luật Hình sự năm 2015. Tạp chí CAND số 10, 2016. Tr. 23 (Фам Мань Хунг. О криминализации и декриминализации в Уголовном кодексе 2015 г. 2016 г. Журнал народной полиции. № 10. С. 23)
2. Данный МОБ СРВ 2009–2019 гг.
3. Bộ luật Tố tụng hình sự nước Cộng hòa xã hội chủ nghĩa Việt Nam 2015, số 101/2015/QH13, thông qua ngày 27.11.2015. / Уголовный процессуальный кодекс Социалистической Республики Вьетнам от 27.11.2015 № 101/2015/QH13.

Чефранов К. А.¹,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

О ВОПРОСЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ОТКАЗА ПАЦИЕНТА НА МЕДИЦИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО

В наше время трудно представить, что какое-либо медицинское воздействие в деятельность организма человека возможно без согласия последнего. Сам факт таких действий медицинского персонала без разрешения на то больного противоречит нормам морали, этики и закона. Возможны случаи отказа больного или законного представителя от лечения, но в исключительных случаях, предусмотренных ч. 9 ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (далее – ФЗ № 323), оказание медицинской помощи не зависит от согласия указанных лиц, это возможно в следующих случаях:

«1) если медицинское вмешательство необходимо по экстренным показаниям для устранения угрозы жизни человека и если его состояние не позволяет выразить свою волю или отсутствуют законные представители;

2) в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих;

3) в отношении лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами;

4) в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния (преступления);

5) при проведении судебно-медицинской экспертизы и (или) судебно-психиатрической экспертизы;

б) при оказании паллиативной медицинской помощи, если состояние гражданина не позволяет выразить ему свою волю и отсутствует законный представитель».

Возвращаясь к проблеме отказа от врачебной помощи, заметим, что в ст. 20 ФЗ № 323 указано: «необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является дача информированного добровольного согласия гражданина или его законного представителя на медицинское вмешательство на основании предоставленной медицинским работником в доступной форме полной информации о целях, методах оказания медицинской помощи, связанном с ними риске, возможных вариантах медицинского вмешательства, о его последствиях, а также о предполагаемых результатах оказания медицинской помощи» [7]. Из вышеуказанного следует, что законом определено общее правило о том, что лю-

¹ © Чефранов К. А., 2020.

бое медицинское вмешательство в работу организма человека предполагает обязательное согласие пациента (или его законного представителя) на его осуществление. Пациент имеет право отказаться как от лечения в целом, от лечения в конкретном учреждении, от лечения у конкретного специалиста, от части медицинской помощи и от отдельной процедуры.

Отказ от медицинского лечения должен обладать двумя основными признаками. Во-первых, отказ должен быть недвусмысленно выраженным, едино трактуемым, отражающим настоящую волю пациента, полученную без применения обмана, уговоров, угроз или иных способов воздействия на человека. Отказ не может быть признан добровольным, если перед его выражением к пациенту применялись физическое или психическое принуждение, насилие, угрозы наступления неблагоприятных для больного последствий. Во-вторых, пациент должен быть верно проинформирован доступным для него способом и доступным для него стилем изложения. Медицинский работник не должен объясняться с лицами, не обладающими специальными познаниями в области медицины исключительно профессиональными терминами, его банально не поймут, а в случае получения отказа от медицинского воздействия после такого недобросовестного разъяснения тот не будет признан законным. В случае введения пациента в заблуждение о целях, методах, рисках, наличии альтернативных вариантов медицинского вмешательства отказ от медицинской помощи не будет признан информированным. Такого понятия как «достаточная информированность» действующим законодательством не предусмотрено. Исходя из этого, следует, что полноценное понимание разъяснений, данных врачом, носит сугубо субъективный характер для лица, отказывающегося от помощи (пациента или законного представителя).

Основываясь на положениях российского законодательства, можно сделать вывод, что нарушение любого из вышеперечисленных условий должно вести к юридической ответственности.

Практикующим медицинским работникам важно понимать, что отказ больного от медицинской помощи не снимает с врача обязанности ее оказывать. В случае обнаружения у пациента признаков, указанных в ч. 9 ст. 20 ФЗ № 323, отказ от оказания врачебной помощи не исключает уголовной ответственности врача при наступлении неблагоприятных последствий. Кроме того, в случаях, предусмотренных Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства», лица, желающие отказаться от медицинского вмешательства, должны выразить свое волеизъявление письменно, на стандартном бланке отказа. Для применения норм материального права абсолютно не важен способ оформления отказа от медицинского вмешательства, чего нельзя сказать о дальнейшем юридическом процессе доказывания наличия или отсутствия предмета спора. Обращаем внимание, что в гражданско-процессуальном праве бремя доказывания фактов, на

которые ссылается сторона, ложится на ту же сторону [3]. Так, в судебном процессе по факту определения долга на возмещение убытков на лечение пострадавшего пациента со стороны медицинской организации именно последним необходимо доказать факт отказа клиента от медицинского вмешательства.

Причин отказа пациента от медицинской помощи может быть масса: утрата доверия к институту здравоохранения, к здравоохранению в некоммерческих учреждениях, к экспертным знаниям врача, отсутствие желания проводить неприятные для лица процедуры по объективным и по личным, надуманным мотивам. Отказ пациента от какого-либо или конкретного воздействия со стороны медиков в наше время не становится исключительным. Это отдельное явление, которое исследуется учеными не первый десяток лет [2, с. 5–9; 5, с. 34]. С появлением такой науки как медицинское право неотъемлемой темой научных трудов по данной дисциплине стал отказ пациента от оказания ему медицинских услуг [1, с. 58–64; 4, с. 6–9]. Следует указать, что отечественная судебно-следственная практика XIX в. склонялась к ненаказуемости врача, но в конце XIX в. – начале XX в. к такой ситуации стало возникать слишком много вопросов со стороны юристов.

Рассмотрим возможный вариант дефекта оказания медицинской помощи, связанный с рассматриваемой проблематикой. Представим случай отказа пациента от госпитализации после введения его в заблуждение врачом о том, что медицинская помощь не требуется или не обязательна, хотя данная информация не соответствовала действительности. Не будем останавливаться на причинах такого поведения медицинского сотрудника (легкомыслие, небрежность, недостаточный уровень образованности, нежелание выполнения работы и т. д.). В результате отказа от госпитализации и ухудшения здоровья пациента наступили общественно опасные последствия. В таком случае врач обязан нести ответственность в соответствии с действующим законодательством, а в случае наступления тяжких последствий для здоровья потерпевшего или его смерти действия виновного подлежат квалификации в соответствии с ч. 2 ст. 124 УК РФ (Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью). В то же время, формулировка вышеприведенной нормы предполагает ответственность за неоказание помощи больному без уважительных причин. Думается, что уважительной причиной должно признаваться волеизъявление пациента. Непопята логика законодателя в части указывания на уважительную причину в диспозиции ст. 124 УК РФ, ведь согласно порядку дифференциации норм в УК РФ, все уважительные причины должны быть изложены в главе 8 УК РФ.

Некоторые ученые считают, что при получении отказа пациента от медицинской помощи, действия врача не могут быть квалифицированы по ст. 124 УК РФ, учитывая действующую редакцию данной нормы. Например, С. С. Попеску считает, что: «Отказ от медицинской помощи по общему правилу и логике должен снимать вопросы об уголовной ответственности медицинского работника, поскольку у него, нет физической возможности оказать медицинскую помощь»

[6, с. 145]. Мы не разделяем точки зрения названного автора. Трудно не согласиться с тем, что наличие отказа человека от медицинского воздействия обнаруживает уважительную причину неоказания помощи. В случае если причины такого отказа связаны с недостаточной информированностью пациента о состоянии его здоровья, то правоохранительные органы должны рассматривать вопрос о наличии в действиях врача признаков состава преступления, предусмотренного ст. 237 УК РФ (Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей). Кроме того, в случае если фактически отказ имел место, например, оформлен на стандартном бланке письменно пациентом, но будет доказан факт отсутствия достаточной информированности последнего перед дачей отказа или недобровольностью, то и уважительность причины неоказания помощи, о которой говорится в ст. 124 УК РФ теряет свои свойства. Думается, в таком случае налицо совокупность преступлений, предусмотренных ст. 124 и ст. 237 УК РФ.

Проанализировав приведенную выше информацию, приходим к выводу о том, что добровольный и информированный отказ пациента от медицинского вмешательства в его организм может служить обстоятельством, исключающим преступность деяния для медицинского работника. Данное обстоятельство не указано в главе 8 действующего УК РФ, но, на наш взгляд, его следует учитывать при подобных обстоятельствах.

Библиографический список

1. Александрова, О. Ю. Реализация права пациента на отказ от медицинского вмешательства / О. Ю. Александрова, А. А. Крюкова, М. В. Горелов // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2014. – № 4. – С. 58–64.
2. Аронсон, П. Я. Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения / П. Я. Аронсон // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т. 3. № 20. С. 5–9.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.08.2020).
4. Зубков, Д. С. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и отказ от медицинского вмешательства в практике гастроэнтеролога: юридический аспект / Д. С. Зубков, И. С. Вялов // Эффективная фармакотерапия. – 2012. – № 28. – С. 6–9.
5. Максимова, Т. М. Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения / Т. М. Максимова. – М., 2002.
6. Попеску, С. С. Отказ от медицинской помощи как обстоятельство, исключающее преступность деяния / С. С. Попеску // Актуальные вопросы современной науки. – 2009. – № 9–1.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.08.2020).

Величко Ф. М.¹,
*соискатель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя*

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ПОДКЛЮЧЕНИЕ К НЕФТЕПРОВОДАМ, НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДАМ И ГАЗОПРОВОДАМ, СОВЕРШЕННОЕ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ЗА АНАЛОГИЧНОЕ ДЕЯНИЕ, КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Государственная политика России в топливно-энергетической сфере направлена на обеспечение максимально эффективного использования природных ресурсов и потенциала топливно-энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций.

Одними из наиболее остро стоящих перед органами государственной власти и топливно-энергетическими компаниями проблем являются хищения и неплательщики за потребленные энергоресурсы в результате самовольных подключений к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам. Для улучшения ситуации в данной области требуется координация усилий региональных властей, энергокомпаний и правоохранительных органов по предупреждению и оперативному выявлению соответствующих административных правонарушений и преступлений. При этом эффективность данной превентивной деятельности во многом зависит от качества и согласованности уголовного и административного законодательства в рассматриваемой области.

Изначально в целях противодействия рассматриваемой проблеме в ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях была установлена административная ответственность за самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа. Также в 2006 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ [1] были внесены изменения: включена ст. 215³ «Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов», а ч. 3 ст. 158 УК РФ «Кража» дополнена пунктом «б», в котором была установлена ответственность за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопроводов.

10 августа 2018 г. вступили в силу изменения, внесенные в ст. 215³ УК РФ Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ [2]. Если ранее в ст. 215³ УК РФ имела название «Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов», то после внесения в неё соответствующих изменений данная статья стала называться «Самовольное подключение к нефтепроводам,

¹ © Величко Ф. М., 2020.

нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», то есть произошла криминализация деяния в виде такого самовольного подключения. Обязательным признаком субъекта преступления в виде самовольного подключения к указанным трубопроводам, согласно диспозиции ч. 1 ст. 215³ УК РФ в действующей редакции, является лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние. То же деяние, совершенное в отношении магистральных трубопроводов, влечет более строгое наказание по ч. 2 ст. 215³ УК РФ. При этом основной состав преступления в виде приведения в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов стал предусматриваться в ч. 3 ст. 215³ УК РФ.

Согласно официальным данным ГИАЦ МВД России, было зарегистрировано в 2015 г. – 285, в 2016 г. – 300, в 2017 г. – 298, в 2018 – 306, в 2019 г. – 720, с января по июнь 2020 г. – 652 преступлений, предусмотренных ст. 215.3 УК РФ, из них было расследовано в 2015 г. – 27, в 2016 г. – 69, в 2017 г. – 38, в 2018 – 106, в 2019 г. – 638, с января по июнь 2020 г. – 608; выявлено лиц, совершивших преступления: в 2015 г. – 41, в 2016 г. – 96, в 2017 г. – 43, в 2018 – 110, в 2019 г. – 646, с января по июнь 2020 г. – 575.

Ниже мы приводим статистические сведения о судимости за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 215³ УК РФ [3], свидетельствующие о резком увеличении таких лиц после того, как данная норма стала содержать новый состав преступления в виде самовольного подключения к указанным трубопроводам, совершенного лицом, административно наказанным за аналогичное деяние.

Статья УК РФ	Год / число осужденных по основной квалификации				
	2015	2016	2017	2018	2019
ч. 1 ст. 215 ³	4	8	4	22	396

Учитывая тесную связь выделенного уголовно-правового запрета с административной ответственностью за аналогичное деяние, востребованным является научное исследование исторических и социальных предпосылок для криминализации указанного деяния, основанного на административной преюдиции. Также теоретическое и практическое значение имеет обращение к законодательному опыту других стран в части установления и дифференциации уголовной ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам.

В связи с тем, что на практике имеют место трудности и ошибки в применении ст. 215³ УК РФ, заключающиеся, в частности, в правильном толковании данной уголовно-правовой нормы и квалификации предусмотренных ею преступлений, в том числе их отграничении от кражи, умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества и иных смежных составов преступлений, актуальным представляется и запланированный автором юридический анализ состава преступления в виде самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Большое значение имеет и рассмотрение всего комплекса проблем законодательства об ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам,

нефтепродуктопроводам и газопроводам, а также практики применения данного законодательства с выработкой научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию соответствующих нормативных положений и их реализации в деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности научного рассмотрения проблем установления и реализации уголовной ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. При этом следует учитывать, что до настоящего времени сохраняется востребованность комплексного исследования проблем законодательства, теории и практики в области регламентации составов преступлений, закрепленных в ст. 215³ УК РФ в действующей редакции, а также практики применения данной уголовно-правовой нормы. Большинство научных работ по близкой тематике были выполнены учеными применительно к другим социально-политическим условиям, в ином правовом пространстве, при этом в основном освещались вопросы хищения газа, нефти и нефтепродуктов. Кроме того, соответствующие исследования носили преимущественно криминологический характер либо были написаны применительно к базовому административно-правовому запрету на самовольное подключение к указанным трубопроводам.

С учетом изложенного полагаем, что в настоящее время теоретико-прикладной интерес представляет разработка новых теоретических положений и научно обоснованных предложений и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации об ответственности за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, а также практики его применения.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (ч. I). – Ст. 46.
2. Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в ст. 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации и ст.ст. 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 31. – Ст. 4818.
3. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 05.09.2020).

Семочкина А. А.¹,

старший преподаватель кафедры уголовного права

Московского университета МВД России

имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Сегодня проблема коррупции остается одной из актуальных как в России, так и во всем мире. Уголовное законодательство Российской Федерации не содержит самостоятельного понятия коррупционного преступления и соответствующего отдельного состава преступления. Коррупция в его рамках представлена собирательным понятием, включающим в себя отдельные соответствующие признакам коррупции преступления, объединенные в различные главы. Большинство ученых отмечают, что отсутствие на законодательном уровне данного понятия препятствует системному противодействию коррупционной преступности².

С. В. Склярлов под коррупционными преступлениями понимает преступления, связанные с подкупом лица, занимающего определенное служебное положение, в целях получения каких-либо ненадлежащих преимуществ для себя или других лиц и преступления, которые совершаются лицом с использованием служебного положения в целях получения каких-либо ненадлежащих преимуществ для себя или других лиц³.

В словаре русского языка С. И. Ожегова, термин коррупция определяется как «подкуп взятками, продажность должностных лиц и политических деятелей»⁴.

Предметом изучения преступлений коррупционной направленности выступают: ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) Злоупотребление должностными полномочиями; ст. 286 УК РФ – Превышение должностных полномочий; ст. 290 УК РФ – Получение взятки; ст. 291 УК РФ – Дача взятки; ст. 291.1. УК РФ – Посредничество во взяточничестве; ст. 291.2. УК РФ – Мелкое взяточничество. Также необходимо отметить: ст. 204 УК РФ – Коммерческий подкуп; ст. 204.1 УК РФ – Посредничество в коммерческом подкупе; ст. 204.2 УК РФ – Мелкий коммерческий подкуп.

Среди актуальных проблем уголовно - правовой квалификации данных преступлений стоит отметить, что на практике одно событие преступления может квалифицироваться как по ст. 285, так и по ст. 286 УК РФ. У данных преступлений одинаковый объект – совокупность общественных отношений, посягающих

¹ © Семочкина А. А., 2020.

² См.: Конфликтно криминологическая парадигма бытия коррупции (статья 1) / А. В. Алейников и др. // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 484.

³ См.: Склярлов С. В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности // Вестник академии генеральной прокуратуры российской федерации. № 6 (50). 2015. С. 153.

⁴ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1968.

на аппарат государственного управления. Но по объективной стороне, эти преступления различаются. Если лицо злоупотребляет своими полномочиями, то оно не выходит за рамки своей деятельности. При превышении должностных полномочий, лицо должно явно выходить за эти рамки. Различен и характер деяний. При злоупотреблении должностное лицо использует свои полномочия противоправно интересам своей службы и закону. Согласно разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, под использованием должностным лицом своих полномочий интересам службы следует понимать совершение таких деяний, которые хотя бы непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, и объективно противоречат общим задачам, принципам, методам органа государственной власти или местного самоуправления.

Судебная практика выделяет четыре формы превышения должностных полномочий:

1) совершение действий, входящих в компетенцию лица, представителя власти (инспектор налоговой службы действует за своего начальника);

2) совершение действий, которые по закону могут быть совершены только коллегиально (принятие решения судьей единолично, вместо вынесения судебного вердикта с участием присяжных);

3) совершение действий, которые должностное лицо не вправе совершать ни при каких обстоятельствах (сотрудник полиции по личным причинам вопреки законодательству причиняет физический вред гражданину);

4) совершение действий, хотя и разрешенных законом, но при определенных обстоятельствах (применение оружия сотрудником полиции при групповом нападении, угрожающим здоровью гражданам).¹

Не менее актуальными остаются вопросы квалификации по ст. 290 УК РФ – Получение взятки, ст. 291 УК РФ – Дача взятки, ст. 291.1 УК РФ – Посредничество во взяточничестве, ст. 291.2 УК РФ – Мелкое взяточничество. Актуальность заключается в том, что Пленум Верховного Суда России расширил понятие взятки: под статью попадает не только «деньги в конверте», но и любая форма расплаты с должностным лицом, в том числе электронными деньгами (через различные электронные платежные системы, которыми активно пользуются также лица криминальной направленности). Ценности в виде взяток могут быть зачислены не только на счет, но и на «электронный кошелек». Теперь моментом окончания дачи взятки может считаться перечисление средств в «электронный кошелек». Это относится к «Яндекс Деньги», «Киви-кошелек» или иным платежным системам, предлагающим пользователям электронные платформы для хранения и перевода денег без открытия счета.

Вышеизложенный анализ позволяет разграничить преступления, которые весьма смежные по составу. Общей особенностью ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ является то, что у них общий объект посягательства, (при условии, что нет посягательства на дополнительный объект), также присутствует квалифицирующий признак, который проявляется в виде специального субъекта – должностное лицо. Отличительной же особенностью служат действия, явно выходящие за

¹ Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации 6-е изд. под ред. проф. Н. Г. Кадникова. М., 2019.

рамки полномочий лица и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций.

В отношении ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ необходимо отметить, что на практике вопрос доказывания причинно-следственной связи между деянием и общественно опасными последствиями вызывает не мало проблем, если лицо активно использует так называемые закрытые сетевые ресурсы. Этими сетевыми ресурсами могут выступать различные финансовые платформы, а также криптовалюты и «Blockchain» базы данных. Злоумышленники активно используют «Opion» ссылки для работы в браузерах типа «Tor», луковая защита которых делает практически невозможным отслеживание транзакций.

И хотя Уголовное право не занимается процессом доказывания, именно уголовно-правовая квалификация является той точкой бифуркации, от которой отталкивается правоприменитель в лице следователя и оперативного сотрудника, а так-же органов прокуратуры и судейского корпуса. На практике если состав преступления коррупционной направленности выполняется с помощью «криптовалюты», работы правоприменителя не то, что осложняется, она делает норму права фактически мертвой. И на это существует ряд причин, начиная от низкой возможности работы с программами, которые могут отследить поток электронных транзакций, заканчивая непониманием правоприменителя как использовать ту или иную материальную норму УК РФ.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Российская газета. – 1996. – № 113. – 18 июня.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. проф. Н. Г. Кадникова. – 6-е изд. – М., 2019.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» (ред. от 11.06.2020).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. « 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем"».
5. Алейников, А. В. Конфликтно криминологическая парадигма бытия коррупции (статья 1) / А. В. Алейников и др. // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3.
6. Стукалин, В. Б. Коррупционные преступления, или преступления коррупционной направленности : материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования системы государственного и муниципального управления в России на современном этапе». – СПб.: Азбука, 2016.

7. Складов, С. В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности / С. В. Складов // Вестник академии генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2015. – № 6 (50).

Сизова В. Н.¹,

*ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, докторант*

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ КАТЕГОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОСТУПКА В КОНТЕКСТЕ УПРОЩЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВИЛ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

На сегодняшнем этапе развития российской уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политики государства дискуссионному обсуждению подвергаются вопросы дальнейшей гуманизации и либерализации уголовно-правовых норм, снижения уровня их репрессивности. Важную роль в разрешении указанных вопросов играет включение в Уголовный кодекс Российской Федерации категории уголовного проступка. По мнению автора, в случае закрепления категории уголовного проступка в российском уголовном законодательстве в ближайшем будущем станет возможным, во-первых, сформулировать предложения по упрощению процессуальных правил как досудебного производства по этой категории противоправных деяний, так и отдельных судебных процедур при обязательном соблюдении уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса; во-вторых, снизить процессуальную нагрузку на следственные и судебные органы, что, в свою очередь, даст возможность для сокращения бюджетного финансирования на данный вид процессуальной деятельности.

Одновременно, справедливости ради, необходимо отметить, что отнюдь не все представители научной общественности поддерживают новаторские идеи реформирования уголовного законодательства. Дебаты по поводу данного вопроса стали заметно активнее с учетом того обстоятельства, что в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» [1]. Свидетельством этому являются некоторые публикации [2, с. 127–136], в которых авторами обосновывается мысль об отсутствии на сегодняшний день в нашей стране необходимых оснований в области права для принятия положительного решения по вопросу введения уголовного проступка в систему российского уголовного законодательства.

В юридической литературе также отмечается, что в современных условиях введение в УК РФ уголовного проступка и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства [3, с. 208].

¹ © Сизова В. Н., 2020.

Да, безусловно, в случае рассмотрения категории уголовного проступка обособленно от концептуального в будущем форматирования всей системы российского уголовного законодательства, то с приведенным выше высказыванием можно и нужно согласиться. Вместе с тем, автор в настоящей публикации считает необходимым отметить, что появление вновь в отечественной правовой системе уголовного проступка следует понимать в качестве первоначального, но вовсе не конечного этапа в многоступенчатой системе насущных проблемных вопросов в области уголовного права, разрешение которых возможно в ближайшем будущем.

Представителями научной общественности высказываются также и иные мнения по проблеме введения уголовного проступка. Например, говорится о том, что в целях формирования полной и многоаспектной оценки существа предполагаемых модернизаций необходимо, прежде всего, предметно проанализировать все возможные аспекты высказываемых идей о введении уголовного проступка с уточнением причин того, почему они могут быть приняты либо отвергнуты. Ведь необходимо осознавать важность данного вопроса, поскольку от его зависят, в первую очередь, направления государственной политики в области уголовного и уголовно-процессуального права на определенный период времени [4, с. 31–39].

В целом на сегодняшний день целесообразно отметить, что актуализация вопроса о введении категории уголовного проступка связана также с активизацией научной дискуссии, непосредственное участие в которой принимают представители уголовно-правовой науки [5, с. 41; 6; 7, с. 131–136; 8, с. 2–5; 9, с. 331–419; 10, с. 40–49]. Такое развитие ситуации согласуется с осуществляемой в Российской Федерации, начиная с двухтысячных годов, политико-социальной направленностью на продолжение либеральных тенденций в области уголовно-правовых санкций. На необходимость этого неоднократно обращается внимание представителями криминологической науки [11, с. 144; 12, с. 208] отмечающими назревшую потребность дифференцировать уголовную ответственность в случаях совершения противоправных деяний, которые не представляют значительной общественной опасности.

К изложенному следует добавить, что реалии сегодняшнего времени диктуют необходимость выработки новых направлений в развитии уголовно-правовой политики. Данный вопрос стал эпицентром обсуждения в процессе ноябрьских слушаний в Совете Федерации Российской Федерации в 2013 г. [13], а в апреле 2017 г. общественности была представлена концепция совершенствования уголовного законодательства до 2025 г., в которой отражена потребность в проведении существенных реформ в области уголовного законодательства [14].

Возвращаясь к вопросу о сокращении уголовной репрессии, представляется возможным заключить, что его решение, в первую очередь, нацелено на уточнение и конкретизацию социально-политической и правовой оценки уголовно-наказуемых деяний, при этом обязательному учету должны подлежать такие факторы, как характер и степень общественной опасности совершенного деяния, а также лица, его совершившего. Исходя из признания принципа справедливости уголовного закона, таковым должен являться тот закон, который соответствует

требованию социальной обоснованности криминализации или декриминализации преступных деяний, пенализации или депенализации преступлений. Если та или иная законодательная новелла не вызвана объективными потребностями, то вряд ли стоит полагать, ее применение будет эффективным [15].

Автор отмечает, что еще классики юридической науки социальную обусловленность правовых норм связывали с несколькими типологическими видами общественных отношений. В первый вид (или систему) были отнесены общественные отношения, явления и процессы, которые с неизбежностью обуславливают необходимость осуществления правовой регламентации и правового регулирования, что применительно к теме данной публикации напрямую ставит вопрос об уголовных проступках.

Ко второму виду (системе) относятся общественные отношения, составляющие содержание и наполненность всей совокупности направлений правотворчества, обеспечивающие как ее эффективность, так и напротив, отрицательно на нее воздействующие либо подвергающие ее каким-либо изменениям, чья эффективность подлежит проверке временем.

К третьему виду (системе) отнесено непосредственно общественное мнение, включающее в себя взгляды, цели, потребности, желания и ожидания граждан и должностных лиц, которые не были задействованы в процессе создания законопроекта. В этом случае устанавливается, как относятся к появлению предполагаемой правовой нормы ее потенциальные пользователи [16].

Продолжая изучение сущности, роли и места социальных критериев, оценка которых дает представление о значимости закрепления в российском законодательстве категории уголовного проступка, необходимо дополнительно обратиться к вопросу снижения уголовной репрессии и привести те меры, которые для этого уже были предприняты законодателем:

1) в определенный исторический период времени в период действия УПК РСФСР из него была исключена ч. 2 ст. 96, которая допускала заключение под стражу граждан по причине наличия лишь одной опасности совершенного преступления, к которым относились, например, 1 млн. краж;

2) к этим мерам относится и принятие Федерального закона от 31.10.2002 № 133-ФЗ [17], нормы которого предусмотрели дифференциацию наказания в виде лишения свободы путем снижения санкции ч. 2 ст. 158 УК РФ с 6 до 5 лет за совершение квалифицированных видов краж, к которым законодатель относил, например, хищения «банки соленых огурцов из сарая в подвале жилого дома» или кражу двумя подростками велосипеда от подъезда жилого дома и даже хищение чужого имущества на сумму порядка 500–1 000 руб., переводя тем самым абсолютное количество краж в категорию преступлений средней тяжести;

3) передача от прокурора суду компетенции по заключению подозреваемых и обвиняемых под стражу.

Воплощение в жизнь указанных направлений позволило сократить количество находящихся в местах лишения свободы граждан к 2015–2018 гг. до 550–600 тыс., а количество заключаемых в течение года под стражу лиц в процессе предварительного расследования в три с половиной раза [18].

Важным в классификации преступных деяний на собственно преступления и проступки также является обстоятельство, которое заключается в предоставлении возможности воплотить на практике стремление законодателя в даче наиболее предметной и конкретной оценки преступного деяния, учитывая такие критерии, как его характер и степень общественной опасности, а также позволит более дифференцировано подходить к вопросам уголовной ответственности и индивидуализации наказания, расширит возможности для эффективного осуществления обязательной профилактической работы, то есть реализует в действительности одну из главных и определяющих целей процесса повышения эффективности уголовного законодательства [7, с. 131–136].

В этой связи, представляется, что закрепление на законодательном уровне категории уголовного проступка позитивно отразится на ряде аспектов, касающихся положения лиц, совершивших преступные деяния, которые не представляют большой общественной опасности, поскольку указанные лица в первую очередь станут субъектами правоотношений, заложенных анализируемой нормой. Совершенно очевидны и отличия в характере и степени общественной опасности деяний, совершенных данной категорией лиц. Не подлежит сомнению и тот факт, что моральный и социальный образ этого лица, различные аспекты характеристик криминологической направленности не могут не вносить определенные отличия таких лиц от, например, рецидивистов или совершивших преступления, отнесенные законом к категории тяжких и особо тяжких.

Вывод: Категоризация преступных деяний на уголовные проступки и преступления обусловлена объективными реалиями сегодняшнего дня и вполне соответствует современным потребностям. Законодательное закрепление категории «уголовный проступок» должно происходить одновременно с реформами в сфере уголовно-процессуального законодательства, к которым следует отнести возможность установления формы расследования путем определения тяжести преступления; принятие решение о производстве расследования в сокращенной форме лицом, производящим расследование; расширение юрисдикции относительно формы расследования; начало производства дознания без вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела; сокращение процессуального срока расследования уголовного дела.

Таким образом, предлагаемая концепция включает в себя несколько основных элементов – увеличение числа преступных деяний, находящихся в компетенции органов дознания, в том числе путем законодательного закрепления категории уголовных проступков; принятие в качестве основы для производства дознания в сокращенной форме положений, заключающихся в начале производства расследования в отношении конкретного лица по признакам преступления, отнесенного к подследственности органа дознания; признание подозреваемым факта совершенного деяния, характера и размера причиненного вреда и его согласие с правовой оценкой противоправного деяния; учет обстоятельств, исключаящих производство дознания в сокращенной форме; концептуальные изменения формы расследования преступлений анализируемого вида с переориентацией на протокольную форму расследования.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2017 № 42-П.
2. Головкин, Л. В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые замыслы и реальная подоплека // Закон. – 2018. – № 1. – С. 127–136.
3. Кривоченко, Л. Н. Об уголовном проступке // Вопросы государства и право развитого социалистического общества: республиканская науч. практ. конф., 1975.
4. Дорошков, В. В. К вопросу об уголовном проступке // Мировой судья. – 2016. – № 12. – С. 31–39.
5. Акутаев, Р. М. Об уголовных проступках и категоризации преступлений в свете постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 г. // Российская юстиция. – 2013. – № 5.
6. Максимов, С. В. УК на перепутье. Стоит ли форсировать работу над новым кодексом // Опубликовано на сайте «Российской газеты» 7 июня 2011 г. – URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html>.
7. Гаврилов, Б. Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 2. – С. 131–136.
8. Гаврилов, Б. Я. Перспективы закрепления уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России / Б. Я. Гаврилов, Е. В. Рогова // Российская юстиция. – 2016. – № 11. – С. 2–5.
9. Цепелев, В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы : Материалы IV Междунар. науч.-практич. конф., 27–28 мая 2004 г., – М., 2005. – С. 331–419.
10. Щедрин, Н. С. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования / Н. С. Щедрин // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 2. – С. 40–49.
11. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса : монография / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. – М. : Норма, 2006. – 144 с.
12. Гаврилов, Б. Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты : монография / Б. Я. Гаврилов. – М. : Проспект, 2008. – 208 с.
13. Парламентские слушания «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» с участием Председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко и Генерального прокурора РФ Юрия Чайки от 18.11.2013 г. // URL: <http://www.council.gov.ru>.
14. Парламентские слушания в Совете Федерации 5 апреля 2017 г. // URL: <http://www.council.gov.ru>.
15. Орехов, В. В. Социология в науке уголовного права / В. В. Орехов. – Ленинград, 1985.

16. Казимирчук, В. П. Современная социология права / В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев. – М., 1995.

17. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.10.2002 № 133-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 211.

18. Выступление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Москальковой Т.Н. в рамках Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке», 23–24 января. – М., МГЮА им. О.Е. Кутафина.